

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 15 • № 4 • 2023 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, профессор Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 15 • No. 4 • FALL • 2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Professor at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
2034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 26.02.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0.

Уч.-изд. л. . Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12383. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

Вершинин А.А., Тупикин П.А. Дипломатическая деятельность М.М. Литвинова в США в период Великой Отечественной войны (1941–1943)	7
--	---

Теория международных отношений

Юдин Н.В. О чем говорят и о чем молчат учебники по теории международных отношений (и что с этим делать)	33
Кучеров М.А., Харкевич М.В. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности	61
Левченко А.В. Неоклассический реализм: в поисках своего «Я» в теории международных отношений	84

Международные организации и мировые политические процессы

Чжу Сюй. Стратегический треугольник «Россия — Индия — Китай»: структура и проблемы взаимодействия	107
Ли Цянъ. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы	142

<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» в 2023 г.</i>	<i>173</i>
--	------------

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Politics

- Vershinin A.A., Tupikin P.A. Diplomatic Activities of M.M. Litvinov in the USA During the Great Patriotic War (1941–1943) 7

Theory of International Relations

- Yudin N.V. Textbooks on the International Relations Theory: What They Talk About, What They Keep Silent About, and What to Do About It 33
- Kucherov M.A., Kharkevich M.V. ‘Bottom-Up Securitization’: A Visual Turn in Security Studies 61
- Levchenko A.V. Neoclassical Realism in International Relations Theory: Searching for Its Own Path 84

International Organizations and World Political Processes

- Zhu Xu. Strategic Triangle ‘Russia — India — China’: Structure and Problems of Interaction 107
- Li Qian. China’s Peacekeeping Activities within the UN: Features, Challenges, and Prospects 142

- Complete List of Papers Published in Lomonosov World Politics Journal in 2023* 173

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32

Научная статья / Research paper

А.А. Вершинин, П.А. Тупикин*

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. ЛИТВИНОВА В США В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1943)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Период Великой Отечественной войны — одна из наиболее ярких страниц в истории советско-американского сотрудничества. СССР и США смогли преодолеть инерцию негативного восприятия друг друга, сохранившегося на протяжении большей части межвоенного периода, вместе возглавив борьбу с державами «оси». Однако этот процесс сближения двух будущих сверхдержав не был ни простым, ни быстрым; его постоянно тормозило взаимное недоверие, усугублявшееся различиями в политической культуре двух стран. В этих условиях судьба межсоюзнических отношений зависела от готовности лидеров «Большой тройки» идти на взаимные уступки и компромиссы, от личной инициативы и решительности отдельных политиков и дипломатов. В этом плане особенно примечательна фигура М.М. Литвинова, назначенного послом СССР в США в самый тревожный и опасный момент Великой Отечественной войны. Сыграв большую роль в организации советско-американского сотрудничества в 1941–1943 гг., М.М. Литвинов оказался на долгие годы предан забвению как в советской, так и в российской историографии. В данной статье предпринимается попытка на основе новых архивных материалов оценить деятельность М.М. Литвинова в качестве посла в США

* Вершинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013); Тупикин Павел Александрович — соискатель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tupikin.p@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-7980-3510).

и особенности его взаимоотношений с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым в рассматриваемый период. В начале статьи рассмотрены первые шаги М.М. Литвинова на новом посту. Особое внимание уделено его усилиям, направленным на прояснение советской позиции по наиболее чувствительным вопросам двусторонних отношений и установление контактов с различными группами американской политической, экономической и интеллектуальной элиты. Во второй части статьи проанализирована деятельность М.М. Литвинова в условиях нарастания межсоюзнических противоречий по проблемам открытия второго фронта и срыва поставок в рамках ленд-лиза. Авторы показывают, что М.М. Литвинов использовал все доступные ему средства и приемы для отстаивания интересов СССР, чутко реагируя на любые изменения в настроениях военно-политического руководства США и немедленно сообщая о них в Москву. В этом контексте авторы ставят под сомнение распространенные в историографии представления об излишней самостоятельности и независимости посла. Напротив, можно констатировать, что М.М. Литвинов во всех своих выступлениях и практических шагах последовательно придерживался официальной внешнеполитической линии советского руководства. Таким образом, проведенное исследование указывает на необходимость дальнейшего изучения фигуры М.М. Литвинова для отхода от излишне упрощенных, клишированных оценок этой личности.

Ключевые слова: М.М. Литвинов, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, советско-американские отношения, «Большая тройка», второй фронт, ленд-лиз, НКВД, США, СССР, антигитлеровская коалиция, Ф.Д. Рузвельт, И.В. Сталин

Для цитирования: Вершинин А.А., Тупикин П.А. Дипломатическая деятельность М.М. Литвинова в США в период Великой Отечественной войны (1941–1943) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32.

Aleksandr A. Vershinin, Pavel A. Tupikin

DIPLOMATIC ACTIVITIES OF M.M. LITVINOV IN THE USA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1943)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The Great Patriotic War is one of the highlights in the history of Soviet-American cooperation. The USSR and the United States managed to overcome

the inertia of mutual mistrust that persisted throughout most of the interwar period, taking together the lead in the fight against the Axis powers. However, rapprochement between the two future superpowers was neither plain nor swift; rather was it constantly hampered by mutual suspicion, aggravated by differences in their political cultures. Under these conditions, the fate of their alliance depended on the willingness of the 'Big Three' leaders to respect each other's interest and concerns, as well as on the personal initiative and determination of individual politicians and diplomats. In this regard, the figure of M.M. Litvinov, appointed ambassador of the USSR to the United States at the most alarming and dangerous moment of the Great Patriotic War, deserves particular attention. Having played a major role in the Soviet-American cooperation in 1941–1943, M.M. Litvinov has been then forgotten for many years in both Soviet and Russian historiography. On the basis of new archive materials, the authors reexamine the activities of M.M. Litvinov as an ambassador to the United States and the specifics of his relationship with J.V. Stalin and V.M. Molotov during the period under review. The first section covers the initial steps of M.M. Litvinov in his new position. Special attention is paid to his efforts aimed at clarifying the Soviet position on the most sensitive issues of bilateral relations and establishing contacts with various groups of the American political, economic and intellectual elites. The second section analyzes M.M. Litvinov's activities in the context of increasing contradictions between the Allies with regard to the opening of the second front and disruption of supplies under lend-lease. The authors show that M.M. Litvinov used all the diplomatic tools available to defend the interests of the USSR, instantly reacting to any changes in the moods of the U.S. military and political establishment and immediately reporting them to Moscow. In this context, the authors question the widespread claims in historiography about the ambassador's excessive independence and willfulness. On the contrary, M.M. Litvinov can be said to have consistently adhered to the official foreign policy line of the Soviet leadership in both his speeches and practical steps. This indicates the need for further study of the M.M. Litvinov's figure in order to avoid oversimplified, clichéd assessments of this personality.

Keywords: M.M. Litvinov, Great Patriotic War, World War II, Soviet-American relations, Big Three, second front, lend-lease, People's Commissariat for Foreign Affairs, USA, USSR, Anti-Hitler coalition, F.D. Roosevelt, I.V. Stalin

About the authors: *Aleksandr A. Vershinin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013); *Pavel A. Tupikin* — PhD Candidate at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tupikin.p@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-7980-3510).

For citation: Vershinin A.A., Tupikin P.A. 2023. Diplomatic activities of M.M. Litvinov in the USA during the Great Patriotic War (1941–1943). *Lo-monosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-7-32. (In Russ.)

Период Великой Отечественной войны оказался одним из самых продуктивных в истории советско-американских отношений. В условиях опасности распространения нацизма СССР и США стали ведущими участниками «Большой тройки» — союза трех лидеров, сумевшего одержать верх над странами «оси» во Второй мировой войне. Однако процесс формирования и развития союзнических отношений был далеко не безоблачным: руководству двух держав приходилось преодолевать взаимное недоверие, шаг за шагом наращивать темпы сотрудничества.

Немалую роль в этом процессе играли работники посольств, которые должны были быстро реагировать на возникавшие противоречия, сглаживать острые углы, отстаивая при этом интересы своего государства. Одной из наиболее ярких фигур, исполнявших в данный период обязанности посла СССР в США, стал М.М. Литвинов, занимавший этот пост с конца 1941 г., когда в условиях формирования советско-американского союза возникла необходимость заменить его предшественника, К.А. Уманского, с недоверием относившегося к Белому дому и критически воспринимавшего его действия. Во многом благодаря активности М.М. Литвинова в общественном мнении США начал укореняться образ СССР как перспективного партнера, а Белый дом, представители американского истеблишмента и деловой элиты всё интенсивнее вовлекались в программу поддержки Москвы, которая нуждалась в помощи на начальном этапе войны.

Вместе с тем важно отметить, что деятельность М.М. Литвинова в качестве посла довольно слабо исследована в отечественной и зарубежной историографии. Один из наиболее известных наркомов иностранных дел, посол в США, заместитель главы Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР, принимавший участие в разработке принципов послевоенного миропорядка, он оказался вне поля зрения историков. М.М. Литвинову посвящены одна работа на русском языке, вышедшая еще в годы перестройки и но-

сившая больше публицистический, чем академический характер, а также главы в общих монографиях [Шейнис, 1989; Млечин, 2011]. Отчасти такое «политическое забвение» объясняется сложными отношениями М.М. Литвинова с его подчиненным, а позже — руководителем МИД СССР А.А. Громыко, который недолго любил бывшего наркома и в мемуарах писал о том, что само назначение М.М. Литвинова в Вашингтон рассматривалось И.В. Сталиным как временная мера для улучшения советско-американских отношений¹. Фигура наркома привлекала и зарубежных исследователей [Pope, 1943; Phillips, 1992; Holroyd-Doveton, 2013], однако их работы страдали очевидной неполнотой ввиду отсутствия у авторов доступа к советским, а позднее — российским архивным фондам. Оценки фигуры М.М. Литвинова в зарубежной историографии зачастую были идеологически ангажированы, он представлен как «жертва сталинского режима», сторонник «коллективной безопасности» и «тесного сотрудничества с Европой», пострадавший в результате смены советских политико-стратегических ориентиров [Дюллен, 2019: 305, 381]. При этом его деятельность как посла и в этих трудах оказывалась на втором плане.

Показательный факт: в опубликованном в 2004 г. объемном документальном сборнике «Советско-американские отношения, 1939–1945» обширная служебная переписка вашингтонского посольства с Москвой за рамками того, что уже было опубликовано ранее, оказалась вообще не отражена². Более информативными являются соответствующие тома «Документов внешней политики СССР», вобравшие в себя материалы из других советских публикаций³. Однако особую важность получило открытие в 2019 г. ряда документов, хранившихся в архиве МИД РФ, которое позволило подробнее осветить роль М.М. Литвинова в становлении и развитии советско-американского диалога, оценить его деятельность на посту посла СССР в США, где он, выступая преданным защитником интересов Советского Союза, смог стать одной из наиболее

¹ Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 77–78.

² Советско-американские отношения, 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: Материк; Демократия, 2004.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 24: 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М.: Международные отношения, 2000; Там же. Т. 25: 1942. М.: Гриф и К, 2010; Там же. Т. 26: 1943. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016.

популярных фигур, пользовавшихся авторитетом в американском истеблишменте и деловых кругах⁴.

В данной статье предпринимается попытка оценить роль М.М. Литвинова в развитии советско-американского сотрудничества в период его пребывания на посту посла СССР в США. Для достижения указанной цели необходимо ответить на ряд исследовательских вопросов: какие ключевые противоречия в отношениях Кремля и Белого дома наблюдались осенью 1941 — летом 1943 г.; как М.М. Литвинов оценивал возможности сотрудничества двух держав и какие шаги он предпринимал для его осуществления; насколько независимой от воли Кремля была активность М.М. Литвинова и в какой степени его деятельность соответствовала позиции в отношении Вашингтона, занимаемой И.В. Сталиным?

Первые шаги нового посла

Важно отметить, что советское руководство вывело дипломата на политическую орбиту далеко не сразу. В июне–сентябре 1941 г. бывший глава НКВД оставался в «политическом забытии», которое продолжалось с момента его отставки в мае 1939 г. Однако сложности, с которыми столкнулась советская дипломатия, выстраивая курс на сотрудничество с США, необходимость перейти в диалог двух держав от недоверия и подозрений к активному взаимодействию стали причиной укрепления его роли. 25 сентября 1941 г., утверждая состав делегации на Московскую конференцию СССР, США и Великобритании, Государственный комитет обороны ввел в число участников и М.М. Литвинова⁵. Союзники воспользовались инициативой СССР, попросив заменить на встрече с И.В. Сталиным в рамках саммита трех держав К.А. Уманского на М.М. Литвинова, что, судя по воспоминаниям очевидцев и сохранившимся документам, для последнего стало неожиданностью [Печатнов, 2006: 31–32].

Осенью 1941 г. бывший нарком был назначен заместителем главы НКВД В.М. Молотова и занял должность посла СССР в США. В записи беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского с американским послом Л. Штейнгардтом от

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 129. Посольство СССР в США.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 92.

4 ноября 1941 г. сообщалось о положительной реакции американского руководства на назначение нового посла, о «большом удовлетворении», с которым был принят этот шаг Кремля⁶. М.М. Литвинова в США хорошо помнили: в ноябре 1933 г. он в качестве наркома предпринял поездку в Вашингтон, итогом которой стало заключение так называемого соглашения Рузвельта–Литвинова. Визит советского дипломата проходил тогда в дружественной атмосфере, а сам президент Ф. Рузвельт отмечал, что говорит с ним «на одном языке». Столь высокий уровень взаимопонимания, демонстрация доверия президента к новому послу немало способствовали успеху непростых переговоров, открывших путь к установлению дипломатических отношений между двумя странами⁷.

М.М. Литвинова, находившегося в Куйбышеве, вызвали в Москву к И.В. Сталину, который сообщил ему о назначении и необходимости незамедлительно вылететь в Вашингтон, куда дипломат и отправился с аэродрома в Куйбышеве 12 ноября 1941 г. Причины, побудившие советское руководство обратиться к опальному наркому, были ясны: хотя ему не слишком доверяли в Кремле, воспринимали как фигуру, нацеленную на развитие отношений с Западом, в сложившихся условиях он был нужен как символ нового этапа в укреплении советско-американского сотрудничества. Москва этим назначением демонстрировала готовность к выстраиванию эффективного взаимодействия, поскольку было очевидно, что помощь Вашингтона необходима Красной армии для победы [Urban, 1981: 21]. Как позднее признавал В.М. Молотов в беседе с Ф.И. Чуевым, «Литвинова держали послом в США только потому, что его знал весь мир»⁸. Этот сигнал восприняли и на Западе. 2 декабря в беседе с советским послом в Китае спецпредставитель Ф. Рузвельта при правительстве Чан Кайши О. Латтимор отметил, что «приезд и пребывание М. Литвинова в качестве посла СССР в США могут способствовать созданию демократического союза, в который должны войти Англия, США, СССР и другие страны»⁹. Прибытие М.М. Литвинова в Вашингтон

⁶ Советско-американские отношения, 1939–1945... С. 165.

⁷ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: Сборник документов: В 3 т. Т. 3: 1933–1941 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2009. С. 25–27.

⁸ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 96.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. ... С. 463–464.

вызвало большой резонанс в американском истеблишменте и рассматривалось как знак готовности СССР к активизации диалога с США.

Новый посол активно включился в работу, направленную на объяснение американской общественности угроз, которые несла агрессия А. Гитлера, и сложностей, которые испытывал Советский Союз в борьбе с ней. В речи, произнесенной дипломатом на вручении верительных грамот 9 декабря 1941 г., он отметил, что столкнулся с растущим осознанием людьми в США опасности, которой чревата реализация гитлеровской программы, направленной на уничтожение политической и экономической независимости других стран. Более того, посол отметил, что цель его миссии — создать оптимальные условия для сотрудничества двух государств¹⁰.

Московская конференция трех держав, подписание первого протокола о поставках и обещания союзников оказать помощь не сняли все вопросы, которые служили источником недопонимания и недоверия между лидерами «Большой тройки». К таким проблемным точкам можно отнести медлительность союзников в исполнении обещаний и отсутствие второго фронта, на что И.В. Сталин обратил внимание, выступая 6 ноября 1941 г. по случаю годовщины Октябрьской революции. В своей речи он указал, что неудачи Красной армии связаны с отсутствием в Европе войск США и Великобритании, которые вели бы военные действия против Германии¹¹. В декабре 1941 г. к уже имевшимся проблемам добавилась новая: Япония напала на американские базы в Тихом океане, что привело к вступлению США в войну¹². В этой ситуации в американской политической элите усилились позиции группы, считавшей первоочередным именно Тихоокеанский театр военных действий. Вместе с тем все инициативы американских дипломатов по укреплению сотрудничества на Дальнем Востоке воспринимались Москвой как стремление втянуть СССР в войну на два фронта. Разумеется, все эти нюансы новый советский посол должен был учитывать, реализуя политическую линию, определенную Кремлем.

Первой проблемой, которую предстояло уладить М.М. Литвинову, было согласование общей советско-американской позиции в связи

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–49.

¹¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947. С. 24.

¹² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 37. Л. 26–27.

с нападением Японии на Пёрл-Харбор, спровоцировавшим дискуссии в американском руководстве о необходимости корректировки военно-политического курса¹³. Несмотря на то что никто в Вашингтоне не рассчитывал на прямое участие Москвы в американско-японской войне, Ф. Рузвельт и члены его администрации желали, чтобы советские оценки были выдержаны в максимально неопределенных выражениях: это заставило бы Токио насторожиться и приковало бы к дальневосточной границе СССР дополнительные японские силы. Советский посол недвусмысленно отказался. «Это могло бы лишь побудить Японию напасть на нас первой», — констатировал он¹⁴. При том что логика, руководившая действиями советской стороны, была понятна, разъяснение этой позиции американскому руководству, связанному ожиданиями общества, вынужденному согласовывать позиции различных групп военно-политической элиты, где мнение о необходимости войны с Японией было весьма популярным, требовало особого дипломатического мастерства. Именно его пришлось применить советскому послу при обсуждении документа, получившего название «Декларация Объединенных Наций» (далее — Декларация).

Важно отметить, что 1 января 1942 г. М.М. Литвинов от имени СССР третьим после США и Великобритании поставил подпись под этим документом [Поздеева, 1995: 373]. Таким образом, Москва принимала те инициативы, которые предлагали союзники, и включалась в диалог по урегулированию международных проблем. Однако подписанию Декларации предшествовали дискуссии между представителями трех держав. Советский посол воспротивился формулировкам, которые содержали хотя бы намек на возможность активизации военных действий на Дальнем Востоке. Вместо идеи «разгрома государств — участников пакта трех держав», направленной и против Японии, он смог отстоять формулировку «борьба за победу над гитлеризмом», которая более соответствовала советским интересам и не содержала намека на обязательство советской стороны принять участие в военном конфликте на Дальнем Востоке¹⁵.

¹³ New York Times. 1941. 29 December.

¹⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1941–1943. М.: Политиздат, 1984. С. 143–145.

¹⁵ Шервуд Р.Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 22.

В начале 1942 г. М.М. Литвинов включился в обсуждение вопроса об открытии второго фронта. 20 января он писал в Москву о том, что обещания американцев существенно нарастить объем военных поставок в СССР к апрелю 1942 г. «делаются все более и более иллюзорными» по причине расширения зоны боевых действий на Тихом океане и в Восточной Азии. «Ввиду этого, — предлагал М.М. Литвинов, — не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на европейском континенте <...>. Если не могут помогать военными материалами, пусть помогают людьми, тем более что американская армия неплохо оснащена, а англичане тоже, вероятно, успели оснастить свою армию. С Рузвельтом говорить об этом недостаточно, надо мне подготовить общественное мнение, но для этого требуется время»¹⁶. Важно отметить, что в вопросе открытия второго фронта М.М. Литвинов выступал даже более активно, чем его руководство в Москве. В ответ на телеграмму посла от 20 января В.М. Молотов инструктировал его держаться более сдержанно: «...мы уже трижды получили отказ на наше предложение о создании второго фронта, и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте перед Рузвельтом»¹⁷. Однако уже 13 февраля, отвечая на вопрос президента о складывающихся военно-политических реалиях, М.М. Литвинов, оговорившись, что озвучивает свое личное мнение, отметил: для эффективного изменения ситуации на Востоке Европы необходимо открыть второй фронт в Западной Европе¹⁸ [Шейнис, 1989: 396].

Одновременно на повестке дня оставался поднятый еще на Московской конференции вопрос американских военных поставок в СССР по программе ленд-лиза. Являясь на том этапе фактически единственным публичным лицом советского посольства, М.М. Литвинов проводил ряд встреч с представителями политического руководства и деловых кругов, чтобы увеличить число сторонников помощи СССР. В частности, в одном из отчетов он писал о беседе с полковником в отставке С. Гугенгеймом, который был связан с нефтяными предприятиями США. Последний пытался уточнить,

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 149–150.

¹⁷ Там же. С. 150–151.

¹⁸ Там же. С. 152.

может ли он быть чем-то полезен, особенно своими контактами в военных кругах, в связи с реализацией программы ленд-лиза в отношении Советского Союза. М.М. Литвинов, понимая, что далеко не всё в данной программе реализуется быстро, что СССР сталкивается и с бюрократическими сложностями, и с недоброжелательным отношением американских чиновников, постарался выяснить настроения официального военного руководства и обещал посоветоваться с закупочной комиссией¹⁹. Удалось послу наладить отношения и с другими представителями деловых кругов, например с юрисконсультом National City Bank, который был направлен своим руководством для финансовых консультаций²⁰. Принадлежал к числу сторонников тесного советско-американского сотрудничества и Н. Рокфеллер, к чьей позиции прислушивались в Вашингтоне²¹. Однако, несмотря на поддержку бизнеса, справиться с бюрократической волокитой военных ведомств США, недоверием со стороны ряда их представителей было непросто. В дальнейшем работники советского посольства отмечали, что проблемы с поставками, отчуждение военного руководства сохранялись, хоть и не были лейтмотивом советско-американского сотрудничества.

В ходе переговоров с советскими дипломатами американцы настойчиво проводили мысль об активизации дальневосточного маршрута поставок, который, по их мнению, мог использоваться и для оказания помощи Китаю, воевавшему, как и США, против Японии. У М.М. Литвинова, вероятно, имелась инструкция из Москвы не форсировать на данном этапе этот вопрос ввиду возможных последствий для советско-японских отношений. Посол, тем не менее, предлагал представить советские доводы в максимально обоснованном виде, дав «убедительную подробную мотивировку технического характера»²². Как мы видим из дальнейших сообщений посла, советская сторона выступила за увеличение поставок через Персидский залив, что нашло понимание у американского руководства, поэтому обсуждение дальневосточного маршрута на время прекратилось²³.

¹⁹ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 2. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Громыко А.А. Указ. соч. С. 121.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 233.

²³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 173.

Деятельность М.М. Литвинова в условиях нарастания противоречий между союзниками

В апреле 1942 г. Ф. Рузвельт в контексте обсуждения проблемы открытия второго фронта в Европе предложил И.В. Сталину направить В.М. Молотова в Вашингтон. Данный шаг был необходим не только для налаживания прямого контакта с вождем, но и для знакомства американской элиты с представителем советского высшего руководства. Поездка столь высокого лица могла позволить Москве урегулировать ряд важнейших военно-политических проблем, таких как поставки по ленд-лизу, открытие второго фронта, вопрос о границах СССР. В послании И.В. Сталину президент подчеркивал, что, приглашая В.М. Молотова, не хочет «действовать, каким бы то ни было образом минуя [своего] друга г-на Литвинова»²⁴. В Кремле, однако, колебались. В.М. Молотов через М.М. Литвинова запрашивал, «какие конкретные вопросы американский президент намерен поставить на обсуждение при встрече». За годы пребывания во главе советского внешнеполитического ведомства М.М. Литвинов в полной мере осознал то глубокое недоверие к капиталистическому миру, которое испытывало высшее руководство СССР. Поездку второго человека в государстве за океан он не мог не рассматривать как акцию, имевшую особое политическое значение. Этим была обусловлена и тактика в общении с В.М. Молотовым, которую выбрал М.М. Литвинов: не скрывать никаких «подводных камней» и не акцентировать фактор «доброй воли» американцев.

Формулируя ответ в Москву, посол отмечал: «Ваш приезд нужен Рузвельту, чтобы укрепить его внутри страны, показав, что им принимается что-то новое <...>. Не исключено, как я уже указывал, что Рузвельт хочет произвести впечатление на Японию, а также поставить другие вопросы, о которых он предпочитает сейчас умолчать». М.М. Литвинов аккуратно, но настойчиво проводил мысль: встреча с Ф. Рузвельтом необходима в том или ином формате. «Мне кажется, — телеграфировал он В.М. Молотову, — что Вам трудно будет отклонить приглашение, если не выдвинуть контрпредложение о встрече в Лондоне»²⁵. После раздумий Кремль дал согласие на отправку главы НКВД в Лондон и Вашингтон.

²⁴ Там же. С. 160.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 276–277.

Накануне приезда В.М. Молотова в Вашингтон, 26 мая 1942 г., М.М. Литвинов встретился с госсекретарем США К. Хэллом, который вручил проект советско-американского соглашения по ленд-лизу, идентичного англо-американскому договору. Подписание этого документа позволяло СССР и Соединенным Штатам интенсифицировать обсуждение экономических проблем. Кроме того, глава Госдепартамента высказал пожелание о продлении заключенного в 1941 г. торгового соглашения²⁶. Советский посол отметил, что у него сложилось впечатление, будто К. Хэлл рассчитывал придать своим действиям большую политическую значимость, подписав данные документы во время пребывания В.М. Молотова в США²⁷.

Встреча в Вашингтоне прошла 29 мая — 1 июня, причем нарком имел возможность пообщаться и с президентом лично, и с важнейшими представителями американской военной элиты: Дж. Маршаллом, Г. Стимсоном и др. Одним из наиболее злободневных был вопрос об открытии второго фронта, волновавший как политическую элиту США, так и советское руководство²⁸. В.М. Молотов выразил позицию СССР, согласно которой союзники должны были высадить десант в Северной Франции, чтобы оттянуть 40 немецких дивизий с Восточного фронта, поскольку именно Германия — ключевой враг Объединенных Наций и на борьбу с ней необходимо бросить максимально возможные силы²⁹.

Сам Ф. Рузвельт и принимавшие участие в обсуждении данного вопроса представители политической элиты США (Дж. Маршалл, Э. Кинг, Г. Гопкинс) отмечали, что Вашингтон готов пойти на уступки Москве, однако для переброски десанта необходимы корабли, а освободить их можно, только отказавшись от части поставок, предназначенных СССР по ленд-лизу. С точки зрения Ф. Рузвельта и его ближайшего окружения, материальную помощь Советскому Союзу необходимо было сократить почти в два раза. Однако такая позиция американского руководства не устраивала Кремль, не

²⁶ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 2. Л. 7.

²⁷ Там же.

²⁸ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 567–569. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_567 (accessed: 15.12.2023).

²⁹ Ibid. P. 567.

желавший терять столь необходимую поддержку³⁰. Не остался без внимания В.М. Молотова и другой вопрос, касавшийся сокращения поставок: что произойдет, если русские откажутся от части запрошенного (а это, безусловно, снизит боеспособность Красной армии), но второй фронт так и не будет открыт [Dallek, 1979: 342]? Советская сторона настояла, чтобы фраза об открытии второго фронта вошла в коммюнике переговоров, но было件件но, что достичь согласия в данном вопросе件件сто.

Позиция М.М. Литвинова в ходе советско-американских переговоров в Вашингтоне выглядела сложной. В.М. Молотов относился к послу холодно. Впоследствии он вспоминал, что отказался от его участия в переговорах в Белом доме. Это было не так: М.М. Литвинов присутствовал при обсуждении ключевых вопросов, хотя от Ф. Рузвельта не ускользнула некоторая напряженность между советскими представителями³¹. Знания М.М. Литвинова и его опыт были тем активом, от которого на данном этапе Москва не была готова отказаться. 11 июня посол по поручению своего руководства подписал советско-американское соглашение «о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», которое фактически оформило военный союз между двумя странами.

Однако уже через две недели советский посол точно уловил важное изменение настроений в Вашингтоне. 25 июня его вызвали в Белый дом, где в то время проходили переговоры американской и британской делегаций. Неофициальный характер визита, затянувшийся обмен любезностями и общие фразы быстро убедили посла в том, что пригласили его «не ради делового разговора, а исключительно ради приличия». М.М. Литвинов сразу понял: союзники пытаются сохранить хорошую мину при плохой игре. «Вопрос о втором фронте несколько не продвинулся, а скорее Черчилль убедил президента в необходимости дальнейшей отсрочки»³², — написал он в Москву. Его прогноз оказался точным.

Аналогичные настроения были характерны и для американской общественности в целом, о чем М.М. Литвинов также информировал

³⁰ Harriman A., Abel E. *Special envoy to Churchill and Stalin, 1941–1945*. New York: Random House, 1975. P. 137.

³¹ Чуев Ф.И. Указ. соч. С. 96; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 203.

³² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... С. 207–208.

Кремль. Например, вице-консул СССР в Лос-Анджелесе А.А. Скориков сообщал послу, что, хотя «либерально настроенные круги Голливуда» и поддерживают идею о высадке англо-американского десанта в Европе, этот вопрос мало обсуждается публично. Что касается военных, то они холодно относились к перспективе открытия второго фронта. Более того, некоторые из них считали, что высадка десанта должна стать ответным шагом на активизацию действий СССР на Дальнем Востоке³³.

Разумеется, подобные сообщения не добавляли доверия И.В. Сталина к союзникам. В записке советника при посольстве СССР в США А.А. Громыко на имя В.М. Молотова показана еще более удручающая картина. Помощник посла указывал: несмотря на ожидания рядовых американцев, нет признаков того, что Вашингтон серьезно относится к вопросу об открытии второго фронта. А.А. Громыко сообщал, что особенно сильны антисоветские настроения в генералитете и аппарате военного департамента. Военные оказывали влияние на Ф. Рузвельта, говоря о неподготовленности США к такому шагу³⁴. Советский дипломат также предлагал не слишком доверять союзникам в вопросах, связанных с поставками, отмечая, что за шесть месяцев 1942 г. американская военная промышленность произвела военного снаряжения (включая самолеты и танки) в 1,5 раза больше, чем за весь 1941 год³⁵.

Это донесение является лишь одним из множества сообщений, которые поступали в СССР как по линии НКВД, так и через резидентов НКВД и анализировались И.В. Сталиным³⁶. Раздражение вождя усиливалось, что проявлялось и в переписке с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, и в беседе с последним во время его визита в Москву, предпринятого для того, чтобы лично предупредить главу Кремля о невозможности открытия второго фронта в Европе в 1942 г.

На фоне такой позиции союзников М.М. Литвинову удалось добиться ряда уступок от Госдепартамента, призванных усилить эффективность работы посольства. В частности, 10 июня 1942 г. он получил от К. Хэлла заверения, что будут приложены все возможные

³³ АВПРФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 6. Л. 7–8, 10.

³⁴ Там же. Л. 15–16.

³⁵ Там же. Л. 19.

³⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2003. С. 100.

усилия, чтобы почта, предназначенная для посольства, своевременно туда поступала³⁷. 7 июля посол обратился к госсекретарю со словами благодарности в связи с подписанием Второго протокола, предусматривавшего расширение американских поставок в СССР. Вместе с тем М.М. Литвинов просил (не без ведома советского руководства) об увеличении числа поставляемых самолетов (до возможного лимита), а также сообщал о заинтересованности советской стороны в получении металлов, необходимых для эффективной организации военного производства³⁸.

В июле союзники фактически дезавуировали свое согласие на открытие второго фронта в Европе в 1942 г. В августе этот вопрос стал центральным в ходе Второй Московской конференции с участием И.В. Сталина и У. Черчилля. М.М. Литвинов убеждал Москву в том, что планируемая вместо этого десантная операция в Северной Африке не будет иметь стратегического эффекта на Восточном фронте. «Гитлер не станет перебрасывать туда войска из СССР. Он скорее пожертвует всей Триполитанией и Ливией, чем откажется от выполнения своих стратегических планов на Востоке с использованием лета и осени»³⁹, — писал он в НКВД. В своих телеграммах он практически никогда не предлагал «войти в положение» американцев и смягчить советскую позицию.

В начале августа 1942 г. М.М. Литвинов встретился с представителями Комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США, обрисовав положение дел, сложившееся на советском фронте. Этот шаг был весьма своевременным, поскольку на фоне довольно детального рассказа о сложностях на фронте активнее зазвучали голоса в пользу увеличения помощи СССР и открытия второго фронта⁴⁰.

³⁷ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 452. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_452 (accessed: 15.12.2023).

³⁸ Ibid. P. 713. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_713 (accessed: 15.12.2023).

³⁹ Ibid. P. 220. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_220 (accessed: 15.12.2023).

⁴⁰ Congressional Record: July 27, 1942. Vol. 88, Part 5 — Bound Edition, 77th Congress — 2nd Session // Library of Congress. P. 6662. Available at: <https://www.congress.gov/77/crecb/1942/07/27/GPO-CRECB-1942-pt5-17-2.pdf> (accessed: 15.12.2023).

Во главе угла для М.М. Литвинова была реализация курса, проводимого Кремлем и НКВД. Наглядным свидетельством этого является инцидент, произошедший в беседе В.М. Молотова с британским послом А. Керром 29 сентября 1942 г. Ее запись сохранила упоминание об одном весьма экстравагантном, с точки зрения англичанина, действии М.М. Литвинова.

А. Керр сообщал главе НКВД о словах своего советского коллеги, расходившихся с тем, что И.В. Сталин сказал У. Черчиллю во время его визита. М.М. Литвинов якобы отметил, что Сталинград, за который в тот момент шли тяжелые бои, потерян для СССР, что Кавказ неизбежно попадет в руки А. Гитлера. Когда немцы будут в Баку, турки присоединятся к ним. Говоря о втором фронте, он, как утверждалось, отмечал, что это позволило бы перебросить на Запад с советско-германского фронта 50 дивизий. Советский посол, со слов А. Керра, утверждал, что посещение В.М. Молотовым Лондона и Вашингтона было ошибочным, поскольку пробудило надежды, которые в конце концов не были реализованы. Более того, М.М. Литвинов упоминал о том, что внутри гражданского населения имело место брожение, которое скоро распространится и на Красную армию. Говорил он и о пятой колонне в самом Вашингтоне, с которой не могли справиться Ф. Рузвельт и его окружение⁴¹.

Подобный демарш вряд ли мог быть вызван паникой опытного дипломата, для которого такие настроения в принципе не были характерны. С трудом верится, что М.М. Литвинов был убежден в том, что говорил, либо сознательно противоречил мнению И.В. Сталина. Скорее всего, вождь использовал авторитетного на Западе дипломата, чтобы испугать союзников, напомнив, что если СССР не выстоит под Сталинградом, если А. Гитлер получит доступ к нефтяным месторождениям Кавказа, то ситуация окажется губительной для всей антигитлеровской коалиции. Косвенно о срежиссированности подобного шага М.М. Литвинова, согласованности его с советским руководством на самом высшем уровне говорит тот факт, что дипломат не утратил своего положения, его действия не были расценены как предательские. И это при том, что И.В. Сталин жестко держал все нити внешней политики в своих руках, считая ее важнейшей частью своего «политического хозяйства», в управление которым вмешивался лично [Хлевнюк, 2023: 21].

⁴¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 13. Л. 92–93.

Вместе с тем напряженность в отношениях М.М. Литвинова и руководства НКВД сохранялась. В конце сентября В.М. Молотов и заместитель председателя Совнаркома А.И. Микоян отчитывали его за недостаточную твердость при переговорах о подписании Второго протокола поставок по ленд-лизу: М.М. Литвинов предлагал сконцентрироваться на наращивании транспортных возможностей союзников, а не на скорейшем подписании соглашения, которое без наличия необходимого тоннажа осталось бы неэффективным⁴². Однако Кремль настаивал; в результате посол принял указания к исполнению, и уже 6 октября протокол был подписан. Для более эффективного разрешения возникавших вопросов М.М. Литвинов обратился 16 октября 1942 г. к госсекретарю с предложением об усилении роли Комиссии внешней торговли в СССР в организации американских поставок. С его точки зрения, контролирование государственным институтом вопросов снабжения помогло бы уменьшить волокиту и сделать процесс наиболее эффективным⁴³.

Наряду с проблемой нерегулярности поставок советское руководство продолжало интересоваться позицией Белого дома о перспективах открытия второго фронта. 13 октября 1942 г. в донесении В.М. Молотову М.М. Литвинов сообщал, что Ф. Рузвельт в данном вопросе занял более твердую позицию, демонстрируя собственную убежденность в неосуществимости в текущий момент высадки в Европе. Посол подчеркивал, что президент «взят на буксир» своим окружением из представителей военно-морских кругов. Более того, президента раздражали и выступления лидера Республиканской партии У. Уилки, который пытался увеличить собственные рейтинги, используя проблематику второго фронта и требуя от Белого дома оказывать более существенную поддержку СССР. Советский посол считал, что необходимо время от времени активизировать в прессе обсуждение данного вопроса, возрождать его, чтобы он не был погребен среди других проектов военно-политического руководства США⁴⁴.

Кроме того, чтобы сохранять на высоком уровне интерес американской общественности к проблеме борьбы советского народа

⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 209–210.

⁴³ Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers, 1942, Europe, Vol. III // Office of the Historian. P. 736. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v03/pg_736 (accessed: 15.12.2023).

⁴⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 22. Д. 232. Л. 12–14.

с нацистской Германией, посол и его сотрудники осенью 1942 г. регулярно ездили по стране, выступали на митингах, проводили встречи с деятелями культуры, представителями деловой и интеллектуальной элиты. Собранные на данных мероприятиях средства шли на закупку товаров, необходимых для Красной армии [Шейнис, 1989: 398]. М.М. Литвинов регулярно информировал НКВД о настроениях общественности США, расстановке сил в американском руководстве, пытался повлиять на позиции политической элиты, в том числе сгущая краски, демонстрируя непоправимые последствия, которые могут наступить, если союзники не пойдут на уступки. Все эти действия не позволяют говорить о независимом политическом курсе советского посла, его излишней самостоятельности, оппозиционности НКВД, что якобы раздражало Кремль, о чем пишут некоторые исследователи [Млечин, 2011: 98]. Напротив, мы видим, что советская политико-стратегическая концепция, вырабатываемая И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, довольно четко реализовывалась М.М. Литвиновым в Вашингтоне.

Даже речь посла, подготовленная в 1942 г. по случаю годовщины Октябрьской революции, во многом отражала те оценки, которые сформулировал в своем выступлении по аналогичному поводу вождь, хотя позиция И.В. Сталина была довольно категоричной, граничила с прямыми обвинениями и вряд ли была по нраву американским партнерам. М.М. Литвинов отмечал, что борьба в Европе продолжалась уже 14 месяцев, а Советский Союз был брошен на произвол судьбы, как будто речь шла о его собственных интересах, а не об общем деле борьбы с гитлеризмом. Он указывал, что именно советский театр военных действий должен превратиться в приоритетный, ему должно быть отдано предпочтение перед другими фронтами, за счет которых и должны быть удовлетворены потребности СССР. Ни слова в речи не было сказано о поддержке союзников, их операциях в Северной Африке⁴⁵. По большому счету, данное выступление можно считать обвинением союзников в бездеятельности, слишком слабой помощи, что приводило к большим потерям на советском фронте. Аналогичную мысль отстаивал и И.В. Сталин, указывавший в своем выступлении в честь 25-летия Октябрьской революции от 6 ноября 1942 г., что немцам удалось взять в свои руки инициативу военных действий, поскольку союзники не захотели

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 20–25.

поддержать СССР открытием второго фронта⁴⁶. И глава Кремля, и советский посол, очевидно, придерживались единых установок.

М.М. Литвинов защищал интересы Советского Союза, боролся с любым искажением действительности, пытался препятствовать распространению мнений в американском руководстве, которые могли бы нанести ущерб советско-американскому сотрудничеству. В частности, в шифрограмме В.М. Молотову от 12 ноября 1942 г. он указывал, что сопровождавший У. Уилки в СССР глава Бюро военной информации, выступая перед журналистами, упомянул об очень напряженных отношениях между Москвой и Лондоном, заявив, что У. Черчилль пытался ослабить СССР при помощи А. Гитлера⁴⁷. Характерно, что на этой записке, переданной лично И.В. Сталину, сохранилась пометка вождя, где он указывал на нереальность этих рассказов от начала и до конца. По всей видимости, глава Кремля очень внимательно следил за подобными донесениями, не собиравшись осложнять отношения с союзниками в столь трудный для СССР момент.

Другим слухом, который смог развенчать М.М. Литвинов, были обвинения со стороны американцев в том, что между СССР и Японией существовала секретная договоренность, благодаря чему поставки вооружений из США беспрепятственно могли осуществляться по дальневосточному маршруту. Подобные разговоры вызывали недовольство части военного руководства США, отстаивавшего идею первостепенности фронта на Дальнем Востоке, создавали угрозу для американских поставок, которые были необходимы в условиях активных боев Красной армии под Сталинградом [Larrabee, 1987: 173]. Опровергая подобные слухи, посол переходил в контрнаступление, обвиняя Белый дом в контактах с прогермански настроенными политиками. По его словам, американская администрация в попытках вывести из войны государство Виши рассматривала возможность заключения соглашения «с большими французскими реакционнейшими генералами, с такой сумой перемётной, как Дарлан, к которым стремятся примазаться такие политиканы, как Шотан»⁴⁸.

М.М. Литвинов понимал, что фундамент советско-американских отношений зыбок, а взаимное недоверие, копившееся годами, никуда

⁴⁶ Сталин И.В. Указ. соч. С. 66–67.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 385. Л. 120–121.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. ... С. 357.

не исчезло, лишь отойдя на второй план перед лицом общей угрозы. По мере того как будущее поражение Германии и Японии в войне становилось всё более ясным, всё чаще возникали опасения относительно перспектив сотрудничества между Москвой и Вашингтоном. В конце февраля 1943 г. посол писал в Москву: «Все газеты и общественные деятели воздают дань восхищения подвигам нашей армии и умелости нашего командования, но это носит поверхностный характер и еле прикрывает усиливающиеся, в связи с нашими успехами, страхи перед нами <...>. Считаю долгом сигнализировать, что при некотором стечении обстоятельств такие настроения чреваты серьезными последствиями. Нельзя недооценивать силы и значения общественного мнения в Америке и зависимость от него президента и правительства. Необходимы срочные мероприятия противодействия росту указанных настроений»⁴⁹. Важно отметить, что недоверие к Кремлю в правящих кругах Вашингтона действительно возрастало, представители Конгресса негативно высказывались об американском союзнике в периодической печати. Например, сенатор Б. Уиллер выражал недоверие «мистеру Сталину», отмечая, что не строит иллюзий относительно «его будущих требований и будущих территориальных приобретений»⁵⁰.

Весной — летом 1943 г. отношения внутри антигитлеровской коалиции достигли опасной точки. Встретившиеся в январе в Касабланке Ф. Рузвельт и У. Черчилль под впечатлением от советских успехов под Сталинградом слали И.В. Сталину заверения в том, что второй фронт во Франции будет открыт уже в текущем году. Но дальше обещаний дело не шло, а в июне последовало очередное признание, что главной целью союзников на ближайшее время будет высадка в Италии. И.В. Сталин обвинил Вашингтон и Лондон в нарушении обязательств и, нарочито завышая цифры, отметил, что из-за этого немцы смогли перебросить 36 дивизий на Восточный фронт⁵¹. Дополнительным источником раздражения для Москвы стали новости

⁴⁹ Там же. С. 135.

⁵⁰ New York Times. 1943. 15 March.

⁵¹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 г. — дек. 1945 г.). М.: Политиздат, 1957. С. 58–59; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945. Т. 3: Война на два фронта. М.: Издательство иностранной литературы, 1976. С. 277–281.

о том, что в лесу под Катынью немцами найдены захоронения расстрелянных польских офицеров, в гибели которых поляки обвиняли СССР и навязывали свою позицию британцам [Reynolds, 2015: 309]. В телеграмме в НКВД М.М. Литвинов констатировал, что «анти-советская пропаганда поляками не прекращается», и, апеллируя к собственному опыту во главе Наркомата, предлагал урезонить эмигрантское правительство напоминанием о «двурушническом» поведении Второй Речи Посполитой перед лицом гитлеровского реваншизма в 1930-е годы⁵².

8 марта 1943 г. У. Стэндли, посол США в СССР, пригласил репортеров и сообщил, что советские власти, контролируя СМИ, дезинформируют население, не сообщая ничего о помощи со стороны союзников⁵³. М.М. Литвинов еще 20 февраля сигнализировал о том, что этот вопрос является чувствительным для американцев, и просил «сообщить <...> данные об участии американского оружия в тех или иных наших военных операциях» для их последующего распространения в США⁵⁴. В.М. Молотов полагал, что просьбу посла стоит «уважить», однако демарш У. Стэндли перевел вопрос в публичную плоскость, где советская сторона не могла позволить себе отступить. Посол был вызван в НКВД, ему пришлось давать объяснения и выслушивать замечания В.М. Молотова⁵⁵.

В этих условиях Кремль принял решение отозвать послов из Лондона и Вашингтона. Решение о возвращении М.М. Литвинова было принято 10 мая 1943 г.⁵⁶ Союзники встревожились. В.М. Молотов лично убеждал У. Стэндли в том, что причиной отзыва посла была объективная потребность его перевода на ответственную работу в Москву и «Советское Правительство высоко ценит политические и дипломатические достоинства Литвинова и считает, что последний хорошо выполнял обязанности посла в Вашингтоне»⁵⁷. Ф. Рузвельт лично интересовался самочувствием бывшего посла⁵⁸. Новый представитель СССР в США А.А. Громыко на первых порах

⁵² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 170.

⁵³ Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 213–214.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 137.

⁵⁵ АВГРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 3. Д. 30. Л. 44–45.

⁵⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. Т. 2: 1917–2002 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 295.

⁵⁷ Советско-американские отношения, 1939–1945... С. 365.

⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 2. ... С. 613.

чувствовал себя неуверенно, отмечая, что «американцам как официальным лицам, так и широкой публике импонируют в качестве иностранных послов люди с большим именем и яркой политической карьерой в прошлом, вроде Литвинова». «Разумеется, этого у меня нет»⁵⁹, — признавал он.

В поисках точки соприкосновения с Советским Союзом президент США принял решение отозвать на родину У. Стэндли, заменив его на более лояльную фигуру. Дж. Дэвис, бывший послом США в СССР в 1936–1938 гг. и лояльно настроенный по отношению к Советам, в беседе с М.М. Литвиновым 22 мая 1943 г. сообщил, что Ф. Рузвельт отзывает действующего руководителя американского посольства в СССР, чтобы назначить человека, который мог бы более активно проводить курс Белого дома на развитие сотрудничества с Кремлем⁶⁰. Более того, президент отправил самого Дж. Дэвиса в Москву, чтобы выяснить настроения И.В. Сталина, договориться о личной встрече лидеров «Большой тройки», что было необходимо в условиях нараставшего в альянсе кризиса, поскольку верил, что сможет урегулировать ключевые политико-стратегические противоречия с помощью «личной дипломатии».

В июне 1943 г. М.М. Литвинов отправил на имя главы НКВД записку, где характеризовал настроения, существовавшие в США на момент его возвращения. Он отмечал, что военные планы американцев формировались в Лондоне, а не в Вашингтоне. При этом Великобритания, по его мнению, всячески препятствовала открытию второго фронта, выдвигая в качестве условия участие значительных воинских контингентов США, что оказывалось неприемлемым для Белого дома⁶¹.

* * *

М.М. Литвинов, даже будучи сторонником сближения с Великобританией и США, указывал, что стратегические планы союзников строились на стремлении к максимальному истощению СССР, уменьшению его роли в решении послевоенных проблем. С точки зрения дипломата, в тот момент открытие второго фронта в Европе было

⁵⁹ Там же. С. 653.

⁶⁰ АВГРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 16.

⁶¹ Там же. Л. 5–6.

возможно, если Красная армия терпела бы фатальные поражения⁶². Отмечал он и следующую черту американского истеблишмента: маскируя свои устремления лозунгами защиты Атлантической хартии, различных громких международных документов, они используют их для нападок на СССР и Великобританию⁶³. При этом М.М. Литвинов призывал сохранить контакты с американцами, в первую очередь с Ф. Рузвельтом. Он указывал, что в противном случае они начнут сближаться с англичанами, а это противоречит интересам СССР. М.М. Литвинов подчеркивал, что президент постепенно подпадал под влияние антисоветски настроенных политиков (бывшего посла в СССР У. Буллита) и его отношение к Москве ухудшалось⁶⁴.

После возвращения в Советский Союз М.М. Литвинов формально занял пост заместителя наркома иностранных дел, но фактически это означало понижение его реального статуса, поскольку он более не мог непосредственно влиять на реализацию внешнеполитического курса СССР в отношении союзников. Однако деятельность комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол, имела решающее значение для будущего диалога с США и Великобританией [Филитов, 1995].

Важно отметить, что М.М. Литвинов, несмотря на довольно непродолжительный период дипломатической активности в США, смог превратиться в весьма заметную политическую фигуру, выступая активным проводником советского политического курса. Ему удалось не просто обзавестись необходимыми для Кремля связями в политических и деловых кругах США, но и отстаивать интересы СССР в таких важных вопросах, как снабжение Красной армии по программе ленд-лиза и активизация обсуждения проблемы открытия второго фронта. Важными представляются и его донесения, переправляемые в Москву. Дипломат, которого нельзя было заподозрить в антиамериканских настроениях, тщательно анализировал взгляды различных групп американской политической элиты и пытался проводить политику, которая в наибольшей степени отражала бы военно-стратегические интересы Советского Союза.

⁶² Там же. Л. 8.

⁶³ Там же. Л. 13.

⁶⁴ Там же. Л. 17, 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Млечин Л.М. МИД. Министры иностранных дел: внешняя политика России от Ленина и Троцкого до Путина и Медведева. М.: Центрполиграф, 2011.
3. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.
4. Поздеева Л.В. Советский Союз: геополитическая дипломатия // Союзники в войне, 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М.: Наука, 1995. С. 368–394.
5. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 1995. С. 54–71.
6. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ; CORPUS, 2023.
7. Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989.
8. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945. New York: Oxford University Press, 1979.
9. Holroyd-Doveton J. Maxim Litvinov: A biography. Woodland: Woodland Publications, 2013.
10. Larrabee E. Commander in chief. Franklin Delano Roosevelt, his lieutenants, and their war. New York: Harper & Row, 1987.
11. Phillips H.D. Between the revolution and the West: A political biography of Maxim M. Litvinov. Boulder: Westview Press, 1992.
12. Pope A.U. Maxim Litvinoff. New York: L.B. Fischer, 1943.
13. Reynolds D. The diplomacy of the Grand Alliance // The Cambridge history of the Second World War. In 2 vols. Vol. 2: Politics and ideology / Ed. by R. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 301–323.
14. Urban G.R. Was Stalin (the Terrible) really a 'great man'? A conversation with W. Averell Harriman (President Roosevelt's special ambassador to Churchill and Stalin, 1941–1946) // Encounter. 1981. Vol. 57. No. 5. P. 20–38.

REFERENCES

1. Dullin S. 2014. *La frontière épaisse: Aux origines des politiques soviétiques (1920–1940)*. Paris, Éditions de l'EHESS [Russ. ed.: Dyullen S. 2019. Uplotnenie granits: k istokam sovetskoi politiki. 1920–1940-e. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.].
2. Mlechin L.M. 2011. *MID. Ministry inostrannykh del: vneshnyaya politika Rossii ot Lenina i Trotskogo do Putina i Medvedeva* [MFA. Foreign ministers:

Russia's foreign policy from Lenin and Trotsky to Putin and Medvedev]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)

3. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg. Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s. Documentary essays]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ. (In Russ.)

4. Pozdeeva L.V. 1995. Sovetskii Soyuz: geopoliticheskaya diplomatiya [The Soviet Union: Geopolitical diplomacy]. In: Chubar'yan A.O., Kimball U.F., Reynolds D. (eds.). *Soyuzniki v voine, 1941–1945* [The allies in the war, 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ, pp. 368–394. (In Russ.)

5. Filitov A.M. 1995. V komissiyakh Narkomindela [In the commissions of the People's Commissariat for Foreign Affairs]. In: Rzheshhevskii O.A. (ed.). *Vtoraya mirovaya voina: aktual'nye problemy* [World War II: Current issues]. Moscow, Nauka Publ, pp. 54–71. (In Russ.)

6. Khlevnyuk O.V. 2023. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. The life of a chieftain: A biography]. Moscow, AST, CORPUS Publ. (In Russ.)

7. Sheinis Z.S. 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revolyutsioner, diplomat, chelovek* [Maxim Maksimovich Litvinov: Revolutionary, diplomat, person]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

8. Dallek R. 1979. *Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932–1945*. New York, Oxford University Press.

9. Holroyd-Doveton J. 2013. *Maxim Litvinov: A biography*. Woodland, Woodland Publications.

10. Larrabee E. 1987. *Commander in chief. Franklin Delano Roosevelt, his lieutenants, and their war*. New York, Harper & Row.

11. Phillips H.D. 1992. *Between the revolution and the West: A political biography of Maxim M. Litvinov*. Boulder, Westview Press.

12. Pope A.U. 1943. *Maxim Litvinoff*. New York, L.B. Fischer.

13. Reynolds D. 2015. The diplomacy of the Grand Alliance. In: Bosworth R.J.B., Maiolo J.A. (eds.). *The Cambridge history of the Second World War. In 2 vols. Vol. 2: Politics and ideology*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 301–323.

14. Urban G.R. 1981. Was Stalin (the Terrible) really a 'great man'? A conversation with W. Averell Harriman (President Roosevelt's special ambassador to Churchill and Stalin, 1941–1946). *Encounter*, vol. 57, no. 5, pp. 20–38.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после
рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 06.01.2024

The paper was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 10.12.2023;
accepted for publication 06.01.2024

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60

Научная статья / Research paper

Н.В. Юдин*

О ЧЕМ ГОВОРЯТ И О ЧЕМ МОЛЧАТ УЧЕБНИКИ ПО ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Теория является одновременно и высшей формой научного знания в любой дисциплине, ее своеобразным аттестатом зрелости, и ключом к ее системному познанию и преподаванию. С этой точки зрения международные исследования демонстрируют несколько парадоксальную картину. С одной стороны, в настоящий момент нет недостатка ни в теоретических исследованиях международно-политической проблематики, ни в учебниках по теории международных отношений (ТМО). С другой стороны, общим лейтмотивом последних остается идея, что международные исследования либо еще не обзавелись полноценной теорией, либо в силу своей сложности, динамичности и противоречивости не подлежат системному обобщению в принципе. Как следствие, знакомство с ТМО оказывается одинаково неудобным и для преподавателя, если он хочет не просто засыпать студентов терминами и фамилиями ученых, а научить их эффективно пользоваться существующими концепциями и подходами, и для обучающихся. Автор выдвигает гипотезу, что обозначенные трудности связаны не только с объективной сложностью международных процессов и проблем, но и с субъективными теоретико-методологическими и философскими особенностями самих учебников по ТМО. В целях проверки данной гипотезы в представленном исследовании критически проанализирована подборка современных российских и зарубежных

* Юдин Николай Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yudinnv@my.msu.ru; ORCID: 0000-0003-2718-1780).

учебников по ТМО. В первой части статьи суммированы их ключевые достоинства, к числу которых следует отнести прежде всего то, что все они успешно выполняют информационно-образовательную функцию, знакомя читателя с содержанием ключевых подходов, школ и теорий, формирующих «тело» современной ТМО. Можно найти как учебники, рассчитанные на неподготовленную аудиторию и позволяющие составить первое впечатление о дисциплине, так и издания, содержащие углубленный анализ движущих сил и внутренней логики развития ТМО. В то же время, как показано во второй части статьи, все современные учебники по ТМО объединяет и ряд общих недостатков, которые можно условно разделить на методологические и общеполитические. К первым следует отнести общую неотрафлексированность логики изложения, отсутствие четких критериев структурирования материала и эксплицитно сформулированных принципов отбора подходов, подлежащих рассмотрению, ко вторым — опору на крайне шаткие философские основания, осознанно или нет воспроизводящие постмодернистские взгляды на проблемы онтологии и эпистемологии международных отношений и международных исследований. И именно с критического пересмотра этих общеполитических установок, по мнению автора, следует начинать поиск ключей к решению описанных проблем в преподавании ТМО и к формулированию теории международных отношений в строгом смысле этого слова.

Ключевые слова: теория международных отношений, международные исследования, методология, позитивизм, постмодернизм, постпозитивизм, реализм, конструктивизм, материализм

Для цитирования: Юдин Н.В. О чем говорят и о чем молчат учебники по теории международных отношений (и что с этим делать) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 33–60. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60.

Nikolay V. Yudin

TEXTBOOKS ON THE INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: WHAT THEY TALK ABOUT, WHAT THEY KEEP SILENT ABOUT, AND WHAT TO DO ABOUT IT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Theory represents the highest form of scientific knowledge in any discipline, a sort of certificate of maturity of the latter, and, at the same time, the key to its

systematic teaching and understanding. From this point of view, international studies show a somewhat paradoxical picture. On the one hand, at the moment there is no shortage of either theoretical studies of international political issues or textbooks on the theory of international relations. On the other hand, their common leitmotif remains the idea that international studies either have not yet acquired a full-fledged theory, or, due to their inherent complexity, dynamism and inconsistency are not subject to systematic generalization in principle. As a result, teaching of the IR theory turns out to be equally inconvenient for the lecturers, if they want to not just bombard students with terms and personalities, but teach them to effectively use different concepts and approaches, and for students. The author argues that these difficulties stem not only from the objective complexity of international processes and problems, but also from the subjective theoretical, methodological and philosophical specifics of the textbooks on the IR theory. To substantiate this claim this paper examines a selection of modern Russian and foreign textbooks on IR theory. The first section summarizes their key advantages, which include, first of all, the fact that they all successfully perform an educational function, introducing the reader to the key approaches, schools and theories that form the 'body' of modern IR theory. In this regard, one can easily find both textbooks specially designed for an unprepared audience which provide an introduction to the discipline, and publications containing an in-depth analysis of the driving forces and internal logic of the IR theory development. At the same time, as shown in the second section, all modern textbooks on IR theory share a number of common shortcomings, which can be divided into methodological and philosophical ones. The former include not sufficiently substantiated logic of presentation, the lack of clear criteria for structuring the material and explicitly formulated principles for selecting approaches to be considered. The latter imply reliance on extremely shaky philosophical assumptions, which, consciously or not, reproduce post-modernist views on the problems of ontology and epistemology of international relations and international studies. And it is in a critical revision of these basic philosophical principles where, according to the author, lies the key to addressing the problems in both teaching the IR theory and formulating the theory of international relations in the strict sense.

Keywords: theory of international relations, international relations studies, methodology, positivism, postmodernism, postpositivism, realism, constructivism, materialism

About the author: *Nikolay V. Yudin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Process, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yudinnv@my.msu.ru; ORCID: 0000-0003-2718-1780).

For citation: Yudin N.V. 2023. Textbooks on the international relations theory: What they talk about, what they keep silent about, and what to do about it. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 33–60. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-33-60. (In Russ.)

Курс по теории международных отношений (ТМО) едва ли принадлежит к числу самых популярных и востребованных у студентов-международников. Неслучайно многие учебники по ТМО начинаются с пространных разделов, в которых авторы, словно извиняясь, мучительно долго объясняют читателю, зачем ему всё-таки надо постараться пересилить себя и, пусть на мгновение, погрузиться в волшебный мир теории. В ход идут аргументы, достойные родителя капризного ребенка: да, неприятно, но надо; да, сложно, но всё в этой жизни сложно; ты что — не хочешь вырасти в серьезного ученого? [Алексеева, 2019b; Steans et al., 2010; George, 2012; Jørgensen, 2018; Kauppi, Viotti, 2020]. Для того чтобы удерживать непоседливого школяра, некоторые авторы доходят в своих наставлениях до смешного (собираясь читать учебник по ТМО, убирайте подальше гаджеты, побольше спите и хорошо кушайте [International relations theory, 2017]) или опускаются уже до совсем ненаучных приемов вроде попыток донести содержание того или иного теоретического подхода через совместный просмотр художественных фильмов [Weber, 2010].

На наш взгляд, все эти расшаркивания избыточны и имеют эффект прямо противоположный задуманному, бросая тень на всю дисциплину и вскрывая ее фундаментальную неуверенность в себе, ее закомплексованность. Достаточно было бы сказать, что наличие теории — это признак, который отличает науку, научное знание от ненауки, знания обыденного или мистического. Соответственно если какой-то человек претендует на звание ученого-международника, то он не может не владеть теорией международных отношений.

Но дают ли такое знание современные учебники по ТМО? Дают ли они практическое знание, позволяющее студентам инструментализировать положения различных подходов, школ и теорий, разработанных в рамках ТМО?

Как представляется — нет. И в этом, а не в какой-то особой сложности или абстрактности предмета, не в какой-то особой неусидчивости студентов и тем более не в гаджетах, на самом деле,

кроется корень проблем с преподаванием теории международных отношений и ее восприятием слушателями.

Цель автора данной статьи состоит в том, чтобы выявить ключевые содержательные и методологические проблемы, присущие современным учебникам по ТМО, и обозначить пути к их преодолению.

Источниковую базу исследования составила достаточно широкая подборка учебников по ТМО, которая, не претендуя на всеохватность, тем не менее, включает как классические, выдержавшие не одно переиздание труды [Цыганков, 2003; Современные теории международных отношений, 2013; Бордачёв, 2015; Burchill et al., 2005; Каурри, Viotti, 2020], так и работы, представляющие оригинальные, авторские концепции [Лошкарёв, 2021; Jørgensen, 2018]; как отечественные, так и зарубежные издания, в том числе несколько учебников, написанных учеными из бывших советских республик [Черных, 2009; Karitonenko, 2022]. Таким образом, данную подборку можно считать достаточно репрезентативной.

В самом общем виде все использованные в настоящем исследовании учебники можно разделить на две условные группы в соответствии с тем, как их авторы трактуют понятие «теория» и какие цели они, следовательно, ставили перед собой. Первая группа включает издания, которые можно обозначить как учебники по ТМО в строгом смысле этого слова, т.е. как работы, призванные дать читателю системное знание о ключевых категориях и закономерностях, присущих *определенной области действительности*, в данном случае — международным отношениям [Введение в теорию международных отношений, 2001; Ломагин и др., 2001; Цыганков, 2003; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Бордачёв, 2015; Нурышев, 2015; Алексеева, 2019b; Теория международных отношений, 2022; Ивонина, Ивонин, 2022; Steans et al., 2010; An introduction to international relations, 2012]. Вторая группа представлена работами, авторы которых исходили из расширительной трактовки термина «теория» как комплекса взглядов, представлений, идей, сформировавшегося в процессе изучения *определенной области действительности*. Иными словами, речь идет об учебниках, посвященных истории и современному состоянию *теоретических исследований* международных отношений [Теория международных отношений, 2004; Черных, 2009; Современная политическая наука,

2019¹; Новиков, 2019; International relations theory for the twenty-first century, 2007; Steans et al., 2010; Weber, 2010; International relations theory today, 2016; International relations theory, 2017; Kapitonenko, 2022].

Строго говоря, мы имеем дело с двумя совершенно разными исследовательскими и дидактическими задачами, и вторую группу работ вообще нельзя называть учебниками по ТМО. Правильнее (что, к слову, и делают многие авторы) обозначать их как учебники по «международно-политической мысли», «современным теориям международных отношений» и т.д. [Современные теории международных отношений, 2013; Алексеева, 2019а; Лошкарёв, 2021; Burchill et al., 2005]. Однако на практике сходств между двумя этими группами сейчас больше, чем различий, и объединяют их прежде всего общие проблемы и недостатки.

Но прежде чем говорить о них, следует сказать о достоинствах современных учебников по ТМО.

О чем говорят учебники по теории международных отношений

Прежде всего, все учебники по ТМО, как российские, так и зарубежные, прекрасно справляются с информационно-образовательной функцией, знакомя читателя с содержанием ключевых подходов, школ и теорий, формирующих «тело» современной ТМО. С этого начинаются практически все учебники независимо от того, в духе какой трактовки понятия «теория» они написаны. В этом отношении учебники можно снова условно разделить на две группы.

Первая представлена учебниками, авторы которых знакомят читателя с основными подходами и направлениями в ТМО через разбор взглядов их ключевых представителей. В этом случае авторы могут как предлагать свое видение этих взглядов, так и прямо «давать слово» соответствующим теоретикам, ограничиваясь более или менее подробным воспроизведением их ключевых тезисов [Ачкасов, Ланцов, 2011; Бордачёв, 2015; Нурышев, 2015; Алексеева, 2019а, 2019b; Новиков, 2019; Современная политическая наука, 2019; Лошкарёв, 2021; Kapitonenko, 2022].

¹ Формально данное издание не позиционируется ни как учебник, ни как работа по собственно теории международных отношений. Однако и содержательно, и по манере подачи материала оно полностью вписывается в обозначенную группу изданий. К тому же в коллектив авторов вошел целый ряд видных российских исследователей-международников.

Авторы второй группы учебников отталкиваются не от персоналий, а от ключевых проблем, составляющих содержательное ядро того или иного подхода. В этом случае читателю предлагается некая оригинальная авторская интерпретация сути рассматриваемых теорий (которые также могут называться «традициями», «парадигмами», «перспективами», «образами» и т.д. — в зависимости от предпочтений авторов учебников), что, с одной стороны, может помочь быстрее разобраться в хитросплетениях ТМО, поскольку речь идет об уже обработанной и отрефлексированной информации, готовых моделях и системах причинно-следственных связей; с другой — налагает на авторов дополнительную ответственность и ставит вопрос, в какой мере мы можем полагаться на представленную ими интерпретацию и почему нам следовало бы довериться ее создателям [Ломагин и др., 2001; Цыганков, 2003; Черных, 2009; Бордачёв, 2015; Burchill et al., 2005; *International relations theory for the twenty-first century*, 2007; Steans et al., 2010; *International relations theory*, 2017; Kauppi, Viotti, 2020].

Так или иначе, российские и зарубежные учебники предлагают широчайшую палитру способов и моделей структурирования ТМО, способную удовлетворить самые разные категории читателей. Можно найти как учебники, содержащие лишь общий, краткий обзор ключевых подходов, позволяющий составить первое впечатление о дисциплине и рассчитанный на неподготовленного читателя [Основы общей теории международных отношений, 2009; Теория международных отношений, 2022; *International relations theory*, 2017]; так и издания, в которых представлены по-настоящему глубокие рассуждения о природе, философских основаниях и конкретно-исторических обстоятельствах появления тех или иных школ, концепций и понятий [Современные теории международных отношений, 2013; Современная политическая наука, 2019].

В целом можно отметить, что зарубежные учебники, как правило, описывают более широкий спектр подходов. Так, помимо классического набора из политического реализма (включая неореализм и неоклассический реализм), либерализма (в том числе неолиберализма), (нео)марксизма (часто не отдельно, а в рамках так называемой критической теории) и конструктивизма они в обязательном порядке содержат главы про постмодернизм (постпозитивизм/постструк-

турализм), почти всегда — про английскую школу и феминизм, всё чаще — про «зеленые» исследования [Burchill et al., 2005; Weber, 2010; Steans et al., 2010; International relations theory, 2017]. На этом фоне российские учебники и учебные пособия характеризуются сравнительно большим вниманием к цивилизационному подходу и геополитике [Ачкасов, Ланцов, 2011; Новиков, 2019; Современная политическая наука, 2019; Ивонина, Ивонин, 2022].

В этом контексте особенно хотелось бы отметить ряд учебников, авторы которых предлагают последовательно рассматривать все теоретические подходы по одной эксплицитно и четко сформулированной схеме, по одним и тем же параметрам и критериям [Burchill et al., 2005; Steans et al., 2010; Jørgensen, 2018; Kauppi, Viotti, 2020]. Как представляется, такой подход открывает возможности для проведения полноценного сравнительного анализа различных концепций в целях выявления их сильных и слабых сторон, что особенно важно с точки зрения понимания перспектив их практического применения. Используют ли эти возможности сами авторы учебников — вопрос отдельный.

Помимо предоставления общеобразовательной информации ряд авторов предпринимают попытку более углубленно проанализировать движущие силы и внутреннюю логику развития ТМО как самостоятельной научной дисциплины. В настоящий момент общим местом в российских и особенно в зарубежных учебниках является утверждение, что едва ли не главной отличительной характеристикой ТМО можно считать ее фундаментальную полемичность: и ее становление, и последующая эволюция, и современное состояние представляются как бесконечный водоворот споров, соперничества направлений и школ, попыток утверждения неких стандартов и канонов научного знания и их дальнейшего развенчания [Цыганков, 2003: 95; Новиков, 2019: 6; Теория международных отношений, 2022: 48–51; Алексеева, 2019b; Burchill et al., 2005; International relations theory for the twenty-first century, 2007; International relations theory today, 2016; Jørgensen, 2018; Kapitonenko, 2022]. В этом отношении, естественно, вспоминается образ «великих дебатов», который до сих пор нередко используется в качестве удобного способа структурирования изложения в учебниках по ТМО [Цыганков, 2003; Современные теории международных отношений, 2013; Теория международных отношений, 2022], хотя всё чаще подвергается кри-

тике как не соответствующий действительности или как минимум ведущий к ее чрезмерному упрощению [Теория международных отношений, 2004; Лошкарёв, 2021: 6–7; *International relations theory for the twenty-first century*, 2007: 3; Devetak, 2012: 11; *International relations theory today*, 2016: 21–22]. Так или иначе, эта полемичность создает впечатление, прямо разделяемое и ретранслируемое многими авторами, что в ТМО нет ничего устоявшегося, нет универсальных категорий, строгой исследовательской программы, общепринятого набора методов и т.д. На этом фоне особенно ценными представляются попытки отдельных авторов постараться внести всё же какую-то упорядоченность в этот хаос противоречивых мнений, выявить логику, лежащую в основе и предопределяющую общее направление дискуссий в среде ученых-международников.

Чаще всего эти попытки resultируют выводом, что за всем многообразием подходов, за всеми дискуссиями в ТМО скрывается один главный спор, связанный со столкновением двух философско-методологических парадигм: устоявшейся и господствующей в настоящий момент в международных исследованиях и новой, стремящейся бросить ей вызов. Первая обычно ассоциируется с традицией Просвещения и обозначается как позитивистская, вторая увязывается с философией постмодерна и соответственно называется постпозитивистской (интерпретативистской, критической) [Современные теории международных отношений, 2013; Steans et al., 2010; Devetak, 2012; George, 2012; Каурпи, Viotti, 2020]. К первой в учебниках относят политический реализм и либерализм со всеми их разновидностями, английскую школу и иногда (нео)марксизм; ко второй — постмодернизм, феминизм, постколониальные исследования международных отношений, иногда (нео)марксизм, а также конструктивизм. Впрочем, последний часто наделяют особым статусом: конструктивистам приписывают заслугу в нахождении «срединного пути», способного примирить две враждующие традиции, взяв от них всё лучшее и синтезировав это в качественно новую теорию международных отношений. Как следствие, конструктивизм часто трактуют (эксплицитно или имплицитно) как вершину, наивысшее достижение современной ТМО [Steans et al., 2010: 246; George, 2012: 32–33].

В ряде учебников также представлен иной вариант структурирования и концептуального осмысления логики развития ТМО — не

проблемный, как описано выше, а хронологический. Как правило, он в той или иной мере оказывается завязан на упомянутый образ «великих дебатов», хотя обычно и сопровождается оговорками и уточнениями, что этот образ может быть дезориентирующим, заставляя преувеличивать глубину противоречий между одними подходами и, напротив, затушевывая различия между другими. Так или иначе, он предполагает попытку систематизации подходов в ТМО по хронологии от более ранних к самым современным, которая может дополняться более или менее глубоким погружением в исторический контекст и обстоятельства возникновения отдельных направлений, теорий и концептов [Введение в теорию международных отношений, 2001; Цыганков, 2003; Теория международных отношений, 2004; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Новиков, 2019; Burchill et al., 2005; George, 2012; Onuf, 2016; International relations theory, 2017; Jørgensen, 2018]. Данный подход обладает своими достоинствами, в частности, он может быть более понятен неподготовленному читателю. Однако, как будет показано далее, в случае с ТМО его использование представляется всё же проблематичным.

В целом же, если суммировать сказанное, получается, что ТМО как отдельное направление исследований и как системообразующая часть науки о международных отношениях не испытывает никаких проблем с обеспеченностью учебными материалами. Заинтересованный читатель без труда сможет найти удовлетворяющий его текущим потребностям учебник как на русском, так и, тем более, на английском языке. Все они в той или иной мере будут выполнять свою основную функцию: обеспечивать читателя надежной и выверенной информацией о базовых аспектах изучаемой дисциплины. Казалось бы, чего еще хотеть? Однако, как будет показано далее, за этим внешним благополучием скрывается целый пласт проблем. Какие-то из них авторы учебников по ТМО признают, о каких-то умалчивают.

О чем молчат учебники по теории международных отношений

Проблемы, в той или иной мере объединяющие все российские и зарубежные учебники по ТМО, можно очень условно разделить на методологические и общеполитические. Условность этого деления

объясняется тем, что все методологические проблемы в конечном счете имеют более глубокие философские причины, без понимания которых они сами не могут быть не то что решены, но даже осознаны.

Как было отмечено ранее, все учебники по ТМО либо начинаются с развернутых разделов, посвященных ключевым теоретическим подходам и направлениям, либо к ним целиком сводятся. И, повторимся, с содержательной точки зрения они обеспечивают читателя корректной информацией о рассматриваемых категориях, пусть и в разном объеме. Но с методологических позиций это изложение практически всегда оказывается в высшей степени проблематичным или как минимум дискуссионным.

Начать следует с того, что большинство авторов никак не объясняют выбор подходов и направлений, которые было решено включить в соответствующий учебник. Ни в одном издании не удалось найти сколько-нибудь развернутого и аргументированного описания принципов и критериев отбора подходов, подлежащих рассмотрению. В лучшем случае авторы объясняют свой выбор ссылками на некую традицию, устоявшуюся практику, никак, впрочем, не конкретизируя эту мысль [Ивонина, Ивонин, 2022: 6; Jørgensen, 2018: 12]. Как следствие, этот выбор всегда носит крайне волюнтаристичный, произвольный и субъективный характер, что плохо согласуется с требованиями жанра учебной литературы. И если в случае с частными теориями и школами их включение или исключение из изложения погоды не делает, то, например, отсутствие раздела про постмодернистские исследования (как к ним ни относиться) вызывает вопросы. Другой крайностью следует признать включение в структуру учебников тех или иных разделов не на основании их значимости для дисциплины и научной составляющей, а в угоду политической конъюнктуры. Ярким примером такого стремления угодить текущей культурно-идеологической повестке можно признать включение в некоторые западные издания отдельных разделов про так называемую квир-теорию международных отношений [International relations theory, 2017]. Таким же идеологизированным решением представляется выделение в отдельные главы в учебниках по ТМО «зеленых» исследований [Burchill et al., 2005; Weber, 2010; Steans et al., 2010; International relations theory, 2017]. При всей важности экологической проблематики в современных международных

отношениях она едва ли может составить самостоятельное направление в их *теории*. Так или иначе, на вопрос, почему в учебнике было решено рассмотреть именно такое количество подходов, ни больше ни меньше, их авторы хранят молчание.

Сразу следует оговориться: речь не идет о том, что все учебники в обязательном порядке должны содержать обзор всех без исключения, больших и малых, важных и не очень подходов, школ, теорий и т.д. Это совершенно необязательно. Но вот что всё-таки должно быть, хотя бы в минимальном объеме, — так это объяснение авторской концепции.

К этой методологической проблеме теснейшим образом примыкает другая — отсутствие каких бы то ни было внятных критериев классификации подходов, а значит, волюнтаризм при их группировке внутри разделов и глав. В этом отношении в учебниках по ТМО царят полнейший разброд и шатание. Феминизм, конструктивизм, постмодернизм, (нео)марксизм, английская школа то удаляются отдельных разделов, то перемешиваются друг с другом в самых немыслимых сочетаниях, проходя по категории «постпозитивистские/интерпретативные» подходы [Черных, 2009; Steans et al., 2010: 240; Каурпи, Viotti, 2020]. Помимо общего ощущения неразберихи, которое только усугубляется по мере знакомства со всё большим количеством учебников, возникает более фундаментальная методологическая проблема. Отсутствие ясно обозначенных классификационных критериев и признаков оборачивается тем, что авторы учебников оказываются не в состоянии четко разграничить направления, подходы и школы в ТМО по их масштабу и значению. Как следствие, в одном и том же разделе могут быть перемешаны совершенно разнопорядковые явления. Постмодернизм, объективно представляющий собой совершенно особый подход к концептуализации всей проблематики международных отношений, приравнивают к постколониальным исследованиям только на том основании, что их представители критически настроены к господствующим в ТМО воззрениям и традициям [Devetak, 2012: 13]. (Нео)марксизм то причисляют к позитивистским подходам наравне с политическим реализмом и (нео)либерализмом [Современные теории международных отношений, 2013: 7], то записывают к тем же постколониальным исследованиям, феминизму и постмодернизму в «критическую

теорию», опять-таки на том лишь основании, что его представители критикуют современное мироустройство [Devetak, 2012: 13]. Феминизм вообще не имеет сколько-нибудь четкой «прописки»: его то возвышают до уровня реальной альтернативы традиционным подходам, то перечисляют через запятую наравне с россыпью других направлений и течений. Можно было бы привести еще много подобных примеров (вокруг одной проблемы классификации конструктивизма сломано столько копий, что ей можно посвятить целую статью), однако в рамках данного исследования это было бы излишне. Здесь важно констатировать лишь то, что и на вопросы, по каким критериям и на каких основаниях можно группировать подходы в ТМО, учебники, как правило, также хранят молчание.

Проблему не решают и отмеченные попытки отдельных авторов проанализировать все рассматриваемые подходы по какой-то одной схеме, оценить по заданному набору критериев. Дело в том, что критерии эти сами обычно берутся «с потолка», никак не комментируются и, что особенно важно, не аргументируются. Как таковые различные авторские схемы, призванные придать содержательное единообразие главам, раскрывающим суть различных подходов, при всей своей теоретической полезности пока вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Например, Дж. Стинс, Л. Петтифорд, Т. Диез и И. Эль-Анис утверждают, что все направления в ТМО строятся на определенном наборе базовых положений/установок и, именно опираясь на них, можно раскрыть содержание соответствующих подходов и теорий [Steans et al., 2010: 14–16]. Этот набор включает ответы на следующие вопросы:

- как в том или ином подходе трактуется человеческая природа?
- кто признается основным субъектом, ключевым актором международных отношений?
- как оценивается связь между внутри- и внешнеполитическими проблемами?
- что говорится о целях и возможностях человеческого познания?
- какие практические рекомендации формулируются?
- признается ли возможность изменения существующего порядка вещей?

Сами по себе эти вопросы представляются исключительно грамотными, однако непонятно, как авторы пришли к их формулиро-

ванию. Является ли этот перечень исчерпывающим и достаточным? Должен ли тот или иной подход в обязательном порядке содержать ответы на все эти вопросы или только на часть? Все ли они равнозначны или их можно разделить на более и менее важные?

Не меньше вопросов вызывают и связки между разделами и главами внутри них. Иными словами — общая логика, порядок изложения. Зачастую таких связок просто нет. Читателю, как правило, остается только гадать, почему подходы и направления представлены именно в таком порядке. Сгруппированы ли они по хронологическому принципу? Или по значимости/распространенности — от самых базовых и известных к более новым и/или маргинальным? Или речь идет о попытке проследить процесс *развития* научного знания о международных отношениях от первых, грубых трактовок ко всё более совершенным и точным теориям? Существует ли между этими подходами некая внутренняя органическая связь через преемственность или критику? Эти вопросы к логике изложения особенно остро стоят в отношении учебников, ограничивающихся лишь обзором существующих в ТМО подходов.

Кажется, что эти замечания совершенно неприменимы к учебникам, содержащим специальные разделы с описанием логики последующего изложения. Однако и эти разделы при ближайшем рассмотрении вызывают много нареканий. Обычно в них предлагается структурировать материал либо вокруг образа «великих дебатов», либо просто через общее описание основных подходов в соответствии с хронологией их появления. Оба варианта в исполнении авторов современных учебников по ТМО вызывают значительные нарекания.

Так, в случае с попыткой концептуализировать логику развития ТМО (и последующего изложения материала в учебнике) в виде череды масштабных дискуссий между представителями различных направлений, подходов и школ авторы, как правило, ограничиваются кратким описанием взглядов ключевых представителей упоминаемых подходов по поводу собственной позиции и позиции оппонентов (например, что неореалисты говорили про себя, про классический реализм и про дерзких конкурентов в лице неолибералов/постмодернистов/феминистов и т.д.) [Цыганков, 2003; Jørgensen, 2018]. С образовательной точки зрения это, безусловно, по-

лезно. Но что с этой информацией делать дальше? Такие описания, как правило, не сопровождаются авторским комментарием, кто же в итоге в этом споре оказался прав, как читателю относиться к высказанным аргументам, как работать с упоминаемыми концепциями. Иными словами, остается некоторая недосказанность, не позволяющая в полной мере оценить значение описываемых дебатов для дисциплины.

Еще хуже, даже чисто с дидактической точки зрения, когда авторы, прямо не заявляя о своей позиции, исподволь подталкивают читателя к тому, чтобы тот, сам того не осознавая, занял определенную сторону в описываемом споре. Как правило, речь идет о критикующем, «нападающем» подходе, который имплицитно преподносится как более правильный, глубокий или отвечающий здравому смыслу. В итоге часто, особенно в западных учебниках, именно постмодернистская позиция (как наиболее последовательно критическая) рисуется как самая перспективная в современных условиях [Burchill et al., 2005: 17–21; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4–7; Steans et al., 2010: 240; Devetak, 2012: 16].

Очень похожую и не менее искаженную картину дают в итоге и попытки структурировать материал по хронологическому принципу. Применительно к ТМО хронологически последовательное рассмотрение подходов представляется проблематичным в силу как минимум трех обстоятельств. Во-первых, если в случае с классическими подходами (классический реализм и либерализм, неореализм и неолиберализм, а также их производные) эта логика еще работает корректно, поскольку их можно достаточно точно датировать и, что более важно, непротиворечиво выстроить в последовательность от более ранних к более поздним, то со всеми остальными направлениями мысли она начинает откровенно сбоить. Как правильно датировать постмодернистские, феминистские, конструктивистские исследования? С момента их появления в принципе? Или с того периода, когда они проникли в ТМО? Или же со времени, когда они заняли в ней заметное место, перестав быть сугубо маргинальными течениями? В любом случае, с исторической точки зрения временной зазор между ними будет исчезающе мал, а значит, и попытки расположить новые подходы на временной шкале оказываются в конечном счете малоинформативными.

К этому следует добавить второе важнейшее обстоятельство, которое, к слову, признается всеми авторами: в ТМО мы не встретим ситуации, когда бы какой-то новый подход полностью ниспровергал, вытеснял или замещал предыдущие. Появление неореализма не привело к забвению классического реализма; постмодернизм, несмотря на весь его критический пафос, никак не пошатнул позиции самого неореализма. По факту каждый такой подход оброс некоторым количеством сторонников, занял определенную экологическую нишу в рамках международных исследований и не претендует на большее.

И здесь мы выходим на третье обстоятельство, которое делает все попытки концептуализировать изложение в учебниках по ТМО по хронологическому принципу не только проблематичным, но и попросту вредным. Дело в том, что они чреватy искусственным приписыванием ТМО того, чего в ней в действительности, возможно, и нет — прогрессивного поступательного *развития*. По самой своей природе принцип историзма, модель хронологически последовательного изложения материала пронизаны логикой прогресса. Приложенные к истории некоей науки, они имплицитно предполагают, что та качественно развивалась, что наши знания о соответствующей области действительности постепенно углублялись, совершенствовались, что мы переходили от менее полного знания об объекте к более полному. В силу этой имплицитной логики при хронологически последовательном изложении материала возникает искушение трактовать новые подходы как по умолчанию более совершенные, чем предыдущие. И многие авторы учебников по ТМО, осознанно или нет, поддаются этому искушению [George, 2012: 32–33].

Однако это вовсе не обязательно так. Как было отмечено ранее (и это, повторимся, признают все авторы), все ключевые направления и подходы, сформулированные в исследованиях международных отношений к настоящему моменту, благополучно сосуществуют друг с другом [Цыганков, 2003: 125–126; Лошкарёв, 2021: 22; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 9; Devetak, 2012: 12, 18]. Уже поэтому о каком-то качественном развитии говорить оказывается проблематично. Пока мы можем с уверенностью констатировать лишь рост, расширение исследовательского поля ТМО. Но сопровождается ли оно качественным углублением нашего понимания содержания и закономерностей исследуемой области?

Этот вопрос остается как минимум спорным — хотя бы потому, что, как опять-таки признают едва ли не все авторы, разные подходы предлагают принципиально разные трактовки объекта, предмета, ключевых проблем ТМО, целей и задач ее изучения [Лошкарёв, 2021: 22; Steans et al., 2010: 242; Jørgensen, 2018: 28–29; Kauppi, Viotti, 2020: 13]. И именно эту разницу пока только и позволяют констатировать большинство современных учебников. Для того же, чтобы дать ей оценку (скрывает ли она за собой прогресс научного знания), нужно иметь возможность сравнить разные подходы. А вот такого полноценного сравнения современные учебники, что российские, что зарубежные, не дают.

Как не дают они в итоге и системного объяснения логики развития ТМО (если оно, это развитие, было), системного понимания взаимосвязи, соотношения составляющих ее подходов. Иными словами, читателя знакомят с более или менее подробным описанием современного состояния дисциплины, но не объясняют ее содержания, закономерностей. Именно этим обусловлены трудности, которые возникают у студентов-международников, когда перед ними встает задача применить на практике почерпнутые из учебников по ТМО знания. Они получают знание, принципиально оторванное от практики, и не получают ключей к тому, как это знание всё-таки инструментализировать.

Признают ли эту проблему авторы учебников? Как представляется, в той или иной мере — да. Косвенным подтверждением этого являются ставшие общим местом рассуждения в российских и зарубежных учебниках по ТМО о том, что объект и предмет дисциплины очень сложны для понимания и едва ли подлежат строгому определению [Цыганков, 2003: 20; Теория международных отношений, 2022: 16–24]. Именно этой имманентной сложностью, неуловимостью изучаемого феномена объясняется отсутствие определенности в рассуждениях самих авторов. Более того, констатация этой неопределенности представляется как выражение высшей мудрости: дескать, это не недостаток, а, наоборот, проявление разумной скромности перед лицом бесконечно сложной и постоянно меняющейся действительности; дескать, любая попытка упорядочить ее, ввести в более-менее строгие концептуальные рамки была бы слишком дерзкой и самонадеянной, означала бы насилие над реальностью,

попытку искусственно привнести порядок и смысл туда, где им нет места. Поэтому вместо четкого определения объекта и предмета ТМО учебники, как правило, предлагают читателю палитру мнений — как на этот вопрос отвечают разные авторитетные теоретики, представители различных подходов. Причем зачастую этот перечень определений никак не комментируется. Читателю остается гадать, какое из них лучше, какое — хуже, какого придерживается сам автор учебника. В лучшем случае можно увидеть попытку скомпилировать из нескольких определений одно, рабочее, усредненное [Цыганков, 2003: 21–26; Теория международных отношений, 2004]. Но и эти усилия приходится мимо цели — в действительности они ничего не говорят и не могут сказать о том, каковы объект и предмет ТМО, поскольку сводятся к компиляции в различных сочетаниях описаний ряда внешних признаков, внешних проявлений международных отношений. Как таковые они могут помочь приблизиться к пониманию того, *о чем* должна быть ТМО, но не того, *что* составляет ее суть и содержание [Теория международных отношений, 2022: 15–16; Burchill et al., 2005: 13–15].

А раз нет и не может быть четкого определения объекта и предмета ТМО, то нет и не может быть какой-то одной, правильной трактовки ее содержания, а значит, нет и не может быть какой-то одной, правильной теории международных отношений в узком смысле этого слова. Из данного рассуждения логично следует, что единственным нормальным и естественным состоянием ТМО являются принципиальная незавершенность, полемичность, дискуссионность [Алексеева, 2019b: 64–69, 73; Ивонина, Ивонин, 2022: 10–11; Теория международных отношений, 2022: 51; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4–9; International relations theory today, 2016: 22]; что нет и не может быть какого-то одного, правильного подхода к концептуализации ее содержания; что составляющие ее подходы нельзя сравнивать в категориях лучше/хуже, поскольку нет и не может быть некой архимедовой точки опоры, твердых оснований, относительно которых можно было бы провести такое сравнение. Есть теории — абсолютно равноценные, равноправные и несопоставимые в своей уникальности и самобытности [Алексеева, 2019b: 95; Burchill et al., 2005: 23–24; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 9; Steans et al., 2010: 240].

Высшей мудростью в этих условиях признается просто освоение как можно большего числа разных подходов, что должно наделить исследователя широтой взглядов, вооружить его максимально богатым арсеналом концепций и методик, предостеречь от категоричных и радикальных суждений [Steans et al., 2010: 246; International relations theory, 2017]. А главной рекомендацией студенту-международнику в ответ на вопрос, что с этим всем делать на практике, становится насколько правильный, настолько и малополезный тезис, что надо сообразовывать свой теоретико-методологический аппарат с целями и задачами своего исследования [Burchill et al., 2005: 28].

Эта, казалось бы, логичная и убедительная с точки зрения здравого смысла теоретическая позиция и призвана объяснить читателю отсутствие в учебниках по ТМО последовательного критического анализа существующих подходов, направлений и школ и, как следствие, отсутствие четких объяснительных моделей и рекомендаций по инструментализации теоретического знания, выдавая эти недостатки за естественное положение вещей или даже за достоинства.

Проблема с этой позицией даже не в том, что она представляет собой попытку сделать хорошую мину при плохой игре (она и с этой задачей не справляется, да и не может справиться). Дело в том, что практически все авторы учебников по ТМО, сколько бы ни писали о том, что нет и не может быть какой-то одной, правильной теории международных отношений, что есть множество равноценных теорий и надо просто в них хорошо разбираться, в конце концов вынуждены на какой-то одной теории останавливаться, какой-то один подход выбирать, чтобы иметь возможность рассуждать о ключевых понятиях и категориях дисциплины. Действительно, реалисты, конструктивисты, постмодернисты и, например, марксисты смотрят на все, в том числе базовые, категории международных исследований, такие как сила, власть, государство, безопасность, суверенитет и т.д., совершенно по-разному. Эти взгляды невозможно примирить, сформулировав какое-то нейтральное, устраивающее всех определение. Выбор придется делать, на чью-то сторону придется встать. Альтернативой может быть опять-таки лишь простое описание позиций каждой упоминаемой школы мысли, снова предлагающее читателю самому решать, что ему ближе [Черных, 2009; Бордачёв, 2015; An introduction to international relations, 2012]. Но такой под-

ход встречается всё же сравнительно редко. Гораздо чаще авторы открыто или исподволь занимают какую-то конкретную позицию. В российских учебниках по ТМО это, как правило, вполне осознанный или стихийный реализм [Ломагин и др., 2001; Цыганков, 2003; Основы общей теории международных отношений, 2009; Ачкасов, Ланцов, 2011; Ивонина, Ивонин, 2022: 6], в западных — осознанный или стихийный постмодернизм [International relations theory for the twenty-first century, 2007; Steans et al., 2010; Kapitonenko, 2022]. И в том, и в другом случае этот выбор в нынешнем виде никак нельзя признать удовлетворительным.

Отечественные учебники вызывают в этом плане гораздо меньше нареканий. Российские исследования международных отношений не получили такой же сильной прививки постмодернизмом, как западные, поэтому они в большей степени стоят на позициях «нормальной» науки, приближенной к нуждам практической экспертно-аналитической работы. Сказывается и сохраняющаяся инерция марксистской традиции [Ломагин и др., 2001: 10; Цыганков, 2003: 19; Теория международных отношений, 2004]. Российские авторы учебников по ТМО не ставят под сомнение наличие объективной реальности, доступной человеческому познанию, не отрицают существования различных объектов международных отношений, обладающих собственными, не зависящими от наблюдателя характеристиками. В центре внимания в полном соответствии с реалистической традицией оказываются национальные государства, действующие в анархической среде. Этим объясняется повышенное внимание к проблемам национальной безопасности, стратегической стабильности и суверенитета. Всё это интуитивно понятно и, наверное, для жанра учебной литературы вполне уместно. Главной проблемой тут следует назвать всё ту же недосказанность. Этот выбор в пользу реалистской традиции был бы гораздо более корректным, если бы он был сделан (1) эксплицитно и (2) аргументированно. Иными словами, во всех отношениях правильно было бы, если бы авторы таких учебников сразу объяснили читателю, почему они считают реалистский подход единственно верным или просто оптимальным, почему именно в духе реалистской традиции они будут трактовать ключевые понятия и категории. Сейчас же этот выбор в пользу реализма в лучшем случае иногда открыто декларируется, но не

аргументируется. Обычно же нет и этого. А такая недосказанность при наличии пространных рассуждений о том, что нет и не может быть одной, правильной теории, что все подходы хороши — выбирай любой, выглядит как нечестный прием, как попытка исподволь, под шумок протащить свою точку зрения так, чтобы и читатель ничего не заподозрил, и с представителями других направлений спорить не пришлось.

С зарубежными, прежде всего западными, учебниками по ТМО ситуация обстоит гораздо хуже. Их авторы, все без исключения, разделяют тезис, что в ТМО в принципе не может быть какой-то одной, правильной теории. Этот тезис, без преувеличения, стал уже настоящим символом веры для западных ученых. Он буквально вдалбливается читателю с первых страниц и дальше повторяется на разные лады с упорством, достойным лучшего применения. Причем западные авторы не останавливаются на утверждении, что одной, правильной теории быть не может, что есть множество самобытных и совершенно несопоставимых и не подлежащих сравнению перспектив (образов/парадигм/мировоззрений) [Burchill et al., 2005: 28; Steans et al., 2010: 240; Weber, 2010: 2–8; Kapitonenko, 2022: 1–2]. Они идут дальше, утверждая, что каждая теоретическая позиция не только предполагает свой специфический набор ответов на ключевые вопросы ТМО и обладает своей особой исследовательской программой, но и определенным образом *конструирует и взгляды исследователя, и исследуемый им объект* [International relations theory for the twenty-first century, 2007: 2; Steans et al., 2010: 11, 240; Jørgensen, 2018: 29; Kauppi, Viotti, 2020: 13–14; Kapitonenko, 2022: 3]. Иными словами, речь идет о том, что не существует независимой от исследователя объективной реальности, что наше знание не только всегда субъективно, нагружено в нормативно-ценностном и политико-идеологическом отношении [Kauppi, Viotti, 2020: 15], но и что оно постоянно участвует в создании окружающей действительности, наделении ее смыслом и через это — бытийным статусом.

Эти рассуждения одновременно исключительно показательны и очень парадоксальны. Показательны они потому, что со всей отчетливостью обнажают философские основания теоретико-методологических конструкций западных учебников по ТМО вообще и указанного тезиса о невозможности выведения какой-то одной,

универсальной, правильной теории международных отношений в частности (тезиса, некритично ретранслируемого и многими российскими авторами). Речь идет о философии постмодерна, представляющей собой вариант субъективно-идеалистической философской традиции. С онтологической точки зрения постмодернизм строится на отрицании существования объективной реальности до и вне человеческого сознания (быть — значит быть представленным в дискурсе). С позиции эпистемологии он провозглашает субъективность и неизбывную политизированность любого человеческого знания, в том числе научного (фуконианская связка «власть — знание»). Из этих философских установок прямо вытекает идея о самоценности и имманентной несопоставимости научных теорий: они изображаются как субъективные, а потому уникальные и не подлежащие полноценному сравнению точки зрения, мнения, образы, нарративы. С ними можно соглашаться или нет (прежде всего по морально-этическим соображениям), но их нельзя оценивать в категориях лучше/хуже, их бессмысленно пытаться опровергать.

Именно эта постмодернистская философия прямо или косвенно, в большей или меньшей степени формирует теоретико-методологический фундамент едва ли не всех современных западных учебников по ТМО. Проблема здесь, как и в случае со стихийно реалистскими воззрениями авторов российских учебников, в том, что эта философская позиция редко эксплицитно заявляется. Тем самым читателю снова пытаются исподволь, исподтишка, под соусом благообразных рассуждений об опасностях догматизма, о необходимости плюрализма мнений, о чрезвычайной сложности и необозримости проблем, составляющих предмет международных исследований, внушить, что этот образ, это видение ТМО являются единственно верными [Weber, 2010: XX–XXII, 2–8; International relations theory for the twenty-first century, 2007: 4; Steans et al., 2010: 246; George, 2012: 25–26]. То, что по факту представляет собой специфические философско-методологические установки одного, совершенно конкретного подхода в теории международных отношений, внезапно возводится в ранг абсолютной истины. И в этом заключена удивительная парадоксальность философии постмодернизма вообще и постмодернистских подходов в ТМО в частности. Без конца обвиняя традиционные подходы в догматизме, фундаментализме, нетерпимости к критике

и иному мнению, в косности и зашоренности, постмодернисты сами, словно в какой-то дурной антиутопии, своими руками создают и насаждают очень жесткий и не терпящий возражений канон, в основе которого ряд принимаемых на веру аксиом. Идея, что нет и не может быть единственно правильной ТМО, приобретает статус единственно правильной точки зрения. Утверждение, что различные подходы нельзя полноценно сравнить, оценить их практическую эффективность, не подлежит обсуждению.

Во всей этой ситуации, сложившейся в области изучения ТМО, также скрыт парадокс, но уже имеющий позитивный характер. В тех самых проблемах, которые позволяет выявить критический анализ современных учебников по ТМО, таится, как представляется, и ключ к их возможному решению.

Что с этим делать

Для начала следует признать, что полноценной науки о международных отношениях к настоящему моменту так и не сложилось. Именно об этом говорит всё содержание современных учебников по ТМО. Но это не повод впадать в уныние — наоборот. Анализ представленной учебной литературы позволяет заключить, что причина вовсе не в какой-то невиданной и немыслимой сложности их предмета (это вообще, откровенно говоря, достаточно снобистский, если не сказать хамский, тезис: можно подумать, физика, химия, психология или, допустим, история имеют дело с не в пример более простыми и понятными предметами), а в несовершенстве существующих подходов к его изучению. Таким образом, перед современными исследователями открыты все возможности внести по-настоящему важный вклад в процесс становления новой науки.

Следует признать далее, что все основные признанные подходы к концептуализации международных отношений в значительной мере исчерпали свой позитивный потенциал, что все они, равно как и все, казалось бы, аксиоматические, самоочевидные и не нуждающиеся в дополнительном обосновании положения, на самом деле подлежат критическому анализу, могут быть пересмотрены или отвергнуты полностью. Прежде всего, нужно поставить под вопрос идею о невозможности полноценного сравнения различных подходов, направлений и школ, их критической оценки с точки зрения эффективности, целесообразности, обоснованности. А это

в свою очередь означает поставить под вопрос тезис об отсутствии твердых оснований, той самой архимедовой точки опоры, относительно которой можно выстроить систему объективных критериев и принципов для такого сравнения. Для этого нужно для начала твердо, не на словах, а на деле признать существование объективной, не зависящей от человеческого сознания действительности. Только после этого можно осмысленно ставить вопрос о формулировании строгих определений объекта и предмета дисциплины, ее ключевых понятий и категорий. Только так можно будет преодолеть существующий разрыв между ТМО и практикой, по-настоящему эффективно инструментализировать имеющийся теоретический задел и обеспечить его качественное развитие.

Альтернативой этому поиску, болезненному и, вполне вероятно, неблагоприятному, будут дальнейшее нарастание кризисных тенденций в ТМО, уже вполне проявившихся, дальнейшая фрагментация исследовательского поля дисциплины и в конце концов превращение ее в своеобразную «игру в бисер»: занятное интеллектуальное упражнение, полностью оторванное от жизни.

В этом контексте российские исследователи, как представляется, находятся в гораздо более выигрышном положении, чем их западные коллеги: как было отмечено, они в меньшей степени оказались подвержены влиянию постмодернистских идей, у них нет той болезненно-аллергической реакции на материалистическую философию, которая укоренилась в западном академическом сообществе. Как знать, может быть, именно российские ученые возведут международные исследования в ранг науки?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2019.
2. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019.
3. Ачкасов В.А., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2011.
4. Бордачёв Т.В. Теория международных отношений в XXI веке: Учебник. М.: Международные отношения, 2015.
5. Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Маныкин. М.: Изд-во МГУ, 2001.

6. Ивонина О.И., Ивонин Ю.П. Теория международных отношений: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022.

7. Ломагин Н.А., Кузнецов В.Е., Лисовский А.В. и др. Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: Учебное пособие. СПб.: Сентябрь, 2001.

8. Лошкарёв И.Д. Международно-политическая мысль: от истоков к современности: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2021.

9. Новиков С.С. Теория и история международных отношений: Учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019.

10. Нурышев Г.Н. Теория международных отношений: Учебное пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2015.

11. Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

12. Современная политическая наука: методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019.

13. Современные теории международных отношений: Учебник / Под ред. В.Н. Коньшева, А.А. Сергунина. М.: Проспект, 2013.

14. Теория международных отношений: Учебник для вузов / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2022.

15. Теория международных отношений: Учебное пособие: В 2 т. / Под общ. ред. О.А. Колобова. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов. Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004.

16. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2003.

17. Черных И.А. Теории международных отношений: Учебное пособие для специальностей «Международные отношения», «Регионоведение» и «Политология». Алматы: Казак университети, 2009.

18. Burchill S., Linklater A., Devetak R. et al. Theories of international relations. 3rd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

19. Devetak R. An introduction to international relations: The origins and changing agendas of a discipline // An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–20.

20. George J. International relations theory in an age of critical diversity // An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 22–34.

21. International relations theory / Ed. by S. McGlinchey, R. Walters, C. Scheinpfug. Bristol: E-International Relations Publishing, 2017.

22. International relations theory for the twenty-first century: An introduction / Ed. by M. Griffiths. London: Routledge, 2007.

23. International relations theory today / Ed. by K. Booth, T. Erskine. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2016.

24. An introduction to international relations / Ed. by R. Devetak, A. Burke, J. George. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
25. Jørgensen K.E. International relations theory. A new introduction. 2nd ed. London: Palgrave, 2018.
26. Kapitonenko M. International relations theory. New York: Routledge, 2022.
27. Kauppi M.V., Viotti P.R. International relations theory. 6th ed. Lanham; Boulder: Rowan & Littlefield, 2020.
28. Onuf N. Five generations of IR theory // International relations theory today / Ed. by K. Booth, T. Erskine. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 46–67.
29. Steans J., Pettiford L., Diez T., El-Anis I. An introduction to international relations theory. Perspectives and themes. 3rd ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2010.
30. Weber C. International relations theory: A critical introduction. 3rd ed. New York: Routledge, 2010.

REFERENCES

1. Alekseeva T.A. 2019a. *Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX–XXI vv.): politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary political thought (20th — 21st centuries): Political theory and international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
2. Alekseeva T.A. 2019b. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak politicheskaya filosofiya i nauka: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [International relations theory as political philosophy and science: A college handbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
3. Achkasov V.A., Lantsov S.A. 2011. *Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya: Uchebnik* [World politics and international relations: A textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
4. Bordachev T.V. 2015. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v XXI veke: Uchebnik* [International relations theory in the 21st century: A textbook]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
5. Manykin A.S. (ed.) 2001. *Vvedenie v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [An introduction to international relations theory: A handbook]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)
6. Ivonina O.I., Ivonin Yu.P. 2022. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik dlya vuzov* [International relations theory: A college textbook]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)
7. Lomagin N.A., Kuznetsov V.E., Lisovskii A.V. et al. 2001. *Vvedenie v teoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii i analiz vnesheinei politiki: Uchebnoe posobie* [An introduction to international relations theory and foreign policy analysis: A handbook]. Saint Petersburg, Sentyabr Publ. (In Russ.)

8. Loshkarev I.D. 2021. *Mezhdunarodno-politicheskaya mysl': ot istokov k sovremennosti: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [International political thought: From origins to the present: A college handbook]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

9. Novikov S.S. 2019. *Teoriya i istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Theory and history of international relations: A handbook]. Vladimir, VIGU Publ. (In Russ.)

10. Nuryshchev G.N. 2015. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [International relations theory: A handbook]. Saint Petersburg, SPbGEU Publ. (In Russ.)

11. Manykin A.S. (ed.). 2009. *Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Fundamentals of the general theory of international relations: A handbook]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)

12. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.). 2019. *Sovremennaya politicheskaya nauka: metodologiya* [Contemporary political science: A methodology]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. (eds.). 2013. *Sovremennye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik* [Contemporary theories of international relations: A textbook]. Moscow, Prospekt Publ. (In Russ.)

14. Tsygankov P.A. (ed.). 2022. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnik dlya vuzov* [International relations theory: A college textbook]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

15. Kolobov O.A. (ed.). 2004. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie: V 2 t. T. 1. Evolyutsiya kontseptual'nykh podkhodov* [International relations theory: A handbook. In 2 vols. Vol. 1. Evolution of conceptual approaches]. Nizhnii Novgorod, FMO NNGU Publ. (In Russ.)

16. Tsygankov P.A. 2003. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [International relations theory: A handbook]. Moscow, Gardariki Publ. (In Russ.)

17. Chernykh I.A. 2009. *Teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Uchebnoe posobie* [Theories of international relations: A handbook]. Almaty, Kazakh universiteti Publ. (In Russ.)

18. Burchill S., Linklater A., Devetak R. et al. 2005. *Theories of international relations*. 3rd ed. New York, Palgrave Macmillan.

19. Devetak R. 2012. An introduction to international relations: The origins and changing agendas of a discipline. In: Devetak R., Burke A., George J. (eds.). *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–20.

20. George J. 2012. International relations theory in an age of critical diversity. In: Devetak R., Burke A., George J. (eds.). *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 22–34.

21. McGlinchey S., Walters R., Scheinpflug C. (eds.). 2017. *International relations theory*. Bristol, E-International Relations Publishing.
22. Griffiths M. (ed.). 2007. *International relations theory for the twenty-first century: An introduction*. London, Routledge.
23. Booth K., Erskine T. (eds.). 2016. *International relations theory today*. 2nd ed. Cambridge, Polity Press.
24. Devetak R., Burke A., George J. (eds.). 2012. *An introduction to international relations*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press.
25. Jørgensen K.E. 2018. *International relations theory. A new introduction*. 2nd ed. London, Palgrave.
26. Kapitonenko M. 2022. *International relations theory*. New York, Routledge.
27. Kauppi M.V., Viotti P.R. 2020. *International relations theory*. 6th ed. Lanham, Boulder, Rowan & Littlefield.
28. Onuf N. 2016. Five generations of IR theory. In: Booth K., Erskine T. (eds.). *International relations theory today*. 2nd ed. Cambridge, Polity Press, pp. 46–67.
29. Steans J., Pettiford L., Diez T., El-Anis I. 2010. *An introduction to international relations theory. Perspectives and themes*. 3rd ed. Harlow, Pearson Education Limited.
30. Weber C. 2010. *International relations theory: A critical introduction*. 3rd ed. New York, Routledge.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после
рецензирования 14.09.2023; принята к публикации 20.01.2024

The paper was submitted 27.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023;
accepted for publication 20.01.2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83

Научная статья / Research paper

М.А. Кучеров, М.В. Харкевич*

**«НАРОДНАЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ»:
ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ****

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В цифровой век изображения проникли практически во все сферы общественной жизни и политики. Международные отношения не стали исключением. Исследователи не могли не обратить внимание на визуальное измерение мировой политики, что стимулировало формирование так называемого визуального поворота в теории международных отношений, прежде всего в рамках конструктивизма. Затронул он и одну из центральных и наиболее популярных конструктивистских теорий — теорию секьюритизации. В первой части статьи представлен критический анализ феномена визуального поворота в теории международных отношений. Во второй части проанализировано современное состояние теории секьюритизации. В третьей части на примере резонансной публикации фотографии погибшего в 2015 г. при попытке иммигрировать в Европу сирийского мальчика-мигранта Айлана Курди выявлены ключевые особенности и перспективы применения подобного подхода к изучению международных отношений. В четвертом разделе рассмотрены некоторые ограничения теории визуальной секьюритизации. Авторы приходят к выводу, что визуальный поворот привел к своеобразной демократизации процессов

* Кучеров Максим Андреевич — аналитик Центра перспективных американских исследований Института международных исследований МГИМО МИД РФ (e-mail: kucherov_m_a@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0008-3373-1682); Харкевич Максим Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-9476-9694).

** Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

секьюритизации, открыв новые возможности для «секьюритизации снизу», или «народной секьюритизации». Тем самым рассматриваемый феномен ставит под сомнение традиционную монополию политических элит на формирование нарратива в области безопасности. Одновременно визуальный поворот расширяет список возможных референтных объектов секьюритизации, который начинает включать не только аудиторию внутри страны, но и другие сообщества. В то же время визуальная секьюритизация оказывается сопряжена и с целым рядом новых проблем. Изображение представляет гораздо больший простор для интерпретации, чем традиционный «речевой акт», что может негативно сказаться на его способности передать аудитории конкретное сообщение. Возможность неоднозначной трактовки предъявляет повышенные требования к коммуникативному контексту и ограничивает использование визуального образа в качестве самостоятельного инструмента секьюритизации. Ключом к преодолению этих трудностей, по мнению авторов, может стать более активное применение технологий искусственного интеллекта и социальных сетей.

Ключевые слова: международная безопасность, секьюритизация, «народная секьюритизация», цифровизация, визуальный поворот, исследования безопасности, стратегическая коммуникация, конструктивизм, Айлан Курди, постправда, социальные сети, символическая политика

Для цитирования: Кучеров М.А., Харкевич М.В. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83.

Maxim A. Kucherov, Maxim V. Kharkevich

‘BOTTOM-UP SECURITIZATION’: A VISUAL TURN IN SECURITY STUDIES

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In the digital age, images have pervaded almost all spheres of public life and politics. International relations are no exception. The visual dimension of world politics attracts increasing attention which resulted in the emergence of the so-called visual turn in the theory of international relations. It gained particular prominence within the framework of constructivism and particularly within one

of the central and most widespread constructivist theories, i.e. the securitization theory. The first section of the paper examines the concept of 'visual turn'. The second section considers the current state of art of the securitization theory. The third section outlines key features and possible implications of 'visual securitization' to the study of international relations. To this end, the authors refer to a resonant case of a Syrian migrant boy Aylan Kurdi, who died in 2015 while trying to immigrate to Europe. The fourth section examines some limitations of the 'visual securitization' theory. The authors conclude that the 'visual turn' has led to a certain democratization of securitization practices by opening up new opportunities for the 'bottom-up securitization', or 'people's securitization'. Thus, it questions the traditional monopoly of political elites on the molding of a security narrative. At the same time, the 'visual turn' extends the list of possible reference objects of securitization, which comes to include not only domestic audiences, but also other communities. As a result, 'visual securitization' raises a number of new issues. In contrast to a traditional 'speech act', an image can be open to various interpretations and as such would make the process of interaction with the audience too complicated and inconsistent. The possibility of incorrect interpretation places increased demands on the communicative context and hinders the use of an image as an independent securitization tool. The authors argue that the key to addressing these issues lies in a more active use of artificial intelligence technologies and social networks.

Keywords: international security, securitization, people's securitization, digitalization, visual turn, security studies, strategic communication, constructivism, Alan Kurdi, post-truth, social networks, symbolic politics

About the authors: Maxim A. Kuchеров — Expert of the Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University (e-mail: kuchеров_m_a@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0008-3373-1682); Maxim V. Kharkevich — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University (e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-9476-9694).

Acknowledgements: The publication is supported by the MGIMO University 'Priority-2030' program.

For citation: Kuchеров M.A., Kharkevich M.V. 2023. 'Bottom-up securitization': A visual turn in security studies. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83. (In Russ.)

В цифровой век изображения проникли практически во все сферы общественной жизни и политики. Международные отношения не стали исключением. Исследователи не могли не обратить внимание на визуальное измерение мировой политики, что стимулировало формирование так называемого визуального поворота в теории международных отношений, прежде всего в рамках конструктивизма. Как таковой визуальный поворот способствует дальнейшему уточнению основных концептов конструктивизма, обнаруживая визуальную составляющую в описываемых ими феноменах. В целом к настоящему моменту визуальный поворот затронул такие концепты и теории, как критическая геополитика [Campbell, 2007; Observant sates..., 2010], политическая антропология [Mitchel, 2014], стратегический нарратив [Wright, Rosamond, 2021], акторность социальных групп [Wilson, 2011] и др. Затронул он и одну из центральных и наиболее популярных конструктивистских теорий — теорию секьюритизации. В данной работе мы постараемся показать и оценить влияние визуального поворота на исследования безопасности. Особого внимания заслуживает в этом контексте существенное расширение предметного поля теории секьюритизации по сравнению с предложениями Копенгагенской школы за счет включения в него акторов, у которых нет авторитетного «голоса» и доступа к влиятельным медиаресурсам для убедительного «речевого акта». Визуальный поворот предоставляет тем самым аналитический инструментарий для изучения процессов секьюритизации, идущих «снизу». В качестве примера такой визуальной секьюритизации *bottom-up* в статье анализируется кейс, связанный с публикацией в 2015 г. фотографии тела мертвого сирийского мигранта, мальчика Айлана Курди, в западных СМИ.

В первой части статьи рассмотрены история появления и некоторые специфические черты феномена визуального поворота в теории международных отношений. Во второй части дан краткий обзор современного состояния теории секьюритизации. В третьей на примере резонансной публикации фотографии Айлана Курди выявлены возможности и перспективы приложения принципов визуального поворота к теории секьюритизации. Наконец, в четвертом разделе рассмотрены некоторые ограничения, связанные с использованием принципов визуальной секьюритизации в исследованиях международных отношений.

Визуальный поворот в теории международных отношений

Термин «визуальный поворот» был введен в научный оборот по аналогии с лингвистическим поворотом, который был предложен Р. Рорти для обозначения одной из характерных черт развития философии в XX в. [Беззубова, 2016: 14]. Американский философ рассматривал эволюцию европейской мысли как переход от изучения вещей к изучению идей и концептов, а затем — к изучению самого языка [Рорти, 1997: 194]. Эти переходы, «повороты», представляют собой ряд революционных переосмыслений, определяющих новый вектор развития дисциплины. Так, с 1970-х годов социогуманитарные науки начали претерпевать визуальный поворот, который выразился в резком росте публикаций, организованных конференций, образовательных программ по тематике изображений и их роли в современном мире [Беззубова, 2016: 14]. Провозгласил наступление визуального, или изобразительного (пикторального) поворота Т. Митчелл в 1994 г., заявив, что мы живем «в культуре, в которой доминируют картинки, визуальные симуляции, стереотипы, иллюзии, копии, репродукции, имитации и фантазии» [Mitchell, 1994: 2].

Визуальный поворот в рамках теории международных отношений во многом объясняется технологическими изменениями, которые трансформируют мир современной политики. Медиаплатформы, такие как Twitter, YouTube, Facebook, уже стали новыми политическими аренами, играя важнейшую роль по всему политическому спектру: от инструмента вербовки, проводимой террористическими организациями, до площадки для кампаний социальной справедливости [Visual global politics, 2018]. Визуальный контент присутствует в них в разной степени, но все они используются для его распространения, так как являются наиболее массовыми и популярными среди политизированной общественности. Подобный феномен не мог остаться без внимания со стороны научного сообщества, которое занялось изучением визуального поворота.

Исследования в данном направлении проводятся в самых различных сферах и охватывают как всё визуальное измерение теории международных отношений, так и отдельные его компоненты. Примером первого подхода может служить книга У. Каллахана «Sensible Politics» [Callahan, 2020] или проект «Визуальные международные отношения» М. Пфоннера и П. Джеймса [Pfonner, James, 2019]. Что касается изучения конкретных явлений, то обращают на себя вни-

мание исследования влияния кинематографа на восприятие войны в обществе С. Филпотта [Philpott, 2010], карт как социального конструкта Дж. О'Тоала [Ó Tuathail, 1996], видения поля боя с высоты беспилотников К. Грейсона и Дж. Моудсли [Grayson, Mawdsley, 2018] и другие работы по смежной проблематике [см., например: Bleiker et al., 2013]. Кроме того, визуальное измерение проникло в уже существующие теории, определив новый вектор их развития [Baele, Bettiza, 2021].

Наиболее подверженными визуальному повороту оказались различные исследовательские программы внутри социального конструктивизма, что неудивительно, поскольку в центре его внимания традиционно находятся вопросы восприятия и коммуникации, претерпевшие кардинальную трансформацию в условиях резкого ускорения обработки информации, роста перегруженности информационного поля и, как следствие, повышения роли изображения и появления так называемой клиповой культуры. Это справедливо и для современных исследований безопасности в русле конструктивизма, которые часто включают изучение особенностей восприятия. В результате родилось направление визуальных исследований безопасности¹, в рамках которого возник центральный для данной работы концепт «визуальной секьюритизации».

Теория секьюритизации и визуальные исследования в области безопасности

Теория секьюритизации была разработана представителями Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузаном, О. Вевером² и Я. де Вильде в конце XX в. [Buzan et al., 1998]. В настоящий момент указанная теория является одной из наиболее динамично развивающихся не только в рамках исследований безопасности, но и в международно-политической науке в целом. При этом нельзя не отметить, что развитие данного концепта связано с его критикой, в том числе со стороны Парижской и Уэльской школ изучения безопасности. Однако, как отмечает М. Уильямс, разнообразная

¹ Различные подходы к изучению визуального измерения безопасности можно найти в работе Р. Блейкера: [Visual global politics, 2018].

² Датская фамилия Wæver в данной работе была переведена как Вевер согласно правилам датско-русской практической транскрипции. При этом стоит отметить, что в других русскоязычных трудах существуют иные варианты написания данной фамилии: Вэйвер, Вэвер, Уивер, Уэвер.

критика исследовательской программы Копенгагенской школы свидетельствует скорее о ее жизнеспособности [Williams, 2003].

В понимании представителей Копенгагенской школы, секьюритизация — это процесс, в котором секьюритизирующий актор (как правило, обладающий властью, например политические элиты/руководство страны) публично заявляет, что конкретный вопрос/процесс/другой актор (объект секьюритизации) представляет собой экзистенциальную угрозу для референтного объекта. В роли последнего обычно выступает аудитория, к которой актор со своим заявлением обращается [Buzan et al., 1998: 23–26]. Целью секьюритизации является одобрение аудиторией предлагаемых секьюритизирующим актором чрезвычайных мер для устранения заявленной угрозы [Тамбовцева, 2017: 186].

Сам процесс секьюритизации, по мнению представителей Копенгагенской школы, представляет собой перформативный речевой акт [Buzan et al., 1998: 26]. В этом смысле они опираются на теорию речевого акта Дж. Остина, который в свою очередь вдохновлялся теорией языковых игр Л. Витгенштейна³. Дж. Остин отказывался разделять высказывания (которые обретают свои значения в процессе речевого акта) на истинные и ложные и вместо этого группировал их по цели произнесения. Описательные высказывания, т.е. передающие информацию об окружающем мире, философ-лингвист назвал конститивными, а высказывания, не описывающие реальность, но создающие ее, — перформативными [Austin, 1962].

Различные компоненты оригинальной теории подвергались критике, главным образом из-за той роли, которую играет в ней речевой акт. С одной стороны, представители Копенгагенской школы специально решили выстроить свою теорию вокруг концепции «речевого акта», дабы придать ей большую методологическую четкость [Гайдаев, 2021: 24], с другой — тем самым они в некоторой степени заранее ограничили возможности ее инструментализации. В этом контексте критики, в частности, подчеркивают ограниченный характер форм репрезентации, видов секьюритизирующих акторов и аудиторий, подлежащих анализу в рамках исходной теории [McDonald, 2008: 569]. Хотя формально процесс секьюритизации полностью открыт

³ Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. Ч. 1 // Геополитика.ru. 06.08.2012. Доступ: <https://www.geopolitika.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1> (дата обращения: 01.11.2023).

(любой субъект секьюритизации может попытаться секьюритизировать любую проблему/референтный объект), в реальности он ограничен способностью актора делать социально эффективные заявления, т.е. такие, которые дойдут до предполагаемой аудитории и будут ею приняты [Williams, 2003: 514]. Таким образом, согласно теории секьюритизации условия для удачного речевого акта делятся на две категории:

- 1) внутренние: связанные непосредственно с речью;
- 2) внешние: контекстуальные и социальные, т.е. условия, в которых должен находиться актор [Buzan et al., 1998: 32].

Вторая категория выдвигает определенные требования к актору, который должен не только звучать убедительно, но и обладать авторитетом, а также средствами для донесения своего сообщения. Таким образом, формально открытый процесс секьюритизации, сводясь, в трактовке Б. Бузана, О. Вевера и Я. де Вильде, к речевому акту, изначально ограничивает возможный круг секьюритизирующих акторов политическими элитами, имеющими доступ к средствам массовой информации и, как правило, доминирующими в дискурсе.

В современных условиях социальные сети потенциально дают возможность высказаться любому, у кого есть доступ в интернет: они стали площадкой для важных политических заявлений (свидетельством этого может служить, например, появление Твиттер-дипломатии). Таким образом, заметно расширяется круг тех, кто может попробовать донести сообщение до широкой аудитории. Это уже ставит под сомнение оправданность сведения акторов секьюритизации только к политическим элитам. Тем не менее возникает иная проблема: множество акторов генерируют огромное количество сообщений, которые сливаются в информационный шум. Например, в день публикуется более 762 млн твитов (примерно 8817 в секунду⁴). Сообщение, содержащее попытку секьюритизации, может просто не дойти до целевой аудитории, затерявшись во множестве других. Кроме того, далеко не каждое высказывание способно произвести эффект, ведущий к секьюритизации. Здесь мы возвращаемся к внутренним условиям, т.е. качеству самой речи. Далеко не каждый неравнодушный к некой проблеме способен создать что-то напоминающее статьи «J'Accuse...!», написанной Э. Золя во время печально

⁴ Статистика Twitter за 2021 год // Affde. 12.03.2019. Доступ: <https://www.affde.com/ru/twitter-statistics-1.html> (дата обращения: 01.11.2023).

известного «Дела Дрейфуса». Всё это вновь выдвигает определенные требования к потенциальному секьюритизирующему актору, который должен умело пользоваться речью, а также иметь определенный авторитет (например, выраженный в количестве подписчиков, если речь идет о социальной сети). Круг возможных акторов, таким образом, вновь сужается.

Описанная выше связь концепта секьюритизации с развитием сферы коммуникаций обусловила появление еще одного направления критики исходных построений Копенгагенской школы. Политическая коммуникация в современном мире всё больше наполняется визуальными образами [Мирзоев, 2019: 12]. В связи с этим возникает сразу несколько вопросов, например: насколько успешно теория секьюритизации, в центре которой находится речевой акт, будет способна объяснять неречевые формы секьюритизации [Williams, 2003]; обладает ли изображение такими же перформативными возможностями? Эти вопросы оказались в центре внимания нового направления в исследованиях безопасности, связанного с попытками инкорпорирования изображения в теорию секьюритизации.

С точки зрения изучения особенностей перформативности изображения особую роль сыграли исследования фотографии как воспроизведения «куска реальности» [Shapiro, 1988], поскольку, в отличие от других форм изображения (например, карикатур, которые представляют собой симулякры реальных событий), в фотографии, на первый взгляд, авторская позиция не является преобладающей. С. Сонтаг писала, что фотографии — это не высказывания о мире, а скорее миниатюры реальности [Сонтаг, 2013: 14]. Важным, однако, представляется вопрос о социальном конструировании с помощью этих копий реального мира [Callahan, 2020: 21]. В данном контексте целесообразно оценивать не только непосредственно изображение, но и его общую композицию, а также то, что находится за кадром. Композиция фотографии, как утверждал А. Трахтенберг, носит политический характер, а видеоискатель представляет собой политический инструмент [Trachtenberg, 1989: 14]. Таким образом, фотограф способен сделать политическое высказывание, заложив определенный замысел в фотокомпозицию.

При этом фотографии способны обретать политический смысл и после того, как были сделаны. Так, Т. Олесен, рассуждая о фотографиях, отмечает, что они становятся политическими, когда превра-

щаются в символ [Olesen, 2018: 659], т.е. в объект, используемый для обозначения смыслов, которые не присущи самому объекту [Elder, Cobb, 1983: 28–29]. Представляя реальность «такой, какая она есть», фотография по факту оказывается лишена смысла [Taylor, 1998]. Однако по мере того, как фотография становится частью социальной коммуникации, ее смысловая пустота заполняется.

Таким образом, фотография может выступать в качестве инструмента секьюритизации. В аналогичных целях могут применяться и искусственно созданные изображения, в которые изначально оказывается заложен смысл, в том числе политический (например, карикатуры и агитационные плакаты).

Какие возможности дает визуальная секьюритизация? В первую очередь изображение способно оказать сильное воздействие на аудиторию [Hutchison, Bleiker, 2017], причем сделать это быстро, вовлекая ее и создавая у нее эмоциональную связь с проблемой. Это свойство Н. Мирзоев назвал «чувственной непосредственностью» (*sensual immediacy*) [Mirzoeff, 2008: 15]. Примером успешного использования визуального образа для секьюритизации может служить телетрансляция обрушения башен-близнецов в режиме реального времени 11 сентября 2001 г. [Callahan, 2020: 94]. Вызванные шокирующими кадрами эмоции сплотили американское общество, породили страх, что помогло администрации Дж. Буша-мл. практически без сопротивления осуществить вторжение в Афганистан и провести через Конгресс радикальные положения «Патриотического акта». Как показывает в своем исследовании Ф. Меллер, данные образы использовались и в дальнейшем, чтобы, апеллируя к коллективной памяти, продлить эффект секьюритизации [Möller, 2007], что демонстрирует еще одно возможное преимущество изображения — долговечность влияния.

Способность изображений вызывать разнообразные эмоции также расширяет перечень референтных объектов секьюритизации. С точки зрения представителей Копенгагенской школы, секьюритизация апеллирует к одной-единственной эмоции — страху за свое выживание. В случае применения речевого акта референтный объект, как правило, неотделим от аудитории (ее государства, идентичности). Использование визуальных образов позволяет дополнить спектр эмоций состраданием, заботой, жалостью и т.д. [Bleiker, Kay, 2007]. Благодаря этому расширяется список возможных объектов —

он начинает включать также угрозы «другим», т.е. такие угрозы, о которых «мы» должны беспокоиться, даже если непосредственно нам ничего не грозит. Возможность эффективной секьюритизации стороннего референтного объекта возникает благодаря способности изображения делать проблему более личной для отстраненной аудитории, что достигается через эффект соприсутствия [Visual global politics, 2018: 276].

Кроме того, использование изображения в качестве инструмента секьюритизации решает одну из ключевых проблем, связанную с отмеченной ранее ее имплицитной элитарностью. Визуальный поворот демократизирует секьюритизацию. Это обусловлено широкими возможностями для создания и использования визуальных образов в цифровую эпоху. Киберпространство и социальные сети дают обычным пользователям возможность высказаться, но в случае попытки секьюритизации через речевой акт всё еще сохраняются требования к убедительности данного высказывания и проблема преодоления информационного шума. Не каждый пользователь способен написать хороший текст, но при этом каждый может нажать на кнопку фотоаппарата в своем телефоне и затем загрузить полученное изображение в интернет. Визуальные образы, особенно те, что используются при секьюритизации, не зависят от авторитета их авторов. Они способны говорить сами за себя, а значит, неважно, кто именно разместил изображение. Особенно это касается фотографий, которые воспринимаются как «надежные свидетели». Благодаря своим свойствам изображения выделяются среди информационного шума. Актером визуальной секьюритизации становится не только человек, загрузивший изображение, но и те пользователи, которые распространяют заинтересовавшую их картинку, создавая тем самым множество ее цифровых копий. Способность изображения множиться и заполнять информационное пространство была обозначена Л. Хансен как «циркулируемость» [Hansen, 2011]. Копии не обязательно должны быть полностью идентичны исходному изображению, но они несут схожие посыл и эмоцию. Т. Олесен называет подобное скопление изображений, произошедших от одного исходного и объединенных одним сообщением, «кластером интернет-мемов» [Olesen, 2018: 660]. Циркулируемость позволяет изображению занимать большие объемы информационного пространства, охватывая всё большую аудиторию, и силами обычных

пользователей социальных сетей смещать СМИ на второй план. Таким образом, использование визуальных образов демократизирует секьюритизацию, оспаривая «снизу» монополию политических элит на создание конструкторов безопасности.

Стоит отметить, что в рамках теории секьюритизации изображение способно выступать не только в качестве инструмента. Л. Хансен на примере скандала с карикатурами на пророка Мухаммеда в 2005–2006 гг. показала, как визуальный образ может также быть объектом секьюритизации [Hansen, 2011]. Опубликованные датской газетой «Jyllands-Posten» карикатуры на пророка Мухаммеда вызвали серьезный межкультурный конфликт, когда практически весь арабский мир, а также мусульмане, проживающие в Европе, восприняли эти рисунки как угрозу своей идентичности (причиной конфликта стало то, что сам факт изображения пророка запрещается исламом, не говоря уже о его представлении в комическом ключе). Столкновение европейских принципов свободы слова и мусульманской культуры, а также сопутствующие ему политические события можно рассматривать с разных углов, но важным в данном случае является то, что само по себе изображение было секьюритизировано. Примечателен данный случай также тем, что он демонстрирует силу визуального образа. Как выразился Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «Инциденты, подобные созданию карикатуры на пророка или угрозе смерти художнику, который ее нарисовал, оказывают гораздо большее воздействие на народное воображение, чем праведные заявления министров иностранных дел и генеральных секретарей»⁵. Таким образом, визуальная секьюритизация расширяет также список возможных объектов, представляя само изображение в качестве возможной угрозы.

Кейс Айлана Курди

Примером использования изображения для секьюритизации «снизу» может стать публикация фотографии тела 3-летнего сирийского мальчика Айлана Курди во время миграционного кризиса в Европе в 2015 г. Погибший вместе со своей семьей при попытке не-

⁵ Statement by the Secretary-General at the opening session of the second meeting of the high-level group for the Alliance of Civilizations // United Nations. Secretary General. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2006-02-26/statement-secretary-general-opening-session-second-meeting-high> (accessed: 05.11.2023).

легально пересечь Средиземное море ребенок стал далеко не первым беженцем, которого постигла подобная участь: только в апреле 2015 г. около 1000 человек утонули, пытаясь попасть в Европу [Olesen, 2018: 657]. Как отмечает Х. Хидженс, в начале 2015 г. была предпринята попытка секьюритизации бедственного положения мигрантов со стороны гуманитарных организаций, которая выражалась в призывах к европейским правительствам организовать поисково-спасательные операции, а также выработать легальный механизм приема беженцев, чтобы уменьшить использование рискованных нелегальных путей [Hintjens, 2019]. Однако европейские правительства проигнорировали призывы активистов. Вместе с тем и общественность относилась к беженцам с опаской, воспринимая их самих как угрозу, но опубликованная 2 сентября того же года в Twitter турецкой журналисткой фотография Айлана Курди вызвала моментальную реакцию, выразившуюся в волне сочувствия и призывах к действию. Например, пожертвования в организацию «The Migrant Offshore Aid Station», которая занималась спасением беженцев в Средиземном море, в следующие 24 часа после публикации фотографии мальчика выросли в 15 раз⁶. Давление на европейских политиков со стороны общественности также резко возросло (митинги, подача петиций, в том числе с миллионами подписей), что вынудило их действовать безотлагательно. Уже через 4 дня британский премьер-министр Д. Кэмерон выступил с заявлением, в котором пообещал принять 20 тысяч сирийских беженцев в следующие 5 лет⁷.

Что определило успешность второй попытки секьюритизации? Во-первых, фотография Айлана Курди быстро распространилась (в течение 12 часов после публикации она была ретвитнута более 30 000 раз, количество просмотров составило около 20 млн [The iconic image on social media..., 2015: 11–19]), охватив обширную аудиторию. Во-вторых, обладая сильным эмоциональным воздействием, изображение погибшего мальчика смогло преодолеть равнодушие

⁶ Elgot J. Charity behind migrant-rescue boats sees 15-fold rise in donations in 24 hours // The Guardian. 03.11.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/03/charity-behind-migrant-rescue-boats-sees-15-fold-rise-in-donations-in-24-hours> (accessed: 05.11.2023).

⁷ Wintour P. UK to take up to 20,000 Syrian refugees over five years, David Cameron confirms // The Guardian. 07.09.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/07/uk-will-accept-up-to-20000-syrian-refugees-david-cameron-confirms> (accessed: 05.11.2023).

аудитории. На тот момент гибель мигрантов ни для кого не была открытием, попытки привлечь к этому внимание политиков и общественности предпринимались неоднократно. Еще в ноябре 2014 г. папа римский заявил: «Мы не можем допустить, чтобы Средиземное море превратилось в большое кладбище мигрантов»⁸. Фотография же Айлана Курди сделала проблему более личной для аудитории и, следовательно, обеспечила успешность секьюритизации. Важно, на наш взгляд, упомянуть, что, как показывают результаты анализа постов в социальных сетях, отношение европейцев к беженцам весной 2015 г. было настороженно-негативным, но после публикации фотографии погибшего ребенка резко сменилось на положительно-сочувствующее [The iconic image on social media..., 2015: 11]. Соответственно эффект, произведенный этим снимком, следует отделять от более ранних призывов, рассматривая его как самостоятельную попытку секьюритизации, а не кульминацию длительного процесса. На наличие двух разных попыток секьюритизации указывает также различие в их инструментарии.

Публикация фотографии Айлана Курди является примером неклассического варианта секьюритизации, происходившего «снизу», когда политические элиты выступили в роли не актора, а аудитории. Интересной также представляется роль европейской общественности. С одной стороны, она была аудиторией, так как изображение воздействовало в первую очередь на нее, но в то же время она выступала в качестве актора, помогая распространять снимок, а также оказывая давление на национальные правительства. О высокой роли обычных пользователей и рядовых активистов в процессе распространения фотографии может свидетельствовать, например, создание огромного «кластера мемов», проанализированного Т. Олесеном в его статье [Olesen, 2018: 662–669]. При этом как для элиты, так и для общественности гибель мальчика-мигранта не символизировала непосредственную угрозу, фотография апеллировала именно к состраданию, а не страху.

Таким образом, элементы классического понимания теории секьюритизации остаются, но принимают другие формы: общество становится актором, элиты — аудиторией, а референтный объект

⁸ Traynor I. Pope Francis attacks EU over treatment of immigrants // The Guardian. 24.11.2014. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/25/pope-francis-elderly-eu-lost-bearings> (accessed: 05.11.2023).

не связан напрямую ни с теми, ни с другими. Распространяя фотографию погибшего ребенка, общество секьюритизировало миграционную политику элит, в результате которой гибли невинные люди. Необходимость принятия экстраординарных мер по изменению миграционной политики диктовалась в данном случае не чувством страха, а чувством сострадания. Происходила не столько секьюритизация, сколько «симпатизация». Благодаря такой эмоциональной вовлеченности общественность смогла представить себя на месте страдавших мигрантов, а миграционную политику ЕС — как угрозу для себя и требовать ее изменения или самостоятельно участвовать в различных организациях, помогавших мигрантам.

Кейс Айлана Курди заслуживает более внимательного изучения, но в контексте данной работы показывает, как визуальное измерение способно расширить возможности секьюритизации, позволив ей принимать разнообразные формы, меняя роли акторов и аудитории.

Ограничения визуальной секьюритизации

Перечисляя преимущества визуального поворота в исследованиях безопасности, следует также обозначить и некоторые его ограничения. Они, как и преимущества, определяются свойствами изображения. В первую очередь речь идет о «двусмысленности» (*ambiguity*) визуального образа [Hansen, 2011: 58]. В отличие от текста или устной речи, изображение дает гораздо больший простор для интерпретации, что может негативно сказаться на его возможности передать аудитории конкретное сообщение. Как уже было отмечено, одно изображение способно вызвать целый спектр разных эмоций, что является преимуществом в контексте привлечения внимания к проблеме, однако может сместить акцент с изначально предусматриваемого автором смысла. Неоднозначность трактовки ограничивает возможность применения визуального образа в качестве самостоятельного инструмента секьюритизации. Для эффективного использования изображения его необходимо поместить в контекст. Даже если оно уже было политизировано, превращено в символ, ему часто требуются уточнения, привязка к конкретной проблеме [Vuori, 2010: 260]. Так, в случае с фотографией Айлана Курди само по себе изображение мертвого ребенка символизировало угрозу будущему, несправедливость по отношению к невинным [Adler-Nissen et al., 2020]. Однако важным в успехе секьюритизации было то, что аудито-

рия знала имя мальчика, обстоятельства его смерти. Это позволило связать эмоции, вызванные гибелью ребенка, с проблемой миграционного кризиса. Учитывая, что как политизация изображения, так и его помещение в контекст происходит с помощью языковых инструментов, нельзя говорить о том, что изображение полностью вытесняет речевой акт в концепте секьюритизации. В кейсе Айлана Курди именно изображение стало инструментом секьюритизации, в то время как язык использовался в качестве вспомогательного (пусть и необходимого) средства.

Еще одним ограничением визуальной секьюритизации является утрата былого доверия к фотографии и видео как к «надежным свидетелям». По мере распространения практики использования видеомонтажа, отредактированных фотографий, постановочных снимков и применения полученных фейков в информационной войне (яркий пример — «инцидент в Буче» [Манойло, 2022]) изображения, содержащие шокирующие сюжеты, всё чаще могут подвергаться сомнению. Тем не менее, как уже было отмечено, визуальные образы способны производить эффект раньше, чем мы начинаем в них вглядываться и задумываться об их смысле, так что способностью привлечь наше внимание обладают также и картинки, в которые мы в итоге не поверим.

Поиск примеров неудачной визуальной секьюритизации осложняется тем, что зачастую о них мало что известно. Иными словами, по причине отсутствия «рабочего» контекста или определенного стечения обстоятельств те или иные изображения затерялись среди множества других, не дошли до своей аудитории. При этом существуют примеры того, что изображение «не работает» или «работает плохо», т.е. становится известным широкой общественности, но не вызывает необходимого резонанса и не меняет реальность так, как хотелось бы актору. Например, на следующий год после публикации фотографии Айлана Курди интернет облетело фото 5-летнего Омрана Дакниша, пострадавшего в результате бомбардировок Алеппо. Его изображение попытались использовать в целях представления Б. Асада в качестве угрозы мирному населению. Этот снимок, однако, произвел гораздо меньший эффект, чем фотография Айлана Курди. Причины этого заслуживают отдельного исследования, но среди них явно присутствовали обозначенные выше ограничения: сомнения в подлинности фотографий (китайские и российские

СМИ объявили их постановочными⁹), спорный контекст (позже выяснилось, что мальчик жив и здоров, а его семья поддерживает сирийское правительство¹⁰). Позиция семьи Омрана Дакниша также иллюстрирует тот факт, что описанный кейс не был актом «народной секьюритизации». Скорее это была попытка со стороны политических элит «мимикрировать» под «народную секьюритизацию», вероятно, навеянная недавним успехом кейса Айлана Курди. В некоторой степени «фигура» актора секьюритизации является частью контекста. Независимый журналист и семья пострадавшего вызовут больше доверия, чем крупные СМИ или политические организации.

* * *

Таким образом, одним из следствий визуального поворота в исследованиях в области безопасности становится усиление внимания к изучению роли широкой общественности в процессе секьюритизации и к демократизации самого этого процесса, так как для производства и распространения фотографий в социальных сетях не требуется наличие авторитета или доступа к особым ресурсам. Визуальный поворот объясняет возможность «секьюритизации снизу», или «народной секьюритизации», ставящей под сомнение монополию политических элит на формирование нарративов в области безопасности. Кроме того, изображение, зачастую апеллируя к чувству сострадания, позволяет секьюритизировать объекты, не представляющие непосредственной угрозы для аудитории. Список возможных объектов секьюритизации, таким образом, дополняется угрозами для других сообществ, которые становятся небезразличны аудитории.

Главным ограничением визуальной секьюритизации является слабая контекстуальная автономность изображения, препятствующая передаче недвусмысленного посыла. Визуальный образ эффек-

⁹ Dearden L. Omran Daqneesh: China state media calls harrowing images of injured Syrian boy 'part of Western propaganda war' // Independent. 23.08.2016. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/omran-daqneesh-photo-video-aleppo-boy-syria-injured-china-state-media-western-propaganda-war-a7205296.html> (accessed: 05.11.2023).

¹⁰ Aleppo's 'boy in the ambulance', Omran Daqneesh, safe and well in newly emerged footage // Independent. 06.06.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/aleppo-omran-daqneesh-new-photos-syria-syrian-civil-war-white-helmets-bashar-al-assad-a7776026.html> (accessed: 05.11.2023).

тивно работает, будучи помещенным в конкретный символический контекст, однако этого можно достичь только за счет использования лингвистических средств. Таким образом, изображение способно заменить речевой акт в качестве основного инструмента секьюритизации, но вместе с тем нуждается в речевом акте, играющем, правда, только вспомогательную роль.

Значение контекста при этом оказывается в определенной степени решающим. Именно он определяет в конечном счете, является ли попытка секьюритизации по-настоящему «народной», заслуживает ли изображение доверия, какой посыл оно несет. В век информационных войн, фейков и перенасыщения информационного пространства создание контекста и управление им будут определять успех секьюритизации.

Демократизация инструментов секьюритизации создает конкуренцию между «производителями» общественных страхов и тревог. Результатом такой конкуренции, скорее всего, станет фрагментация аудитории на отдельные сегменты, одни из которых будут больше доверять «народной», другие — «официальной» секьюритизации. В результате для сохранения своей эффективности секьюритизация, как и политическая реклама, должна будет становиться всё более адресной, что может быть вполне осуществимо с использованием технологий искусственного интеллекта и социальных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беззубова О.В. Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 14–17.
2. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.
3. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. Доступ: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour> (дата обращения: 05.11.2023).
4. Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
6. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

7. Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Манускрипт. 2017. № 9 (83). С. 185–187.

8. Adler-Nissen R., Andersen K.E., Hansen L. Images, emotions, and international politics: The death of Alan Kurdi // *Review of International Studies*. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1017/S0260210519000317.

9. Austin J.L. How to do things with words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955. London: Oxford University Press, 1962.

10. Baele S.J., Bettiza G. 'Turning' everywhere in IR: On the sociological underpinnings of the field's proliferating turns // *International Theory*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 314–340. DOI: 10.1017/S1752971920000172.

11. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. The visual dehumanisation of refugees // *Australian Journal of Political Science*. 2013. Vol. 48. No. 4. P. 398–416. DOI: 10.1080/10361146.2013.840769.

12. Bleiker R., Kay A. Representing HIV/AIDS in Africa: Pluralist photography and local empowerment // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. No. 1. P. 139–163. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2007.00443.x.

13. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.

14. Callahan W.A. *Sensible politics: Visualizing international relations*. New York: Oxford University Press, 2020.

15. Campbell D. Geopolitics and visuality: Sighting the Darfur conflict // *Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 357–382. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.11.005.

16. Elder Ch.D., Cobb R.W. *The political uses of symbols*. New York: Longman, 1983.

17. Grayson K., Mawdsley J. Scopic regimes and the visual turn in international relations: Seeing world politics through the drone // *European Journal of International Relations*. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 431–457. DOI: 10.1177/1354066118781955.

18. Hansen L. Theorizing the image for security studies: Visual securitization and the Muhammad cartoon crisis // *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 17. No. 1. P. 51–74. DOI: 10.1177/1354066110388593.

19. Hintjens H. Failed securitisation moves during the 2015 'migration crisis' // *International Migration*. 2019. Vol. 57. No. 2. P. 181–196. DOI: 10.1111/imig.12588.

20. Hutchison E., Bleiker R. Emotions, discourse and power in world politics // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.

21. *The iconic image on social media: A rapid research response to the death of Aylan Kurdi* / Ed. by F. Vis, O. Goriunova. Barcelona: Visual Social Media Lab, 2015.

22. McDonald M. Securitization and the construction of security // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 563–587. DOI: 10.1177/1354066108097553.

23. Mirzoeff N. An introduction to visual culture. London; New York: Routledge, 2008.

24. Mitchel L. The visual turn in political anthropology and the mediation of political practice in contemporary India // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2014. Vol. 37. No. 3. P. 515–540. DOI: 10.1080/00856401.2014.937372.

25. Mitchell W.J.T. Picture theory: Essays on verbal and visual representation. Chicago; London: University of Chicago Press, 1994.

26. Möller F. Photographic interventions in post-9/11 security policy // *Security Dialogue*. 2007. Vol. 38. No. 2. P. 179–196. DOI: 10.1177/0967010607078549.

27. *Observant sates: Geopolitics and visual culture* / Ed. by F. MacDonald, R. Hughes, K. Dodds. London; New York: I.B. Tauris, 2010.

28. Olesen T. Memetic protest and the dramatic diffusion of Alan Kurdi // *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 40. No. 5. P. 656–672. DOI: 10.1177/0163443717729212.

29. Ó Tuathail G. Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

30. Pfonner M.R., James P. The visual international relations project // *International Studies Review*. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 192–213. DOI: 10.1093/isr/viaa014.

31. Philpott S. Is anyone watching? War, cinema and bearing witness // *Cambridge Review of International Affairs*. 2010. Vol. 23. No. 2. P. 325–348. DOI: 10.1080/09557571003735378.

32. Shapiro M.J. The politics of representation: Writing practices in biography, photography and policy analysis. Madison: University of Wisconsin Press, 1988.

33. Taylor J. Body horror: Photojournalism, catastrophe and war. Manchester; New York: Manchester University Press, 1998.

34. Trachtenberg A. Reading American photographs: Images as history, Matthew Brady to Walker Evans. New York: Hill and Wang, 1989.

35. *Visual global politics* / Ed. by R. Bleiker. London; New York: Routledge, 2018.

36. Vuori J.A. A timely prophet? The doomsday clock as a visualization of securitization moves with a global referent object // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 255–277. DOI: 10.1177/0967010610370225.

37. Williams M.C. Words, images, enemies: Securitization and international politics // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. No. 4. P. 511–531. DOI: 10.1046/j.0020-8833.2003.00277.x.

38. Wilson K. 'Race', gender and neoliberalism: Changing visual representations in development // *Third World Quarterly*. 2011. Vol. 32. No. 2. P. 315–331. DOI: 10.1080/01436597.2011.560471.

39. Wright K.A.M., Rosamond A.B. NATO's strategic narratives: Angelina Jolie and the alliance's celebrity and visual turn // *Review of International Studies*. 2021. Vol. 47. No. 4. P. 443–466. DOI: 10.1017/S0260210521000188.

REFERENCES

1. Bezzubova O.V. 2016. Ponyatie 'povorota' v sovremennykh issledovaniyakh vizual'noi kul'tury [Notion of 'turn' in contemporary studies of visual culture]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 4 (106), pp. 14–17. (In Russ.)
2. Gaidav O.S. 2021. Teoriya sek'yuritizatsii, ili khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 1, pp. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32. (In Russ.)
3. Manoilo A.V. 2022. Informatsionnye diversii v konflikte na Ukraine [Information sabotage in the conflict in Ukraine]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (electronic journal)*, no. 4. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour> (accessed: 05.11.2023). (In Russ.)
4. Mirzoeff N. 2016. *How to see the world: An introduction to images, from self-portraits to selfies, maps to movies, and more*. New York, Basic Books [Russ. ed.: Mirzoev N. 2019. *Kak smotret' na mir*. Moscow, Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva 'Garazh' Publ.].
5. Rorty R. 1979. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: Rorti R. 1997. *Filosofiya i zerkalo prirody*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ.].
6. Sontag S. 1977. *On photography*. New York, Farrar, Straus and Giroux [Russ. ed.: Sontag S. 2013. *O fotografii*. Moscow, Ad Marginem Press Publ.].
7. Tambovtseva M.A. 2017. Teoreticheskii podkhod Kopengagenskoi shkoly k obespecheniyu mezhdunarodnoi bezopasnosti: osnovnye polozheniya teorii sek'yuritizatsii [Theoretical approach of Copenhagen school to ensuring international security: The basic provisions of securitization theory]. *Manuskript*, no. 9 (83), pp. 185–187. (In Russ.)
8. Adler-Nissen R., Andersen K.E., Hansen L. 2020. Images, emotions, and international politics: The death of Alan Kurdi. *Review of International Studies*, vol. 46, no. 1, pp. 75–95. DOI: 10.1017/S0260210519000317.
9. Austin J.L. 1962. *How to do things with words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955*. London, Oxford University Press.
10. Baele S.J., Bettiza G. 2021. 'Turning' everywhere in IR: On the sociological underpinnings of the field's proliferating turns. *International Theory*, vol. 13, no. 2, pp. 314–340. DOI: 10.1017/S1752971920000172.
11. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. 2013. The visual dehumanisation of refugees. *Australian Journal of Political Science*, vol. 48, no. 4, pp. 398–416. DOI: 10.1080/10361146.2013.840769.
12. Bleiker R., Kay A. 2007. Representing HIV/AIDS in Africa: Pluralist photography and local empowerment. *International Studies Quarterly*, vol. 51, no. 1, pp. 139–163. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2007.00443.x.

13. Buzan B., Wæver O., Wilde de J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.
14. Callahan W.A. 2020. *Sensible politics: Visualizing international relations*. New York, Oxford University Press.
15. Campbell D. 2007. Geopolitics and visibility: Sighting the Darfur conflict. *Political Geography*, vol. 26, no. 4, pp. 357–382. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.11.005.
16. Elder Ch.D., Cobb R.W. 1983. *The political uses of symbols*. New York, Longman.
17. Grayson K., Mawdsley J. 2018. Scopic regimes and the visual turn in international relations: Seeing world politics through the drone. *European Journal of International Relations*, vol. 25, no. 2, pp. 431–457. DOI: 10.1177/1354066118781955.
18. Hansen L. 2011. Theorizing the image for security studies: Visual securitization and the Muhammad cartoon crisis. *European Journal of International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 51–74. DOI: 10.1177/1354066110388593.
19. Hintjens H. 2019. Failed securitisation moves during the 2015 ‘migration crisis’. *International Migration*, vol. 57, no. 2, pp. 181–196. DOI: 10.1111/imig.12588.
20. Hutchison E., Bleiker R. 2017. Emotions, discourse and power in world politics. *International Studies Review*, vol. 19, no. 3, pp. 501–508.
21. Vis F., Goriunova O. (eds.). 2015. *The iconic image on social media: A rapid research response to the death of Aylan Kurdi*. Barcelona, Visual Social Media Lab.
22. McDonald M. 2008. Securitization and the construction of security. *European Journal of International Relations*, vol. 14, no. 4, pp. 563–587. DOI: 10.1177/1354066108097553.
23. Mirzoeff N. 2008. *An introduction to visual culture*. London, New York, Routledge.
24. Mitchel L. 2014. The visual turn in political anthropology and the mediation of political practice in contemporary India. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, vol. 37, no. 3, pp. 515–540. DOI: 10.1080/00856401.2014.937372.
25. Mitchell W.J.T. 1994. *Picture theory: Essays on verbal and visual representation*. Chicago, London, University of Chicago Press.
26. Möller F. 2007. Photographic interventions in post-9/11 security policy. *Security Dialogue*, vol. 38, no. 2, pp. 179–196. DOI: 10.1177/0967010607078549.
27. MacDonald F., Hughes R., Dodds K. (eds.). 2010. *Observant sates: Geopolitics and visual culture*. London, New York, I.B. Tauris.
28. Olesen T. 2018. Memetic protest and the dramatic diffusion of Alan Kurdi. *Media, Culture & Society*, vol. 40, no. 5, pp. 656–672. DOI: 10.1177/0163443717729212.
29. Ó Tuathail G. 1996. *Critical geopolitics: The politics of writing global space*. Minneapolis, University of Minnesota Press.
30. Pfonner M.R., James P. 2019. The visual international relations project. *International Studies Review*, vol. 22, no. 2, pp. 192–213. DOI: 10.1093/isr/viaa014.

31. Philpott S. 2010. Is anyone watching? War, cinema and bearing witness. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 23, no. 2, pp. 325–348. DOI: 10.1080/09557571003735378.

32. Shapiro M.J. 1988. *The politics of representation: Writing practices in biography, photography and policy analysis*. Madison, University of Wisconsin Press.

33. Taylor J. 1998. *Body horror: Photojournalism, catastrophe and war*. Manchester, New York, Manchester University Press.

34. Trachtenberg A. 1989. *Reading American photographs: Images as history, Matthew Brady to Walker Evans*. New York, Hill and Wang.

35. Bleiker R. (ed.). 2018. *Visual global politics*. London, New York, Routledge.

36. Vuori J.A. 2010. A timely prophet? The doomsday clock as a visualization of securitization moves with a global referent object. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/0967010610370225.

37. Williams M.C. 2003. Words, images, enemies: Securitization and international politics. *International Studies Quarterly*, vol. 47, no. 4, pp. 511–531. DOI: 10.1046/j.0020-8833.2003.00277.x.

38. Wilson K. 2011. 'Race', gender and neoliberalism: Changing visual representations in development. *Third World Quarterly*, vol. 32, no. 2, pp. 315–331. DOI: 10.1080/01436597.2011.560471.

39. Wright K.A.M., Rosamond A.B. 2021. NATO's strategic narratives: Angelina Jolie and the alliance's celebrity and visual turn. *Review of International Studies*, vol. 47, no. 4, pp. 443–466. DOI: 10.1017/S0260210521000188.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после
рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 27.01.2024

The paper was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 11.09.2023;
accepted for publication 27.01.2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106

Научная статья / Research paper

А.В. Левченко*

НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: В ПОИСКАХ СВОЕГО «Я» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Неоклассический реализм возник как попытка выйти за пределы базовых теоретических установок неореализма при объяснении действительности в контексте адаптации к вызовам постбиполярных международных отношений. Однако постепенно, по мере кристаллизации и формализации определяющих идей и посылок неоклассического реализма, наметилась тенденция к его идейно-теоретическому обособлению как самостоятельного исследовательского подхода и даже обозначились претензии на статус особой, метасинтетической теории. Для того чтобы оценить обоснованность этих претензий и в целом лучше понять место неоклассического реализма в теории международных отношений, представляется целесообразным попробовать вписать его в общую логику развития реалистской парадигмы и неореализма в частности. В первом разделе статьи рассматриваются происхождение и основные теоретические положения неоклассического реализма. Во втором разделе анализируется специфика современных теоретических взглядов на сущность и перспективы развития аналитико-методологического инструментария данного подхода. В третьем разделе освещаются эмпирические исследования, выполненные в русле неоклассического реализма и позволяющие на практике оценить его эпистемологический потенциал. Автор приходит к выводу, что в настоящий момент неоклассический реализм едва ли может претендовать на статус отдельного теоретического направления, не говоря уже о метатеории.

* Левченко Алла Вадимовна — соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

Его правильнее рассматривать в качестве частного варианта, специфической модели исследования действительности в рамках (нео)реалистской парадигмы. Как таковой он позволяет продуцировать верифицируемые гипотезы на основе анализа взаимосвязей между независимой, зависимой и вмешивающейся переменными, а также открывает новые возможности для проведения эмпирических исследований широкого круга проблем. В то же время предстоит еще много работы по преодолению присущей неоклассическому реализму эклектичности, более четкому определению его онтологических, эпистемологических и методологических оснований.

Ключевые слова: реализм, неоклассический реализм, структурный реализм, неореализм, системный подход, внешняя политика, теория международных отношений

Для цитирования: Левченко А.В. Неоклассический реализм: в поисках своего «Я» в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 84–106. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106.

Alla V. Levchenko

NEOCLASSICAL REALISM IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: SEARCHING FOR ITS OWN PATH

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

Neoclassical realism emerged as part of the neorealists' response to the criticism of their core theoretical provisions, intended to adapt the latter to the challenges of post-bipolar international relations. However, with further elucidation and formalization of the key ideas and premises of neoclassical realism it started to assert itself as an independent research approach, and even more so, as a special, metasynthetic theory. In order to assess the validity of these claims and, in general, to better understand the place of neoclassical realism in the theory of international relations, this paper considers it within the context of the evolutionary logic of the realist paradigm and neorealism, in particular. The first section identifies the origins and main theoretical provisions of neoclassical realism. The second section covers modern theoretical debates on the essence of and prospects for further development of analytical and methodological aspects

of this approach. In order to provide a better understanding of the epistemological potential of the neoclassical realism, the third section examines empirical researches carried out within its framework. The author concludes that at the moment neoclassical realism can hardly qualify for the status of an independent theoretical position, let alone a meta-theory. It is more appropriate to consider it as a peculiar form, specific research model within the framework of the (neo)realist paradigm. As such, it allows putting forward verifiable hypotheses based on the analysis of the relationships between the independent, dependent and interfering variables, and also opens up new opportunities for conducting empirical research on a wide range of subject matters. At the same time, there is still a lot of work to be done to overcome the eclecticism inherent to neoclassical realism and to better define its ontological, epistemological and methodological foundations.

Keywords: realism, neoclassical realism, neorealism, system approach, foreign policy, theory of international relations

About the author: Alla V. Levchenko — PhD Candidate, MGIMO University (e-mail: levchenko.a.v@my.mgimo.ru; ORCID: 0009-0003-1316-3319).

For citation: Levchenko A.V. 2023. Neoclassical realism in international relations theory: Searching for its own path. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 84–106. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-84-106. (In Russ.)

Генезис неоклассического реализма как теоретического подхода был определен необходимостью введения дополнительных объяснительных параметров для решения новых проблемных ситуаций, не укладывающихся в схемы доминирующих вариаций реалистской парадигмы в целом и неореализма в частности. Однако по мере разработки теоретико-методологических оснований неоклассического реализма исследователи всё чаще стали задумываться о рассмотрении его в качестве самостоятельного подхода в системе научного знания¹. На этом фоне в западном академическом сообществе возникают дискуссии относительно сущности неоклассического реализма и его места в науке о международных отношениях: насколько правомерно идентифицировать этот подход как продолжение

¹ В данном случае под теорией понимается форма организации научного знания, дающая представление о закономерностях и связях в определенной области действительности, направленная на оправдание, обоснование и совершенствование теоретического знания с помощью соответствующих методологических процедур и операций [Микешина, 2005].

классического реализма и неореализма, своего рода прогрессивную программу исследования среднего уровня; правомерны ли попытки некоторых ученых превратить его в большую теорию и макронарратив, основанный на синтезе парадигм позитивистского и постпозитивистского толка [Fiammenghi et al., 2018; Meibauer et al., 2021], и т.д.

Отсутствие в международном научно-академическом сообществе консенсуса относительно того, каким образом наиболее точно идентифицировать положение неоклассического реализма при соотношении его с существующими теориями, вероятно, связано с тем, что неоклассический реализм на данный момент не вполне отвечает определяющим характеристикам теории (точность, непротиворечивость, простота и плодотворность [Кун, 1996]). Не был завершен и процесс его демаркации и соотношения с другими теориями в связи с очевидной предрасположенностью его сторонников к включению в свои построения всё новых переменных и созданию метасинтетической теории. Это волюнтаристское введение дополнительных вмешивающихся переменных при попытке объяснения новых эмпирических данных может обернуться дальнейшим размыванием исследовательской программы неоклассического реализма. Однако в целом подобная картина достаточно типична для начального этапа конструирования объектов исследования формирующейся теории. В этом контексте представляется целесообразным попробовать вписать неоклассический реализм в более широкие теоретические рамки науки о международных отношениях, а именно в общую логику реалистской парадигмы и неореализма в частности.

За последнее десятилетие учеными была проделана серьезная работа по осмыслению связи неоклассического реализма с другими подходами, формированию соответствующего аналитического инструментария. В данной статье ставится цель определить и систематизировать подходы к изучению и оценке неоклассического реализма как теории и исследовательской программы. Основное внимание уделяется научным публикациям, увидевшим свет после 2010 г., которые были размещены в ведущих журналах по международным отношениям. В этот период в международной базе научных данных «Web of Science» — наиболее авторитетном источнике реферативной информации о научных публикациях — в категории «Международные отношения» появилось 99 публикаций, упоминающих неоклассический реализм, а за предыдущее десятилетие — только 30 публикаций. Рост количества упоминаний неоклассического

реализма фиксируется и в российской академической среде. Так, на платформе российской Научной электронной библиотеки «eLibrary» по запросу «неоклассический реализм» за 2011–2021 гг. было найдено порядка 30 публикаций (некоторые из них попали в международные базы данных), а с 2000 по 2010 г. — лишь 2. Качественное отличие отечественных работ состоит в том, что в англоязычном академическом сообществе присутствует интерес к продолжению теоретического конструирования объектов исследования и повышению объяснительной способности неоклассического реализма, в российской же научной литературе не фиксируются значимые попытки рефлексии о его теоретико-методологических основаниях, напротив, ученые сосредоточены на использовании существующих подходов для аналитического объяснения эмпирических явлений.

Существующую литературу по неоклассическому реализму в целом с точки зрения содержания можно разделить на публикации, которые:

- а) посвящены неоклассическому реализму как теоретическому подходу к анализу внешней политики и международных отношений, его соотношению с другими исследовательскими подходами и парадигмами, его методологическим основаниям (построение теории);
- б) направлены на верификацию и доказательство гипотез и теоретических положений неоклассического реализма путем апробации их при анализе конкретного эмпирического материала (проверка теории).

Это деление в значительной мере предопределило структуру и данного исследования. В первой части статьи рассмотрены происхождение и основные теоретические положения неоклассического реализма; во второй части проанализированы особенности современных теоретических подходов к определению сущности и перспектив развития этого направления; наконец, в третьей части освещены эмпирические исследования, написанные в русле неоклассического реализма и позволяющие на практике оценить его эпистемологический потенциал.

Истоки и основные допущения неоклассического реализма

С позиций неореализма внутреннее устройство государства практически не имеет значения при определении стратегического внешнеполитического выбора той или иной политики. Так, в классической работе «Теория международной политики» К. Уолтц утверждал, что

определить наиболее вероятные исходы внешнеполитических действий государств, выявить системные ограничения и возможности, спрогнозировать наиболее эффективные реакции правительств и т.д. позволяет понимание прежде всего основных характеристик структуры международных отношений (определяющий принцип организации, основные действующие акторы, распределение материальных ресурсов) [Waltz, 1979: 71]. При этом К. Уолтц отмечал, что структура влияет на внешнеполитическое поведение не прямо, а через социализацию акторов и соперничество между ними [Waltz, 1979: 74], побуждая их действовать в соответствии с системными и структурными требованиями, чтобы избежать неблагоприятных последствий. Позже стали появляться работы, в которых детализировались возможные реакции государств в ответ на системные вызовы безопасности. Так, было доказано, что в условиях стратегической угрозы государства могут избирать различные стратегии усиления своей безопасности помимо внутреннего или внешнего балансирования, например перенесение ответственности на других (*buck-passing*) [Christensen, Snyder, 1990], примыкание к наиболее сильному государству в системе (*bandwagoning*) [Kaufman, 1992; Walt, 1990; Weitsman, 2004] и т.д.

По мере накопления фактов, которые с трудом могли быть объяснены в рамках неореалистской парадигмы, возникла необходимость критического переосмысления некоторых положений неореализма и выдвижения теоретического подхода, расширяющего доминирующую логику объяснений. Было выделено несколько «узких мест» структурного реализма, недоучитываемых или полностью игнорируемых его приверженцами: наличие индивидуальных особенностей восприятия и интерпретации системных вызовов лицами, принимающими решения; неоднозначность сигналов международной системы об угрозах и возможностях; вероятность нерационального поведения политических лидеров; проблемы, связанные с мобилизацией внутренних ресурсов [Ripsman et al., 2016: 19]. Следует отметить, что К. Уолтц не отрицал присущие своим построениям ограничения, но призывал к осторожности при введении новых переменных, которые могут повлиять на целостность и эффективность теории [Waltz, 1996].

Именно в качестве попытки ответить на эти вызовы и адаптировать под них принципы структурного реализма постепенно оформилось новое направление в теоретических исследованиях междуна-

родных отношений, которое получило название «неоклассический реализм». Этот термин был впервые употреблен в 1998 г. в статье американского исследователя Г. Роуза [Rose, 1998], который систематизировал и проанализировал работы известных ученых Т. Кристенсена [Christensen, 1996], Р. Швеллера [Schweller, 1998], У. Уолфорта [Wohlforth, 1993] и Ф. Закарии [Zakaria, 1998]. Г. Роуз отмечал, что эти авторы, размышляя в рамках неореалистской парадигмы, дополняли свой анализ изучением внутриполитических аспектов функционирования государств. Он определил общий методологический подход упомянутых авторов следующим образом: независимой переменной при анализе межгосударственных отношений признается соотношение материальных сил, которое, однако, не оказывает прямого влияния на внешнеполитические решения государств; последние во многом определяются воздействием вмешивающейся переменной, в частности мировоззренческих представлений политических лидеров и спецификой государственного устройства. Г. Роуз назвал этих авторов неоклассическими реалистами, тем самым определив основополагающую идею данного подхода: «Влияние фактора соотношения материальных сил между государствами на их внешнюю политику является непрямым и комплексным, потому что системное давление должно быть понято с учетом вмешивающихся переменных на уровне государств» [Rose, 1998: 146]. Строго говоря, предполагалась следующая каузальная связь: системные характеристики международных отношений — независимая переменная, внешняя политика — зависимая переменная, внутриполитические факторы (внутренние имманентные признаки самого государства) — вмешивающаяся переменная. Неоклассические реалисты, таким образом, апеллируют к пониманию государства как сложного и многосоставного политического института.

Например, американский исследователь Р. Швеллер объяснял случаи отказа государства от реализации стратегии балансирования наличием или отсутствием консенсуса и сплоченности между элитами, а также политической устойчивостью правительства, уровнем общественной поддержки [Schweller, 2010]. По мнению Р. Швеллера, основная причина появления неоклассического реализма заключалась в том, что «структурный реализм (неореализм) является только теорией международной политики, не способной объяснить внешнюю политику или конкретные исторические события» [Schweller, 2003: 316–317]. В этой связи он также отмечал, что неоклассический

реализм — единственная теория в рамках реалистской парадигмы, которая раскрывает и подчеркивает политическое измерение в международных отношениях [Schweller, 2003].

Постепенно происходили кристаллизация и формализация определяющих идей и посылок неоклассического реализма, которые можно суммировать следующим образом [Ripsman et al., 2016: 33–79]:

- государства — главные акторы международной системы;
- международная среда находится в состоянии анархии, когда государства могут рассчитывать только на себя (*self-help*);
- международные отношения — постоянная борьба государств за власть и влияние в мире, а распределение материальных возможностей (*power*) и соотношение сил являются определяющими факторами поведения государств;
- системные и структурные импульсы не всегда оказывают прямое детерминирующее влияние на внешнюю политику государства, но могут преобразовываться и переосмысливаться при принятии решений;
- идеологические взгляды и особенности восприятия политических лидеров, характеристики государственного устройства, бюрократия, группы влияния, общественное мнение при определенных условиях могут воздействовать на внешнюю политику государства [см. также: Juneau, 2015].

На этой основе наметилась тенденция к идейно-теоретическому обособлению и консолидации неоклассического реализма как самостоятельного исследовательского подхода.

Особенности теоретического осмысления положений неоклассического реализма в современных академических исследованиях

Попытки обособления неоклассического реализма не были беспроблемными и не вполне увенчались успехом до сих пор. Сейчас скорее доминирует представление о том, что неоклассический реализм является лишь продолжением неореализма в смысле дополнительной надстройки, необходимой для объяснения новых феноменов. Следуя этой логике, неоклассический реализм даже называют «теорией ошибок», так как с его помощью можно объяснить ситуации, когда государства отвечают «неправильно» или неэффективно на системные вызовы.

Американский исследователь Б. Ратбан полагает, что неоклассический реализм выступает «логическим и необходимым развитием» неореализма, объясняя аномалии и проблемные ситуации, для разрешения которых требуется введение дополнительных переменных. Автор пишет, что «неоклассический реализм следует понимать не как один из видов реалистской парадигмы, а как следующее поколение структурного реализма», «логическое развитие неореализма» [Rathbun, 2008: 296]. По мнению британского ученого А. Квина, сторонники неоклассического реализма либо должны признать, что являются ответвлением неореализма и изучают аномалии, либо вынуждены будут доказать, что это не отклонения в поведении государств, а устойчивый паттерн, тем самым вступая в серьезное противоречие со структурной теорией [Quinn, 2013].

Значимой вехой в развитии неоклассического реализма стал выход в 2016 г. работы Н. Рипсмана, Дж. Талиаферро и С. Лобелла «Неоклассическая реалистская теория международных отношений» [Ripsman et al., 2016], в которой были обобщены основные достижения и обозначена возможность оформления неоклассического реализма в качестве самостоятельного теоретического подхода. Авторы попытались систематизировать и классифицировать все доступные на тот момент публикации и разработки в рамках неоклассического реализма, проследили историю его формирования и перспективы развития. В работе была представлена обновленная версия неоклассического реализма, которая нацелена на углубление познавательных и объяснительных возможностей подхода путем усмотрения в зависимой переменной — внешней политике — способности оказывать обратное влияние на международную систему. По мнению авторов, не существует дихотомии между теорией международных отношений и теорией внешней политики, система и внешняя политика государств взаимно конституируют друг друга: структура международной системы, несомненно, влияет на внешнюю политику государства, но при этом внешнеполитические решения также определяют и формируют международные отношения.

Обобщая, авторы полагают, что в зависимости от временного горизонта неоклассический реализм может помочь объяснить не только различные вариации внешнеполитического поведения государства, находящегося под воздействием системных детерминант, но также изменения самой природы международной системы, которая

преобразовывается в результате стратегических решений великих держав [Ripsman et al., 2016: 80–83]. Строго говоря, в долгосрочной перспективе характеристики международной системы становятся совокупным результатом принятых внешнеполитических решений великих держав, которые являются не механической реакцией на внешние вызовы и возможности, но сопряжены с комплексным процессом выработки и реализации тех или иных стратегий. Таким образом, была сделана попытка сформулировать универсальную теорию, сопрягающую переменные структурного и агентского порядка.

Следует заметить, что ряд ученых скептически относятся к попытке сторонников неоклассического реализма сформулировать всеобъемлющую объяснительную модель [Legro, Moravcsik, 1999]. В частности, по мнению Н. Сearса, несмотря на то что у данного подхода есть потенциал стать «прогрессивной исследовательской программой», просматривается ряд тревожных тенденций в развитии неоклассического реализма [Sears, 2017]. Так, в данном подходе нет объяснения того, как именно взаимодействие между государствами может влиять на их внешнеполитический выбор, как государства осмысливают поведение других государств и реагируют на их действия и как их стратегическая кооперация влияет на систему в целом. Наиболее серьезной проблемой становится наличие большого количества вмешивающихся переменных, которые пытается охватить неоклассический реализм. Возникает закономерный вопрос, обеспечивает ли использование множества различного рода переменных, почерпнутых из реализма, либерализма и конструктивизма, большую объяснительную способность [Narizny, 2017]. Более того, сторонников неоклассического реализма критикуют за склонность к использованию очень разных по своему типу переменных, за утверждение, что при анализе той или иной ситуации исследователь волен сам выбирать, какая переменная в данном случае является наиболее значимой. Такой подход поднимает вопрос релятивности полученных знаний и строгости положений теории, которые нуждаются в упорядочивании и более четкой классификации [Götz, 2021].

В этой связи предпринимались попытки вывести одну общую вмешивающуюся переменную. Так, британский ученый Н. Китчен предлагает рассматривать в качестве таковой «большую стратегию» (*grand strategy*), которая понимается как внешнеполитическая стратегия государства, включающая управление ресурсами, дипломатию,

политическую культуру, национальное мировидение и др. [Kitchen, 2010]. По мнению Н. Китчена, с помощью концепции «большой стратегии» как соединения системных факторов и внутривнутриполитических параметров можно придать построениям неоклассического реализма большую методологическую строгость. Автор подробно описал механизмы влияния идей на процесс формирования внешнеполитической стратегии государства и указал, в каких обстоятельствах идейный фактор будет наиболее сильным: например, если те или иные идеологемы глубоко укоренены в сознании политической элиты и институционально закреплены.

В этом положении явно читается влияние конструктивизма, что, на самом деле, очень характерно для современных попыток теоретизирования о природе вмешивающейся переменной в неоклассическом реализме, которые отмечены стремлением к интеграции в реалистскую теорию конструктивистских концептов. Так, Г. Мейбауэр исследует, как в нее может быть инкорпорирован концепт «идей», понимаемый как транслируемые вовне убеждения [Meibauer, 2020]. В свою очередь британский исследователь Д. Благден анализирует ситуации, когда государство во исполнение некой идеологически обусловленной «роли» на международной арене действует вопреки целям максимизации безопасности [Blagden, 2021]. Подчеркивая эклектичную природу неоклассического реализма, другой британский исследователь, М. Фоулон, утверждает, что этот подход формирует свою особую идентичность как теория внешней политики, охватывающая сразу три измерения: временное (настоящее и прошлое); пространственное (национальное и международное) и когнитивное (материя и идеи) [Foulon, 2015]. На этой основе М. Фоулон и Г. Мейбауэр в совместной статье выступили с предположением, что развитие неоклассического реализма в этом направлении может способствовать также преодолению западно-центричности теории международных отношений [Foulon, Meibauer, 2020]. По мнению ученых, совмещая системный анализ и исследования на уровне государства, неоклассический реализм позволяет учитывать национальные, культурно-исторические и социальные особенности внешней политики государств.

Можно сказать, что дискуссии относительно теоретико-методологического развития неоклассического реализма отражают в целом тенденции в науке о международных отношениях, которые связаны

со спором между сторонниками развития больших обобщающих теорий и последователями аналитического эклектизма и плюрализма теорий среднего уровня [Meibauer et al., 2021: 270]. В последние годы в науке о международных отношениях идет дискуссия о проблемах теоретизирования, в частности, спор развернулся между сторонниками сохранения больших теорий² [Mearsheimer, Walt, 2013] и теми, кто признает полезность и допустимость разнообразия и диверсификации за счет новых промежуточных теорий [Dunne et al., 2013]. В этом контексте неоклассический реализм представляется результатом тенденции к теоретической пролиферации/фрагментации, предлагающим альтернативное объяснение феноменов, но при этом принимающим фундаментальные допущения (нео)реалистской «материнской теории». В дебатах о «конце теории международных отношений» неоклассический реализм является показательным случаем процесса разрастания базовой теории посредством ее переосмысления и уточнения при решении новых исследовательских проблем.

Эмпирические исследования в русле неоклассического реализма

Отдельным направлением в рамках неоклассического реализма можно считать эмпирические исследования, направленные на инструментализацию, практическую проверку и уточнение его теоретических положений.

Методологически программа эмпирических исследований в духе неоклассического реализма включает определение зависимой переменной, как правило, внешнеполитического курса того или иного государства в конкретный период времени, и независимой переменной, в свою очередь включающей характеристику и оценку состояния международной системы/региональной подсистемы, существующего соотношения сил и сравнение материально-ресурсного положения государств. Прикладной анализ эмпирических данных предполагает также идентификацию ключевых лиц, принимающих внешнеполитические решения [Ripsman et al., 2016: 99–104].

² Mearsheimer J.J., Walt S.M. An unnecessary war // Foreign Policy. 03.11.2009. Available at: <https://foreignpolicy.com/2009/11/03/an-unnecessary-war-2/> (accessed: 15.07.2023).

В качестве примера можно привести работу уже упоминавшихся Н. Рипсмана и С. Лобелла, в которой они вместе с рядом других исследователей провели анализ внешней политики Египта, Ирана и Саудовской Аравии после событий «арабской весны». В этой работе сначала была дана характеристика состояния международной среды с точки зрения ключевых системных импульсов (сдерживающая или открытая), затем выделены вмешивающиеся переменные (отношения государство–общество, стратегическая культура/идеология, идейно–политические взгляды элиты) и, наконец, показано их влияние на процесс формирования внешней политики указанных стран [Juneau et al., 2019].

Другим ярким примером может послужить исследование феномена мирной смены гегемона в системе международных отношений, когда прежний гегемон сознательно и добровольно уступает свои доминирующие позиции восходящим державам. Опираясь на построения неоклассического реализма, Дж. Талиаферро, С. Лобелл и Н. Рипсман приходят к выводу, что гегемон может отступить, если: а) у него отсутствуют военные, экономические и политические ресурсы, достаточные для противостояния; б) внутренние экономические и политические затраты на противодействие конкуренту несоизмеримо высоки; в) он испытывает на себе давление внутренних политических сил, не позволяющее реализовать политику противостояния [Taliaferro et al., 2018].

С опорой на теоретические положения неоклассического реализма также активно изучается проблематика двусторонних межгосударственных отношений. Например, исследователь К. Хесконструировал модель американо–китайского взаимодействия, согласно которой его динамика зависит как от международно–политической обстановки, так и от восприятия лидерами угроз безопасности и экономических интересов [He, 2017]. В свою очередь Р. Швеллер указывает, что для понимания американо–китайских взаимоотношений необходимо учитывать факторы, действующие на разных уровнях анализа: с одной стороны, растущий национализм внутри государств, а с другой — усиливающееся соперничество между державами в рамках системы [Schweller, 2018].

Исследователь С. Стейнссон, проанализировав обстоятельства военно–дипломатического конфликта между Великобританией

и Исландией в 1950-х годах из-за исключительной экономической зоны и права рыбной ловли в ней, предположил, что эскалация противоречий происходила в связи с сильным внутривнутриполитическим давлением на государственных лидеров, а также просчетами со стороны элиты относительно рисков и наиболее приемлемой стратегии поведения [Steinsson, 2017].

Эмпирические работы преобладают, как отмечалось, и в российских академических исследованиях, написанных в русле неоклассического реализма. Например, А. Королёв и В. Портяков предприняли попытку проанализировать российско-китайские отношения в период после холодной войны [Korolev, Portyakov, 2019]. Исследование показало, что под влиянием системных ограничений и вызовов Россия и Китай в постбиполярный период начали целенаправленно изменять и трансформировать внутривнутриполитические параметры (различные экономические модели и негативную историческую память), которые могли стать препятствием на пути формирования полноценного партнерства. Было показано, что международная система не только накладывает ограничения на внешнеполитический выбор государств, но и может формировать/определять внутривнутриполитические параметры, а государства — модифицировать их в соответствии с системными запросами. Д. Стрельцов и А. Лукин интегрировали неоклассический реализм в свое исследование российско-японских отношений [Стрельцов, Лукин, 2017]. Данный подход в сочетании с другими теориями использовался для анализа внешнеполитической стратегии Китая [Косоруков, 2014], отношений России и ФРГ [Леонов, 2021], российско-британских отношений [Годованюк, 2015], интеграционных процессов в Евросоюзе [Энтина, 2020].

Т. Романова считает, что рост интереса к неоклассическому реализму в России связан с «усложнением внутривнутриполитических реалий» и с теоретической точки зрения будет сопряжен с интеграцией неинституциональных и конструктивистских концептуальных положений в российскую теорию международных отношений³. В свою очередь В.Н. Конышев полагает, что эвристический потенциал неоклассического реализма может возрасти в контексте усилив-

³ Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. 30.06.2012. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/oneoklassicheskom-realizme-i-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 15.07.2023).

шейся тенденции к восстановлению и укреплению роли государства в мировой политике [Коньшев, 2020].

* * *

В статье была проанализирована современная академическая литература, посвященная проблемам теоретического осмысления и прикладного использования положений неоклассического реализма в исследованиях международных отношений, а также определены истоки формирования и основные положения данного подхода.

Если рассматривать структурный подход в интерпретации К. Уолтца и его последователей как «фундаментальную теоретическую схему» [Степин, 2003] или концептуальное ядро [Рузавин, 1978: 47], то неоклассический реализм предстает как развертывание содержания исходной теории. Он как частная теоретическая схема продуцирует верифицируемые гипотезы на основе связи между независимой, зависимой и вмешивающейся переменными, а как эмпирическая схема сопоставляет теоретические положения с реальными объектами и фрагментами действительности. Вводя внутривнутриполитические, нормативные и институциональные факторы в модель объяснения внешней политики государств, сторонники неоклассического реализма не рассматривают их как субстанциональные телеологические детерминанты поведения тех или иных стран, а трактует их как опосредующие ограничения, которые при определенных обстоятельствах могут влиять на процесс принятия решений в сложившихся структурных условиях. Понимание принципов действия структуры позволяет делать общие заключения и предположения о наиболее вероятных формах поведения государств, но, как отмечал К. Уолтц, «мы не можем предсказать, как именно они будут реагировать на системные вызовы без знания особенностей внутреннего порядка» [Waltz, 1979: 71]. В этом смысле неоклассический реализм уточняет и конкретизирует общие представления о возможных формах поведения конкретного государства.

При подробном изучении современной литературы можно заметить, что на данном этапе в развертывании неоклассического реализма наблюдаются противоречивые и разнонаправленные тенденции. С одной стороны, последователи данного подхода стремятся сформировать качественный инструментальный и алгоритм для проведения анализа внешней политики и межгосударственных

отношений, с другой — ряд ученых пытаются преодолеть присущую ему эклектичность теоретических допущений, определить онтологические, эпистемологические и методологические основания неоклассического реализма при соотнесении его с основными теориями международных отношений.

В целом в настоящий момент наиболее перспективным и целесообразным представляется дальнейшее развитие идей неоклассического реализма через их последовательную интеграцию в более широкие рамки (нео)реалистской парадигмы. В этом смысле структурный подход выступает в качестве теоретико-методологического базиса, а неоклассический реализм — в виде его частного варианта, специфической модели исследования действительности. Включение в эту модель внутриполитического уровня анализа в таком случае оказывается логичным, оправданным и перспективным с точки зрения объяснения внешнеполитического поведения государств в современных международных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годованюк К.А. Россия во внешнеполитической стратегии Великобритании на современном этапе: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.
2. Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // ПОЛИС: Политические исследования. 2020. № 4. С. 94–111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07.
3. Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // Вопросы безопасности. 2014. № 4. С. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390.
4. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада / Сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996. Р. 62–83.
5. Леонов Ю.И. Экспертная дипломатия аналитических институтов ФРГ и РФ в период с 2014 г.: формы и направления взаимодействия // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ IX международной студенческой научной конференции / Под ред. Д.О. Матяшовой, Е.В. Смирнова, Д.И. Попова и др. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 312–322.
6. Микешина Л.А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
7. Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978.

8. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

9. Стрельцов Д.В., Лукин А.Л. Российско-японские отношения через призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 44–63. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.3.

10. Энтина Е.Г. Особенности и пределы интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2020.

11. Blagden D. Roleplay, realpolitik and 'great powerness': The logical distinction between survival and social performance in grand strategy // European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 1162–1192. DOI: 10.1177/13540661211048776.

12. Christensen T.J. Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947–1958. Princeton: Princeton University Press, 1996.

13. Christensen T.J., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity // International Organization. 1990. Vol. 44. No. 2. P. 137–168. DOI: 10.1017/S0020818300035232.

14. Dunne T., Hansen L., Wight C. The end of international relations theory // European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 405–425. DOI: 10.1177/1354066113495485.

15. Fiammenghi D., Rosato S., Parent J. et al. Correspondence: Neoclassical realism and its critics // International Security. 2018. Vol. 43. No. 2. P. 193–203. DOI: 10.1162/isec_c_00332.

16. Foulon M. Neoclassical realism: Challengers and bridging identities // International Studies Review. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 635–661. DOI: 10.1111/misr.12255.

17. Foulon M., Meibauer G. Realist avenues to global international relations // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 1203–1229. DOI: 10.1177/1354066120926706.

18. Götz E. Neoclassical realist theories, intervening variables, and paradigmatic boundaries // Foreign Policy Analysis. 2021. Vol. 17. No. 2. P. 1–13. DOI: 10.1093/fpa/oraa026.

19. He K. Explaining United States-China relations: Neoclassical realism and the nexus of threat-interest perceptions // The Pacific Review. 2017. Vol. 30. No. 2. P. 133–151. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201130.

20. Juneau T. Squandered opportunity: Neoclassical realism and Iran's foreign policy. Redwood City: Stanford University Press, 2015.

21. Juneau T., Lobell S.E., Ripsman N.M., Rubin L.P. Neoclassical realism: Domestic politics, systemic pressures, and the impact on foreign policy since the Arab Spring // Routledge handbook of international relations in the Middle East / Ed. by S. Akbarzadeh. Abingdon: Routledge, 2019. P. 8–22.

22. Kaufman R.G. To balance or to bandwagon? Alignment decisions in 1930s Europe // *Security Studies*. 1992. Vol. 1. No. 3. P. 417–447. DOI: 10.1080/09636419209347477.
23. Kitchen N. Systemic pressures and domestic ideas: A neoclassical realist model of grand strategy formation // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No. 1. P. 117–143. DOI: 10.1017/S0260210509990532.
24. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: System-unit dynamics and China-Russia relations // *International Relations*. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 40–66. DOI: 10.1177/0047117818812561.
25. Legro J.W., Moravcsik A. Is anybody still a realist? // *International Security*. 1999. Vol. 24. No. 2. P. 5–55. DOI: 10.1162/016228899560130.
26. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457. DOI: 10.1177/1354066113494320.
27. Meibauer G. Interests, ideas, and the study of state behavior in neoclassical realism // *Review of International Studies*. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1017/S0260210519000214.
28. Meibauer G., Desmaele L., Onea T. et al. Forum: Rethinking neoclassical realism at theory's end // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 268–295. DOI: 10.1093/isr/viaa018.
29. Narizny K. On systemic paradigms and domestic politics: A critique of the newest realism // *International Security*. 2017. Vol. 42. No. 2. P. 155–190. DOI: 10.1162/ISEC_a_00296.
30. Quinn A. Kenneth Waltz, Adam Smith and the limits of science: Hard choices for neoclassical realism // *International Politics*. 2013. Vol. 50. No. 2. P. 159–182. DOI: 10.1057/ip.2013.5.
31. Rathbun B. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism // *Security Studies*. 2008. Vol. 17. No. 2. P. 294–321. DOI: 10.1080/09636410802098917.
32. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York: Oxford University Press, 2016.
33. Rose G. Neoclassical realism and theories of foreign policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.
34. Schweller R.L. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia University Press, 1998.
35. Schweller R.L. Opposite but compatible nationalisms: A neoclassical realist approach to the future of US-China relations // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 23–48. DOI: 10.1093/cjip/poy003.
36. Schweller R.L. The progressiveness of neoclassical realism // *Progress in international relations theory: Appraising the field* / Ed. by C. Elman, M.F. Elman. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 311–348.

37. Schweller R.L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. Princeton: Princeton University Press, 2010.

38. Sears N.A. The neoclassical realist research program: Between progressive promise and degenerative dangers // *International Politics Reviews*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 21–31. DOI: 10.1057/s41312-017-0020-x.

39. Steinsson S. Neoclassical realism in the North Atlantic: Explaining behaviors and outcomes in the Cod Wars // *Foreign Policy Analysis*. 2017. Vol. 13. No. 3. P. 599–617. DOI: 10.1093/fpa/orw062.

40. Taliaferro J.W., Lobell S.E., Ripsman N.M. Is peaceful change in world politics always desirable? A neoclassical realist perspective // *International Studies Review*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 283–291. DOI: 10.1093/isr/viy023.

41. Walt S.M. The origins of alliance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.

42. Waltz K.N. International politics is not foreign policy // *Security Studies*. 1996. Vol. 6. No. 1. P. 54–57. DOI: 10.1080/09636419608429298.

43. Waltz K.N. Theory of international politics. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

44. Weitsman P.A. Dangerous alliances: Proponents of peace, weapons of war. Redwood City: Stanford University Press, 2004.

45. Wohlforth W.C. The elusive balance: Power and perceptions during the Cold War. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

46. Zakaria F. From wealth to power: The unusual origins of America's world role. Princeton: Princeton University Press, 1998.

REFERENCES

1. Godovanyuk K.A. 2015. *Rossiya vo vneshnepoliticheskoi strategii Velikobritanii na sovremennom etape* [Russia's place in the UK's foreign policy strategy at the present stage]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

2. Konyshchikov V.N. 2020. Neoklassicheskii realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Neoclassical realism in the theory of international relations]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 94–111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07. (In Russ.)

3. Kosorukov A.A. 2014. Strategiya Kitaya v nachale XXI veka: vykhod na global'nyi uroven' [China's strategy at the beginning of the 21st century: Reaching the global level]. *Voprosy bezopasnosti*, no. 4, pp. 31–69. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.4.13390. (In Russ.)

4. Kun T. 1996. Ob'ektivnost', tsennostnye suzhdeniya i vybor teorii [Objectivity, value judgement, and theory choice]. In: Pechenkin A.A. (ed.). *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada* [Modern philosophy of science: Knowledge, rationality, values in the works of Western thinkers]. Moscow, Logos Publ., pp. 62–83. (In Russ.)

5. Leonov Yu.I. 2021. Ekspertnaya diplomatiya analiticheskikh institutov FRG i RF v period s 2014 g.: formy i napravleniya vzaimodeistviya [Expert diplomacy of analytical institutes of Germany and the Russian Federation since 2014: Forms and directions of interaction]. In: Matyashova D.O., Smirnov E.V., Popov D.I. et al. (eds.). *Rossiya v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti: Sbornik rabot IX mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii* [Russia in the global world: New challenges and opportunities. Proceedings of the 9th International Student Scientific Conference]. Saint-Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 312–322. (In Russ.)
6. Mikesheina L.A. 2005. *Filosofiya nauki. Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science. Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.)
7. Ruzavin G.I. 1978. *Nauchnaya teoriya: logiko-metodologicheskii analiz* [Scientific theory: Logical and methodological analysis]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
8. Stepin V.S. 2003. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge. Structure and historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. (In Russ.)
9. Strel'tsov D.V., Lukin A.L. 2017. Rossiisko-yaponskie otnosheniya cherez prizmu teorii. Realizm, konstruktivizm i dvukhurovnevye igry [Russian-Japanese rapprochement through the lens of IR theory: Neo-classical realism, constructivism and two-level games]. *International Trends*, vol. 15, no. 2, pp. 44–63. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.3. (In Russ.)
10. Entina E.G. 2020. *Osobennosti i predely integratsionnoi politiki ES v Yugo-Vostochnoi Evrope (na primere gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva)* [Features and limits of the EU integration policy in South-Eastern Europe (on the example of states of the post-Yugoslav space)]. Doctoral Thesis. Moscow. (In Russ.)
11. Blagden D. 2021. Roleplay, realpolitik and 'great powerness': The logical distinction between survival and social performance in grand strategy. *European Journal of International Relations*, vol. 27, no. 4, pp. 1162–1192. DOI: 10.1177/135406612111048776.
12. Christensen T.J. 1996. *Useful adversaries: Grand strategy, domestic mobilization, and Sino-American conflict, 1947–1958*. Princeton, Princeton University Press.
13. Christensen T.J., Snyder J. 1990. Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity. *International Organization*, vol. 44, no. 2, pp. 137–168. DOI: 10.1017/S0020818300035232.
14. Dunne T., Hansen L., Wight C. 2013. The end of international relations theory. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 405–425. DOI: 10.1177/1354066113495485.

15. Fiammenghi D., Rosato S., Parent J. et al. 2018. Correspondence: Neoclassical realism and its critics. *International Security*, vol. 43, no. 2, pp. 193–203. DOI: 10.1162/isec_c_00332.

16. Foulon M. 2015. Neoclassical realism: Challengers and bridging identities. *International Studies Review*, vol. 17, no. 4, pp. 635–661. DOI: 10.1111/misr.12255.

17. Foulon M., Meibauer G. 2020. Realist avenues to global international relations. *European Journal of International Relations*, vol. 26, no. 4, pp. 1203–1229. DOI: 10.1177/1354066120926706.

18. Götz E. 2021. Neoclassical realist theories, intervening variables, and paradigmatic boundaries. *Foreign Policy Analysis*, vol. 17, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.1093/fpa/oraa026.

19. He K. 2017. Explaining United States-China relations: Neoclassical realism and the nexus of threat-interest perceptions. *The Pacific Review*, vol. 30, no. 2, pp. 133–151. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201130.

20. Juneau T. 2015. *Squandered opportunity: Neoclassical realism and Iran's foreign policy*. Redwood City, Stanford University Press.

21. Juneau T., Lobell S.E., Ripsman N.M., Rubin L.P. 2019. Neoclassical realism: Domestic politics, systemic pressures, and the impact on foreign policy since the Arab Spring. In: Akbarzadeh S. (ed.). *Routledge handbook of international relations in the Middle East*. Abingdon, Routledge, pp. 8–22.

22. Kaufman R.G. 1992. To balance or to bandwagon? Alignment decisions in 1930s Europe. *Security Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 417–447. DOI: 10.1080/09636419209347477.

23. Kitchen N. 2010. Systemic pressures and domestic ideas: A neoclassical realist model of grand strategy formation. *Review of International Studies*, vol. 36, no. 1, pp. 117–143. DOI: 10.1017/S0260210509990532.

24. Korolev A., Portyakov V. 2019. Reluctant allies: System-unit dynamics and China-Russia relations. *International Relations*, vol. 33, no. 1, pp. 40–66. DOI: 10.1177/0047117818812561.

25. Legro J.W., Moravcsik A. 1999. Is anybody still a realist? *International Security*, vol. 24, no. 2, pp. 5–55. DOI: 10.1162/016228899560130.

26. Mearsheimer J.J., Walt S.M. 2013. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 427–457. DOI: 10.1177/1354066113494320.

27. Meibauer G. 2020. Interests, ideas, and the study of state behavior in neoclassical realism. *Review of International Studies*, vol. 46, no. 1, pp. 20–36. DOI: 10.1017/S0260210519000214.

28. Meibauer G., Desmaele L., Onea T. et al. 2021. Forum: Rethinking neoclassical realism at theory's end. *International Studies Review*, vol. 23, no. 1, pp. 268–295. DOI: 10.1093/isr/viaa018.

29. Narizny K. 2017. On systemic paradigms and domestic politics: A critique of the newest realism. *International Security*, vol. 42, no. 2, pp. 155–190. DOI: 10.1162/ISEC_a_00296.
30. Quinn A. 2013. Kenneth Waltz, Adam Smith and the limits of science: Hard choices for neoclassical realism. *International Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 159–182. DOI: 10.1057/ip.2013.5.
31. Rathbun B. 2008. A rose by any other name: Neoclassical realism as the logical and necessary extension of structural realism. *Security Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 294–321. DOI: 10.1080/09636410802098917.
32. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. 2016. *Neoclassical realist theory of international politics*. New York, Oxford University Press.
33. Rose G. 1998. Neoclassical realism and theories of foreign policy. *World Politics*, vol. 51, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.
34. Schweller R.L. 1998. *Deadly imbalances: Tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York, Columbia University Press.
35. Schweller R.L. 2018. Opposite but compatible nationalisms: A neoclassical realist approach to the future of US-China relations. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 23–48. DOI: 10.1093/cjip/poy003.
36. Schweller R.L. 2003. The progressiveness of neoclassical realism. In: Elman C., Elman M.F. (eds.). *Progress in international relations theory: Appraising the field*. Cambridge, MIT Press, pp. 311–348.
37. Schweller R.L. 2010. *Unanswered threats: Political constraints on the balance of power*. Princeton, Princeton University Press.
38. Sears N.A. 2017. The neoclassical realist research program: Between progressive promise and degenerative dangers. *International Politics Reviews*, vol. 5, no. 1, pp. 21–31. DOI: 10.1057/s41312-017-0020-x.
39. Steinsson S. 2017. Neoclassical realism in the North Atlantic: Explaining behaviors and outcomes in the Cod Wars. *Foreign Policy Analysis*, vol. 13, no. 3, pp. 599–617. DOI: 10.1093/fpa/orw062.
40. Taliaferro J.W., Lobell S.E., Ripsman N.M. 2018. Is peaceful change in world politics always desirable? A neoclassical realist perspective. *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 283–291. DOI: 10.1093/isr/viy023.
41. Walt S.M. 1990. *The origins of alliance*. Ithaca; London, Cornell University Press.
42. Waltz K.N. 1996. International politics is not foreign policy. *Security Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 54–57. DOI: 10.1080/09636419608429298.
43. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. Reading, MA, Addison-Wesley Publishing Company.
44. Weitsman P.A. 2004. *Dangerous alliances: Proponents of peace, weapons of war*. Redwood City, Stanford University Press.
45. Wohlforth W.C. 1993. *The elusive balance: Power and perceptions during the Cold War*. Ithaca, Cornell University Press.

46. Zakaria F. 1998. *From wealth to power: The unusual origins of America's world role*. Princeton, Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после
рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 26.01.2024

The paper was submitted 27.03.2022; approved after reviewing 27.04.2023;
accepted for publication 26.01.2024

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141

Научная статья / Research paper

Чжу Сюй*

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ — ИНДИЯ — КИТАЙ»: СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В основе современного мироустройства лежит всё более усложняющаяся система межгосударственных отношений, что указывает на необходимость тщательного учета международного контекста даже при анализе взаимодействия двух стран. С этой точки зрения значительным эпистемологическим потенциалом обладает концепция «стратегического треугольника», разработанная в годы холодной войны и применявшаяся прежде всего для исследования динамики отношений между СССР, США и КНР. В современных условиях особенно интересным представляется использование данной концепции для изучения логики взаимодействия в треугольнике «Россия — Индия — Китай» (РИК). Настоящая статья преследует две взаимосвязанные цели. С одной стороны, речь идет о том, чтобы выявить специфические черты этого нового стратегического треугольника, особенности его структуры и взаимоотношений его участников. С другой стороны, на этой основе можно будет сделать вывод, в какой степени теоретические модели, разработанные в годы холодной войны, применимы для объяснения отношений в рамках стратегического треугольника РИК. Автор последовательно анализирует историю, общую динамику и современные особенности взаимодействия в рамках каждой из пар двусторонних отношений в этом треугольнике. Проведенное исследование подтвердило гипотезу, что РИК действительно образует

* Чжу Сюй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhuxu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1192-4706).

особую подсистему международных отношений, для описания которой можно использовать концепцию «стратегического треугольника». При этом, в отличие от китайско-американо-советского стратегического треугольника, в рамках РИК в целом преобладает логика сотрудничества, а не соперничества. В то же время треугольник РИК представляет собой внутренне противоречивую систему. Если Китай и Россия в целом тесно взаимодействуют практически во всех сферах, то в случае Индии и России экономические отношения не вполне отвечают достигнутому уровню политических контактов, а китайско-индийское сотрудничество, несмотря на в общем позитивную динамику последних лет, остается на низком уровне. В этих условиях возникает необходимость разработки новой теоретико-методологической рамки для анализа трехсторонних отношений между Россией, Индией и Китаем как особой подсистемы современной мировой политики, свободной от стереотипов холодной войны.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, КНР, стратегический треугольник, РИК, стратегическое партнерство, стратегический союз, политический блок, многополярность, полицентричность, геополитическая ось

Для цитирования: Чжу Сюй. Стратегический треугольник «Россия — Индия — Китай»: структура и проблемы взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 107–141. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141.

Zhu Xu

STRATEGIC TRIANGLE 'RUSSIA — INDIA — CHINA': STRUCTURE AND PROBLEMS OF INTERACTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

A contemporary world order is based on an increasingly complex system of interstate relations, which implies the need to thoroughly consider the international context, even when analyzing bilateral interactions. From this point of view, the concept of a 'strategic triangle', developed during the Cold War and applied primarily to analyze the dynamics of relationships between the USSR, the USA and the PRC, appears to have significant epistemological potential. In current conditions, it is of particular interest to use this concept to study the logic of relations in the 'Russia–India–China' (RIC) triangle. This research pursues two interrelated goals. On the one hand, it is aimed at identifying specific features of

this new 'strategic triangle', its inner structure and logic of interactions between its participants. On the other hand, it assesses the applicability of the theoretical models developed during the Cold War to the relations within the framework of the RIC strategic triangle. The author examines the history, general dynamics and contemporary features of interaction within each pair of bilateral relations in this 'triangle'. The research has confirmed the hypothesis that the relations between Russia, India, and China, indeed, form a specific subsystem of international relations, which can be described as a 'strategic triangle'. At the same time, unlike the Sino-American-Soviet 'strategic triangle', it is the logic of cooperation, rather than rivalry, which generally prevails within the framework of the RIC.

However, the RIC 'triangle' can also be described as an inherently inconsistent system. While China and Russia maintain close strategic cooperation in almost all areas, in the case of India and Russia, economic cooperation does not match the achieved level of political contacts, and Sino-Indian relations, despite the generally positive dynamics during the recent years, remain at a low level. All this points to the need to develop a new theoretical and methodological framework for analyzing trilateral relations between Russia, India and China as a special subsystem of the contemporary world politics, one that will be free from Cold War stereotypes.

Keywords: Russia, India, China, PRC, strategic triangle, RIC, strategic partnership, strategic alliance, political bloc, multipolarity, polycentricity, geopolitical axis

About the author: *Zhu Xu* — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhuxu@mail.com; ORCID: 0000-0002-1192-4706).

For citation: Zhu Xu. 2023. Strategic triangle 'Russia — India — China': Structure and problems of interaction. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 107–141. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141. (In Russ.)

В основе современного мироустройства лежит комплексная система межгосударственных отношений. Наличие этой системы подразумевает, что для понимания логики двусторонних взаимодействий нельзя ограничиваться только рассмотрением политики их непосредственных элементов, необходимо учитывать и фактор третьих стран.

Одним из первых к последовательному научному изучению особенностей трехсторонних международных взаимоотношений

обратился британский ученый Мартин Уайт. Он выделил четыре типа поведенческих моделей в рамках подобных взаимодействий: «решающий бой» (модель чемпионата мира), «полуфинал», «соревнования в первом раунде» и, наконец, «предварительный раунд» [Wight, 1977]. Его концепция концентрировалась на конфронтационных аспектах международных отношений, пренебрегая факторами, обуславливающими возможность сотрудничества и кооперации.

В 1980-е годы американский ученый Лоуэлл Диттмер охарактеризовал взаимодействие между Китаем, США и СССР как «сделку между тремя игроками» [Dittmer, 1981]. На этой основе он сформулировал три модели трехсторонних отношений:

1) «любовь втроем» (фр. *«ménage à trois»*) — предполагает наличие симметричных и гармоничных отношений между всеми тремя сторонами;

2) «любовный треугольник» (англ. *«romantic triangle»*) — заключается в том, что одна сторона (*pivot*) устанавливает гармоничные отношения с двумя оставшимися, а те (*two wings*) в свою очередь оказываются враждебны друг другу;

3) «стабильный брак» (англ. *«stable marriage»*) — означает, что между двумя сторонами установились гармоничные отношения, при этом обе они находятся во враждебных отношениях с третьей стороной.

С окончанием холодной войны значение стратегического треугольника в лице Китая, США и СССР снизилось, но теория трехсторонних отношений продолжила активно развиваться. Л. Диттмер уточнил определение трехсторонних отношений, сформулировав их параметры:

а) участники треугольника рассматриваются как рациональные автономные акторы;

б) двусторонние отношения между любыми двумя из этих акторов неразрывно зависят от их отношений с третьим;

в) каждый участник треугольника постоянно стремится привлечь на свою сторону одного или другого либо обоих оставшихся акторов, чтобы предотвратить их сговор и продвигать собственные интересы [Dittmer, 2005].

В целом к настоящему моменту концепция «стратегического треугольника» успела зарекомендовать себя в качестве перспективного инструмента для анализа взаимоотношений между ведущими

державами. Профессор Института международных отношений Пекинского университета Ча Даоцзюн считает, что в рамках данной концепции отношения между тремя национальными государствами рассматриваются как единая динамично развивающаяся система [Zha, 2001]. Профессор Института международных исследований Университета Фудань Чжао Хуашэн полагает, что отношения в треугольнике отличаются сбалансированным характером и опираются на взаимную заинтересованность, что, однако, вовсе не исключает конкуренции, конфликта [Чжао, 2018]. Что касается китайско-американо-советского стратегического треугольника, то профессор Школы политики и международных отношений Университета Тунцзи Ся Липин считает, что его теоретической основой является концепция «баланса сил» [Ся, 2002]. Известный российский китаевед Юрий Галенович отмечает, что каждый из членов треугольника — незримый участник двусторонних отношений двух других его участников [Галенович, 2006].

При этом обзор российских и зарубежных исследований показал, что концепция «стратегического треугольника» стала широко использоваться в научном дискурсе после китайско-американского примирения в начале 1970-х годов для описания отношений между США, СССР и Китаем¹ [Kim, 1987; Воробьева, Юнгблюд, 2019]. Однако в настоящее время в академических кругах нет единства мнений относительно самой концепции, которой не хватает строгого и унифицированного определения.

Некоторые ученые даже полагают, что само понятие «стратегический треугольник» в последние годы размывается [Дегтерев, Рамич, 2021], поэтому часто и возникают разногласия вокруг его определений. Кроме того, в современных международных исследованиях всё чаще ставится вопрос о том, могут ли малые и средние государства, а также негосударственные акторы выступать в качестве элементов подобного треугольника. В частности, активно изучается возможность рассмотрения Европейского союза или АСЕАН в роли потенциальной вершины треугольника [Shambaugh, 2005; Changing transatlantic security relations..., 2006; Цзян, 2019].

¹ Levin N.D., Pollack J.D. Managing the strategic triangle: Summary of a workshop discussion // RAND Corporation. April 1984. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/notes/2007/N2125.pdf> (accessed: 15.06.2023).

По мнению Дениса Дегтерева (Институт Африки РАН), стратегическое измерение треугольника проявляется в двух аспектах: во-первых, это такой треугольник, отношения в котором оказывают существенное влияние на весь мир, а его вершинами выступают наиболее важные страны, играющие особую роль в институтах глобального управления, например члены «Группы двадцати» (G20); во-вторых, в контексте изучения стратегического аспекта в треугольниках речь идет прежде всего о сфере так называемой высокой политики, включающей вопросы обороны и обеспечения безопасности. Исходя из этого, пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (РФ, США, КНР, Великобритания и Франция) должны составлять вершины основных стратегических треугольников [Дегтерев, Рамич, 2021].

Следуя этой логике, мы готовы предположить, что отношения между Россией, Индией и Китаем подпадают под критерии стратегического треугольника. Эти три страны являются важными акторами не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Все они продвигают идею о многополярном мире и тесно связаны друг с другом. Неудивительно, что стратегическое взаимодействие между ними привлекает повышенное внимание исследователей [Россия — Китай — Индия..., 2000; Яскина, 2003; Уянаев, 2004]. Существует взаимная заинтересованность в согласовании национальных интересов у России и Индии, России и Китая, Индии и Китая при наличии противоречий между ними. Более того, Россия и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и странами, обладающими ядерным оружием. На них лежит большая ответственность за поддержание мира и безопасности. С окончанием холодной войны и растущим давлением со стороны США три государства начали активно сотрудничать, что в конечном счете привело к созданию группы РИК (Россия — Индия — Китай) как воплощения идеи международной структуры, единственно способной стать ядром сплочения антигегемонистских сил в незападной части мирового сообщества [Яковлев, 2004]. Следует отметить, что идея создания РИК была первоначально выдвинута тогдашним премьер-министром России Е.М. Примаковым во время его визита в Индию в декабре 1998 г.², когда «медовый месяц» отношений РФ и Запада по-

² Лавров рассказал об идее Примакова создать «треугольник» Россия — Индия — Китай // РИА Новости. 29.10.2019. Доступ: <https://ria.ru/20191029/1560334084.html> (дата обращения: 15.06.2023).

дошел к концу и они перешли к независимой друга от друга внешней политике. В то же время трехсторонние отношения между Россией, Индией и Китаем получили новый импульс к развитию.

Таким образом, строгого определения стратегического треугольника не существует, однако опыт изучения трехсторонних китайско-американо-советско/российских отношений показывает, что эта концепция обладает значительным эпистемологическим потенциалом. В этом смысле анализ трехстороннего взаимодействия между Россией, Индией и Китаем может быть исключительно полезен с точки зрения понимания логики развития современной мировой политики.

При этом особенности и внутренняя структура российско-индийско-китайского треугольника остаются еще во многом неизученными. Теория «стратегического треугольника» КНР — США — СССР/РФ не всегда подходит для объяснения логики и специфики трехсторонних российско-китайско-индийских отношений. В этой связи в настоящей статье предпринимается попытка выявить специфические черты стратегического треугольника «Россия — Индия — Китай», структуру и логику взаимодействия его участников. Дальнейшее повествование будет построено вокруг анализа каждой из пар двусторонних отношений в треугольнике. Такой подход к организации исследования обусловлен тем, что состояние и особенности каждой линии двусторонних отношений (между Пекином и Москвой, Москвой и Нью-Дели, Пекином и Нью-Дели) оказывают влияние на потенциал, прочность и возможности треугольной конфигурации в целом [Уянаев, 2022]. Поскольку на официальном уровне трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая началось только в XXI в., хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 по 2022 г.

Особенности китайско-российских отношений

Начиная с XXI в. китайско-российские отношения стремительно развивались. В 2001 г. был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой»³, который закрепил в юридической

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 15.06.2023).

форме волю и решимость КНР и РФ укреплять двусторонние отношения. В 2004 г. две страны подписали «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части»⁴, посредством которого устранили наиболее важные источники напряженности времен холодной войны.

В 2003–2013 гг., когда должность председателя КНР занимал Ху Цзиньтао, особый импульс к развитию получил стратегический диалог на высшем уровне между Китаем и Россией. После того как Си Цзиньпин вступил в должность председателя КНР в 2013 г., отношения между Китаем и Россией не только продолжили успешно развиваться, но и приобрели новое качество, вступили в новую эпоху.

В 2013 г. Пекин выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), после чего были проведены российско-китайские консультации по вопросам более тесного сотрудничества, в рамках которых особое внимание было уделено совместной деятельности в Центральной Азии (ЦА). После распада Советского Союза страны этого региона стремились диверсифицировать свою внешнюю торговлю и внутренние инвестиции. В данном контексте Китай стал ключевым игроком в ЦА. При этом центральноазиатские страны входят в политическое объединение СНГ и принимают участие в продвигаемом Россией интеграционном проекте — Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а потому представляют собой один из ключевых векторов российской внешней политики на постсоветском пространстве [Погодин, Тараканова, 2021]. Таким образом, нельзя полностью исключать потенциальную геополитическую конкуренцию между Китаем и Россией в этом регионе. Некоторые исследователи утверждают, что столкновение интересов двух держав в ЦА может стать единственным возможным источником конфликтности в двусторонних отношениях [Песцов, 2017].

Для того чтобы снизить вероятность потенциального конфликта в регионе, 8 мая 2015 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского

⁴ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 14 октября 2004 г. // МИД России. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/ (дата обращения: 15.06.2023).

экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»⁵, в котором объявили о своем намерении сотрудничать в направлении конвергенции двух мегапроектов. Тем самым стороны в очередной подтвердили высокий уровень взаимопонимания в двусторонних отношениях.

5 июня 2019 г. взаимодействие двух стран переросло в «китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерское сотрудничество в новую эпоху»⁶. Важным признаком углубления двусторонних отношений является значительный прогресс, достигнутый в экономической сфере. Экономическое сотрудничество между странами имеет естественную географическую основу и выступает важным фактором поддержания стабильности стратегического партнерства [Мэн, 2015]. Если раньше отношения Китая и России были «теплыми в политике и холодными в экономике», то теперь у двух стран появилась тенденция к развитию модели «тепло и в политике, и в экономике»⁷.

В 2019 г. Китай и Россия достигли соглашения и поставили цель увеличить объем взаимной торговли до 200 млрд долл. США к 2024 г. Согласно статистике, недавно опубликованной Главным таможенным управлением КНР, объем торговли между странами в 2022 г. увеличился на 29,3% в годовом исчислении, достигнув 190,3 млрд долл. США⁸. При этом экспорт из Китая в РФ за прошедший год увеличился на 12,8% и составил примерно 76,1 млрд долл. США, при аналогичных показателях — 43,4% и 114,15 млрд долл. США — у российской стороны. Товары, импортируемые Россией из Китая,

⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. // Президент России. 05.06.2019. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Юи Хэцзо Хэпин — Чжунь Э Юаньшоу Кэлимулинь Гун Хуэйянь Цэцзи [Дружба, сотрудничество, мир — Переговоры между главами государств Китая и России в Кремле] // Правительство КНР. 22.03.2023. Доступ: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/22/content_5747908.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

⁸ Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3% // ТАСС. 13.01.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/16791461?ysclid=lgnhvneyhz750092328> (дата обращения: 15.06.2023).

включают бытовую технику, микропроцессоры, автомобили и одежду, в то время как в номенклатуру российского экспорта входят минеральные ресурсы (нефть, трубопроводный газ, сжиженный природный газ, уголь и мазут), морепродукты и продукция сельского хозяйства (прежде всего пшеница).

Рост объема взаимной торговли зависит от нескольких ключевых обстоятельств. Во-первых, между Китаем и Россией существует ярко выраженная геоэкономическая взаимодополняемость [Лукин, Губин, 2021]. КНР является крупным потребителем энергоресурсов, а Россия — их ведущим производителем и поставщиком. Во-вторых, с момента начала «украинского кризиса» в марте 2014 г. две страны подписали множество экономических и финансовых соглашений, стремясь укрепить свои относительно слабые, но имеющие большой потенциал отношения в этих сферах. В-третьих, условия глобальной торговли резко изменились в 2022 г. в контексте введения Западом новых санкций против России: большое количество российских торговых потоков было переориентировано на Восток. По словам посла РФ в Китае Игоря Моргулова, КНР стала крупнейшим покупателем российского продовольствия по итогам 2022 г.⁹

Поскольку военно-политическое давление Соединенных Штатов на Китай продолжает усиливаться, Пекин придает всё большее значение уникальной роли России в сопротивлении американской гегемонии и укрепляет с ней сотрудничество в области безопасности. Военно-политические связи между КНР и РФ были усилены в 2022 г., при этом особое внимание уделяется Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Воздушно-космические силы России и Народно-освободительная армия Китая провели совместное воздушное патрулирование в Японском и Восточно-Китайском морях в мае и ноябре 2022 г. В этих летных заданиях участвовали российские стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Воом-6К ВВС Китая, а истребители Су-30 и Су-35 обеспечивали их сопровождение. С 21 по 27 декабря того же года военно-морские силы Китая и России провели совместные военные учения «Морское взаимодействие-2022» в Восточно-Китайском море. Подобные учения проводятся с 2012 г. уже 10 лет подряд и стали устойчивым механизмом сотрудничества.

⁹ Посол РФ: китайский бизнес занимает места ушедших западных компаний // Вести.ру. 04.03.2023. Доступ: <https://www.vesti.ru/finance/article/3233227> (дата обращения: 15.06.2023).

Военное взаимодействие между Китаем и Россией не изменилось из-за российско-украинского конфликта. В контексте усиления военной деятельности Соединенных Штатов в АТР, провоцирования ими напряженности в Тайваньском проливе и формирования коалиций с антикитайской направленностью (Quad, AUKUS) совместные военные учения Пекина и Москвы способствуют укреплению мира и стабильности в регионе, а также отражают высокое взаимное доверие между двумя странами в стратегической сфере.

Стоит отметить, что Китай и Россия характеризуют двусторонние отношения как партнерские, а не союзнические, что проявляется в политике «три нет», т.е. «нет созданию альянса, нет вступлению в конфронтацию, нет нацеленности против третьих стран». «Быть партнером, а не союзником» — это концептуальная основа построения Китаем нового типа международных отношений в новую эпоху¹⁰. В совместном заявлении, опубликованном в июне 2016 г., главы обоих государств четко обозначили, что китайско-российские отношения не носят союзнического характера¹¹. Основное различие между понятиями «партнер» и «союзник» заключается в отсутствии стремления сторон построить военно-политический альянс, нацеленный на борьбу с неким внешним врагом. В то же время партнерство отличается высокой гибкостью и помогает двум странам решать различные вопросы безопасности и экономики в соответствии с их национальными интересами. При этом, говоря о китайско-российских отношениях, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что российско-китайское стратегическое партнерство вышло на более высокий уровень, чем традиционный военно-политический альянс¹². Тем самым, на наш взгляд, глава внешнеполитического ведомства РФ противопоставил мирный и конструктивный характер

¹⁰ Си Цзиньпин чуши чжунъян вайши гун цзо хуэй и бин фабяо чжунъяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в рабочей конференции ЦК КПК по иностранным делам и выступил с речью] // Синьхуа. 29.11.2014. Доступ: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

¹¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ элосы лянбан лянхэ шэнмин [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации] // Синьхуа. 27.06.2016. Доступ: http://www.xinhuanet.com/world/2016-06/27/c_129092111.htm (дата обращения: 15.06.2023). (На кит. яз.)

¹² В ГД прошел «правительственный час» с Министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 26.01.2022. Доступ: <http://duma.gov.ru/news/53300/> (дата обращения: 15.06.2023).

сотрудничества двух стран наступательной политике традиционных военных союзов.

Таким образом, политическое содержание российско-китайских отношений прагматично и продуктивно, страны придерживаются одинаковых или схожих позиций по многим основным международным и региональным вопросам. Тем не менее это не означает, что они могут сотрудничать по всем направлениям. Например, когда возникает территориальный спор между Китаем и Вьетнамом по Южно-Китайскому морю или пограничные трения между Китаем и Индией, Россия не может полностью поддержать позицию Пекина, учитывая стратегическое партнерство между Москвой и Ханоем, а также между Москвой и Нью-Дели. Аналогично в конфликте между Россией и Украиной Китай не может ни публично выступить против действий РФ, ни открыто поддержать российскую специальную военную операцию.

В то же время отличительной особенностью китайско-российских отношений являются взаимопонимание и поддержка по вопросам, затрагивающим ключевые взаимные интересы в области защиты национального суверенитета и обеспечения территориальной целостности. Например, касательно китайской сферы влияния на Дяоюйдао, Тайване и в акваториях Южно-Китайского моря, а также по вопросам, связанным с Абхазией, Южной Осетией и присоединением Крыма к России, обе стороны демонстрируют взаимопонимание, избегая этих тем в двусторонних переговорах.

Следует отметить, что китайско-российское партнерство также носит инклюзивный характер. Это выражается во взаимодействии двух держав в рамках многосторонних институтов и механизмов в целях артикуляции общей политической позиции, в поиске новых точек соприкосновения в областях сотрудничества, представляющих совместный интерес, а также в демонстрации приверженности принципам суверенного равенства и невмешательства в дела друг друга. Обе страны координируют свои действия, помогают построению многополярного мира и демократизации международных отношений, укрепляют сотрудничество в рамках G20, стран БРИКС, РИК, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также совместно

работают над созданием «отношений великих держав нового типа»¹³ и «сообщества единой судьбы» [Верченко, 2020].

Несмотря на давление Соединенных Штатов и других западных стран, Китай не изменил своей нейтральной позиции в российско-украинском конфликте и выступает против западных санкций. С 27 февраля 2022 г. по итогам пяти голосований в Генеральной Ассамблее ООН по российско-украинскому конфликту Пекин четыре раза воздержался и один раз проголосовал «против»¹⁴. Китай также проголосовал против резолюции, приостанавливающей членство России в Совете ООН по правам человека¹⁵. Нет никаких сомнений в том, что обеспечение стабильного, здорового и устойчивого развития китайско-российских отношений является важной частью внешнеполитической стратегии КНР.

Особенности российско-индийских отношений

С начала XXI в. российско-индийское стратегическое партнерство прошло два этапа. Первый охватывает период с 2000 по 2010 г., он начался с визита президента РФ Владимира Путина в Индию в октябре 2000 г. Тогда лидеры двух стран подписали Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Индией¹⁶. Согласно документу Нью-Дели и Москва обязались взаимодействовать в шести областях: политике, военном деле, экономике и торговле, обороне, науке и технике, культуре. Это соглашение ознаменовало начало активного периода российско-индийских отношений в новом столетии.

В декабре 2002 г. Россия и Индия подписали «Делийскую декларацию» и договорились проводить ежегодный саммит на уровне

¹³ Кортунов А. Россия — Китай: что такое «отношения великих держав нового типа» // РСМД. 04.07.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-kitay-chto-takoe-otnosheniya-velikikh-derzhav/?ysclid=lfky4k6ybv729050193> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Eleventh emergency special session // United Nations. Available at: <https://www.un.org/en/ga/sessions/emergency11th.shtml> (accessed: 15.06.2023).

¹⁵ UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council // United Nations. 07.04.2022. Available at: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed: 15.06.2023).

¹⁶ Совместное российско-индийское заявление // Президент России. 02.10.2000. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3401> (дата обращения: 15.06.2023).

стратегического партнерства¹⁷. В совместном заявлении стороны отметили, что это партнерство нацелено на создание многополярного мира на основе принципов коллективной безопасности [Ambrosio, 2005]. Когда премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапаи находился с визитом в Москве в 2003 г., он упомянул, что для стратегического партнерства и сотрудничества между Индией и Россией «небо — это предел», добавив, что дружба между странами стала «стабилизирующей силой» в изменившемся мире [Singh, 2013].

В декабре 2004 г. Россия и Индия опубликовали совместную декларацию, в которой говорится, что две страны будут и далее развивать и укреплять свое стратегическое партнерство на основе консенсуса¹⁸. И Россия, и Индия осознали, что такая политика отвечает их долгосрочным интересам. Стоит отметить, что в декларации обе стороны согласились на трехстороннюю встречу министров иностранных дел России, Индии и Китая.

Механизм ежегодного саммита между Россией и Индией и диалог на высшем уровне обеспечивают важную платформу для обмена мнениями и обсуждения двусторонних отношений, международных и региональных вопросов. Кроме того, были созданы различные межправительственные комитеты, в том числе Российско-индийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (2000), Российско-индийский инвестиционный форум (2007) и Российско-индийская конференция генеральных директоров (2008). Эти мероприятия активно содействовали обмену и сотрудничеству между Россией и Индией в военной, торгово-экономической и других областях [Ли, 2012].

На втором этапе (2010 г. — настоящее время) российско-индийские отношения трансформировались в «привилегированное стратегическое партнерство»¹⁹. Его основные аспекты отражены

¹⁷ Делийская декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия // Президент России. 03.12.2002. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3547> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Республики Индия // Президент России. 03.12.2004. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/2097> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁹ Совместное заявление: Десятилетие стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индия и перспективы его развития // Президент России. 21.12.2010. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/825> (дата обращения: 15.06.2023).

в политических, военных и экономических отношениях двух стран. В политическом плане главы государств регулярно обмениваются визитами, развивают дипломатические связи и последовательно работают над дальнейшим их укреплением. Ежегодные встречи на высшем уровне являются наиболее значимым институционализированным механизмом диалога в рамках стратегического партнерства сторон.

В 2014 г. в Индии произошла смена правительства, и Нарендра Моди из Бхаратия джаната парти (БДП) занял пост премьер-министра. Его внешняя политика была отмечена «стремительными визитами» (*whirlwind visits*) по всему миру, направленными на «оживление» связей с целым рядом стран. Следствием кризиса на Украине стало ухудшение взаимоотношений России и Запада, возникла необходимость укреплять сотрудничество с восточными партнерами. 11 декабря 2014 г. Россия и Индия подписали совместное заявление Дружба–Дости, в котором подчеркнули свои планы по укреплению российско-индийского партнерства в ближайшие 10 лет²⁰. В этом заявлении стороны поставили цель довести оборот товаров и услуг до 30 млрд долл. США к 2025 г.

На системном уровне анализа международных отношений можно наблюдать, что глобальный порядок претерпевает изменения с учетом ослабления доминирования Соединенных Штатов и возвышения некоторых развивающихся стран (особенно Китая). На этом фоне нарастает американо-китайское соперничество на международной арене. Пекин и Москва усиливают свое влияние в Азии, что находит отражение, в частности, в продвижении Китаем с 2013 г. инициативы ОПОП и усилиях России в направлении создания полноценного интеграционного блока в рамках ЕАЭС. Особое звучание данные начинания приобретают в связи с проработкой сторонами вопроса об их возможной конвергенции.

После того как Китай и Россия в 2015 г. обозначили намерение сотрудничать в направлении сопряжения ОПОП и ЕАЭС, Совместная исследовательская группа по заключению Соглашения о свободной торговле между Индией и Евразийским экономическим союзом провела свое первое заседание в Москве 31 июля 2015 г. Обе стороны

²⁰ Совместное заявление Дружба–Дости: план по укреплению российско-индийского партнерства в течение следующего десятилетия // Президент России. 11.12.2014. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4790> (дата обращения: 15.06.2023).

решили улучшить мультимодальную связь в рамках Международного транспортного коридора «Север — Юг».

В 2017 г. исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Индией. В мае того же года газета «The Times of India» опубликовала статью российского президента «Россия и Индия: 70 лет вместе»²¹. В ней Владимир Путин подвел итоги предыдущего взаимодействия двух стран и подтвердил большой потенциал его развития в будущем. В том же году при поддержке России Индия официально стала полноправным членом ШОС.

В июне 2017 г. российский лидер встретился с премьер-министром Индии Нарендрой Моди в Санкт-Петербурге, где они приняли Санкт-Петербургскую декларацию «Взгляд в XXI век». В мае 2018 г. Владимир Путин встретился с индийским премьер-министром в Сочи. Стороны обсудили развитие российско-индийского партнерства и основные международные и региональные проблемы. Из частых обменов мнениями между лидерами двух стран можно сделать вывод, что российско-индийские отношения достигли высокого уровня взаимного доверия. Еще одним подтверждением этого является политическое сотрудничество на глобальной арене.

В. Путин и Н. Моди регулярно встречаются на заседаниях в рамках БРИКС, ШОС и G20. В позициях двух стран практически нет различий по основным международным вопросам, таким как изменение характера глобального баланса сил и реструктуризация архитектуры глобального управления. Россия поддерживает возможность включения Индии в состав расширенного Совета Безопасности ООН, а также выступает за принятие Нью-Дели в Группу ядерных поставщиков (ГЯП). Аналогично взгляд Индии на региональные проблемы в общем виде совпадает со взглядом России.

Что касается военно-технического сотрудничества, то оно уже превратилось в главную опору, поддерживающую двусторонние отношения и придающую им стратегическое измерение. Индия была традиционным покупателем оружия у Советского Союза, а затем и у России. Более 60–70% поставок вооружений индийской армии

²¹ Putin V. Russia and India: 70 years together // The Times of India. 30.05.2017. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/toi-edit-page/russia-and-india-70-years-together/> (accessed: 15.06.2023).

приходится на РФ²². Тренд на сотрудничество сторон в этой сфере сохранится и в будущем.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в настоящее время существуют факторы, ограничивающие продажи Россией оружия Индии.

Во-первых, решение Индии о диверсификации своих источников закупок оружия сократит доминирование России на индийском рынке. Ей придется более жестко конкурировать с США, Францией и Израилем [Валуева, Коновалова, 2018].

Во-вторых, провозглашенная индийским правительством в 2014 г. инициатива «Делай в Индии» («Make in India») предполагает постепенный переход от режима сотрудничества «покупатель — продавец» к совместной разработке и производству высокотехнологичных продуктов и инфраструктуры. В 2015 г. Н. Моды посетил Россию. Стороны обозначили планы по расширению сотрудничества в области производства военной техники, исследований и разработок, что совпадает с лозунгом «Делай в Индии» [Рай, 2019]. Так, в рамках подписанного в декабре 2015 г. российско-индийского соглашения о сотрудничестве в области вертолетостроения на территории РФ будет произведено 60 легких многоцелевых вертолетов Ка-226Т, а в Индии — 140²³. Это первый российско-индийский высокотехнологичный проект, реализуемый индийским правительством в рамках программы «Делай в Индии». В настоящее время в стране началось производство автоматов АК-203 на совместном предприятии Indo-Russian Rifles Private Limited²⁴.

В-третьих, важным фактором, сдерживающим российско-индийское военно-техническое сотрудничество, являются санкции США против России. В 2017 г. Соединенные Штаты приняли закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), который создал угрозу для всех стран, сотрудничающих

²² Посол Индии в России: более 60–70 процентов оружия, которым оснащены вооруженные силы Индии, — российского производства // Красная газета. 10.07.2020. Доступ: <http://redstar.ru/posol-indii-v-rossii-bolee-60-70-protsetov-oruzhiya-kotorym-osnashheny-vooruzhyonnye-sily-indii-rossijskogo-proizvodstva/?ysclid=lfefgx0d1f83718-1875> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ Документы официального визита Премьер-министра Республики Индия Нагрендры Моды в Российскую Федерацию // Президент России. 24.12.2015. Доступ: <http://www.special.kremlin.ru/supplement/5049> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁴ Индийско-российское сотрудничество в области обороны // Посольство Индии в России. Доступ: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/india-russia-defence-cooperation.php> (дата обращения: 15.06.2023).

с Россией (в том числе в военной сфере)²⁵. Корпорация RAND собирает информацию об экспорте российского оружия в рамках проекта Государственного департамента США по мониторингу деятельности, связанной с разделом 231 CAATSA²⁶. Санкции, введенные Соединенными Штатами, могут затронуть страны, которые осуществляют военно-техническое сотрудничество с Россией (в том числе и Индию).

Стоит отметить, что между Москвой и Нью-Дели существует долгосрочное соглашение о военно-техническом сотрудничестве на период с 2021 по 2031 г. Оно было подписано в ходе первой индийско-российской встречи-диалога в формате «2+2» с участием глав МИД и Минобороны двух стран, которое состоялось в Дели 6 декабря 2021 г.²⁷ Документ включает реализацию более 200 совместных проектов, среди прочего — поставку зенитных ракетных систем (ЗРС) большой дальности С-400 «Триумф». Россия, вероятно, останется крупнейшим оборонным партнером Индии, по крайней мере в течение следующих нескольких лет.

Помимо этого, совместные российско-индийские военные учения также отражают высокую степень взаимного доверия между странами в стратегической плоскости. В мае 2003 г. Россия и Индия провели свои первые совместные военные учения под кодовым названием «Индра-2003» (образовано путем слияния усеченных названий двух стран). Они стали крупнейшими совместными военно-морскими маневрами, проведенными Индией и иностранными военно-морскими силами в то время, а также крупнейшими военными учениями, проведенными Россией за рубежом. Вплоть до 2013 г. маневры проходили нерегулярно (попеременно с участием сухопутных и военно-морских сил), а начиная с 2014 г. — ежегодно в двух фазах: сухопутной и морской.

²⁵ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 15.06.2023).

²⁶ Russian arms sales and sanctions monthly snapshot // RAND National Security Research Division. Available at: <https://www.rand.org/nsrd/projects/russian-arms-sales-and-sanctions-compliance/monthly-snapshot.html> (accessed: 15.06.2023).

²⁷ Бхатия Р. Модернизация связей между Россией и Индией // РСМД. 14.12.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/modernizatsiya-svyazey-mezhdu-rossiyei-i-indiei/?ysclid=lfhnz2bdxe103923047> (дата обращения: 15.06.2023).

Как видим, двусторонние военно-политические отношения между Россией и Индией развивались относительно беспрепятственно. При этом экономические и торговые контакты являются достаточно слабым звеном во взаимодействии двух стран. В целях укрепления торгово-экономического сотрудничества в ноябре 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый Российско-индийский стратегический экономический диалог. Кроме того, индийский премьер-министр был также приглашен в качестве главного гостя Восточного экономического форума 2019 г. для дальнейшего обсуждения вопросов укрепления двусторонних экономических связей.

Рост объема торговли между Россией и Индией происходит относительно медленно, а ее структура несбалансирована (таблица). Очевидно, что объем двусторонней торговли несоразмерен уровню стратегического партнерства двух стран.

Двусторонняя торговля России и Индии в 2010–2021 гг. (в млрд долл. США)

Год	Экспорт России в Индию	Импорт России из Индии	Объем торговли
2010	6,39	2,14	8,53
2011	6,09	2,79	8,89
2012	7,91	3,04	10,95
2013	7,01	3,1	10,11
2014	6,34	3,17	9,51
2015	5,58	2,26	7,83
2016	5,23	2,36	7,59
2017	6,46	2,9	9,36
2018	7,75	3,23	10,98
2019	7,24	3,92	11,16
2020	5,83	3,48	9,31
2021	9,13	4,43	13,56

Источник: Составлено автором на основе данных Федеральной таможенной службы России²⁸.

²⁸ Отчет о внешней торговле между Россией и Индией в 2021 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика // Внешняя торговля России. Доступ: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-indiy-v-2021-g/> (дата обращения: 15.06.2023); Brief on India-Russia economic

Необходимо подчеркнуть, что двусторонняя торговля между двумя державами значительно увеличилась в 2022 г. Интерпретируя данные индийской статистики, посол России в Индии Денис Алипов отметил, что за 11 месяцев 2022 г. этот показатель вырос в 3,4 раза, составив рекордные 35 млрд долл. США, при этом «львиная доля — 32 млрд долл. США — приходилась на поставки нефти, угля, удобрений и металлов из России, а индийский экспорт за тот же период заметно отставал и составил 2,6 млрд долл. США²⁹.

Следует признать, что объем товарооборота между Россией и Индией в 2022 г. превысил поставленную лидерами двух стран задачу по увеличению этого показателя до 30 млрд долл. США к 2025 г. Однако резкий рост взаимной торговли в 2022 г. в основном был обусловлен изменением экономической конъюнктуры под влиянием российско-украинского конфликта. Таким образом, еще предстоит выяснить, приведут ли меры, принятые двумя странами, к качественным изменениям в двусторонних экономических отношениях или стороны по инерции последуют существующей модели взаимодействия.

В целом в последние годы отношения между Москвой и Нью-Дели стабильно развивались. Несмотря на давление других стран и санкции США против России, Индия придерживается духа стратегической автономии и рассматривает РФ как перспективного стратегического партнера [Куприянов, 2019]. Экономические связи вряд ли станут главным приоритетом двусторонних отношений в ближайшей перспективе, при этом сотрудничество в оборонном секторе приобретает всё большее значение для сохранения прочного стратегического партнерства. В основе российско-индийских отношений лежит ориентация на кооперацию, при этом фундаментальных противоречий между странами нет.

Особенности китайско-индийских отношений

В то время как китайско-российские и российско-индийские отношения активно развивались, китайско-индийские отношения как один из важнейших системообразующих элементов мировой

relations // Embassy of India. Available at: <https://www.indianembassy-moscow.gov.in/overview.php> (accessed: 15.06.2023).

²⁹ Посол РФ заявил о динамичном развитии торговли России и Индии // ТАСС. 13.02.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/17036351?ysclid=lfqxbfyqf482634648> (дата обращения: 15.06.2023).

политики также постепенно преодолевали влияние конфронтации времен холодной войны и приобретали новое качество.

В марте 2000 г. в Пекине состоялся первый в истории двусторонних отношений диалог по вопросам безопасности. С 28 мая по 2 июня того же года президент Индии Кочерил Нараянан посетил КНР по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Во время этого визита главы государств подтвердили мирное урегулирование территориальных споров путем переговоров³⁰. После возобновления официальных визитов на высоком уровне двусторонние отношения получили новый импульс к развитию.

При этом следует учитывать влияние пакистанского фактора: после китайско-индийской пограничной войны 1962 г. КНР и Пакистан постепенно установили неформальные союзнические отношения, поскольку в Пекине понимали, что более тесные и стабильные связи с Исламабадом могли послужить китайским стратегическим и геополитическим интересам. На этом фоне Китай нарастил инвестиции в Пакистан в экономической и военно-технической областях. Сотрудничество между двумя странами, особенно военное, беспокоит Индию и ставит ее в неблагоприятное положение в трехсторонних отношениях «Китай — Индия — Пакистан», поскольку при возникновении китайско-индийского конфликта Исламабад может своими действиями сузить для Нью-Дели пространство для стратегического маневра. В свою очередь при аналогичной ситуации индийско-пакистанского противостояния Китай также будет представлять большую угрозу для Индии, поскольку территориальный спор между двумя странами еще не разрешен. Следовательно, трудно игнорировать китайский фактор в процессе многолетнего противостояния между Индией и Пакистаном.

После террористических нападений на законодательную ассамблею в подконтрольном Индии штате Джамму и Кашмир в октябре 2001 г. и на индийский парламент 13 декабря 2001 г. напряженность между двумя соперниками в Южной Азии — обладателями ядерного оружия — резко возросла. Нападение на национальный

³⁰ Цзян Цзэминь Чжуси Юй Иньду Цзунтун На Ла Я Нань Цзюйсинь Хуэйтань [Председатель Цзян Цзэминь провел переговоры с президентом Индии Нараяном] // Представительство Китайской Народной Республики в Литовской Республике. 07.11.2000. Доступ: http://lt.china-office.gov.cn/xwdt/200011/t20001107_2722676.htm (дата обращения: 16.06.2023). (На кит. яз.)

законодательный орган побудило Индию разместить большое количество войск на границе с Пакистаном, и Исламабад отреагировал зеркально. К 2002 г. Индия и Пакистан уже были на грани войны. Геостратегические соображения требовали, чтобы Китай встал на сторону Пакистана, но для поддержания мира и стабильности в юго-западном регионе Пекин публично призвал оба государства проявлять сдержанность и разрешать разногласия путем мирных переговоров и диалога. В результате при посредничестве КНР, США, Соединенного Королевства и России лидеры обеих стран выразили желание снизить градус напряженности и кризис был разрешен. Тем не менее дилемма безопасности Индии и Пакистана и тесное сотрудничество между Пекином и Исламабадом остаются одной из причин, по которой Китаю и Индии трудно достигнуть взаимного доверия. Следует признать, что стабильные китайско-индийские отношения требуют более эффективного балансирования в рамках треугольника «Китай — Индия — Пакистан» [Mohar, 2002].

В июне 2003 г. премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай посетил КНР. В совместной декларации стороны подчеркнули необходимость развития нового типа отношений между Китаем и Индией на основе долгосрочного конструктивного партнерства³¹. В 2005 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао посетил Нью-Дели с визитом, по итогам которого Индия и Китай заявили об установлении «стратегического партнерства во имя мира и процветания» и достигли договоренности о принципах решения пограничных вопросов³². После этого страны подтвердили проведение Года китайско-индийской дружбы в 2006 г. и Года китайско-индийской туристической дружбы в 2007 г., что указывало на позитивную динамику в двусторонних отношениях.

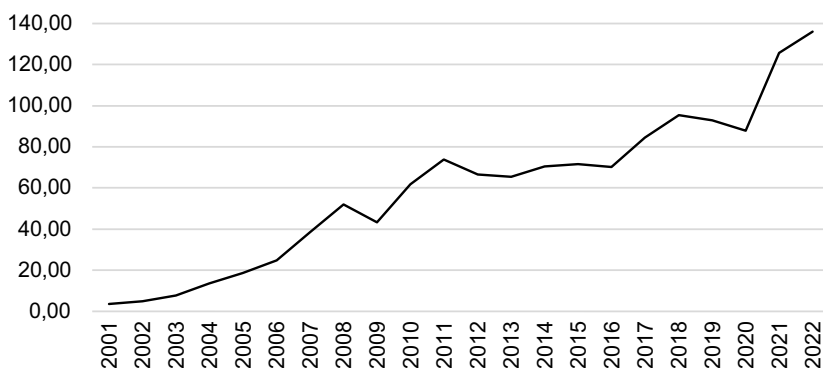
Однако сотрудничество является лишь одним из аспектов китайско-индийских взаимодействий. Оно в основном осуществляется в сферах экономических, торговых и культурных обменов и не связано с политическими вопросами. Что касается территориаль-

³¹ Декларация о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия // Правительство КНР. 23.06.2003. Доступ: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/gongbao/content/2003/content_62251.htm (дата обращения: 15.08.2023). (На кит. яз.)

³² Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Индия // Правительство КНР. 11.04.2005. Доступ: http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64191.htm (дата обращения: 15.08.2023). (На кит. яз.)

ного спора, то дружественная атмосфера, созданная усилиями двух сторон, не всегда выдерживает испытания. В 2008 г. произошла конфронтация между китайскими и индийскими войсками в «Зоне кончика пальца» (англ. Fingertip Area) сиккимского участка границы. В 2013 г. китайские и индийские войска разбили лагерь в долине Тяньнань и в итоге столкнулись друг с другом. В 2014 г. войска двух стран противостояли друг другу в районе Демчок в Чумале на востоке Ладакха в течение 20 дней; в 2017 г. столкновение двух сторон в районе Донгланга продолжалось в течение 72 дней; в 2020 г. военное столкновение произошло в долине Галван, в результате чего с обеих сторон были жертвы, и этот инцидент стал самым интенсивным конфликтом после китайско-индийской пограничной войны 1962 г. Серия столкновений и конфликтов отражает нестабильность в китайско-индийских отношениях и взаимное недоверие.

Таким образом, сотрудничество по широкому кругу вопросов между Китаем и Индией не смогло уравновесить разногласия двух стран по проблеме безопасности. Напротив, конфликт между ними негативно повлиял на их торговое сотрудничество, и объем двусторонней торговли в 2020 г. значительно сократился (рисунок). Это подтверждает выводы ряда исследователей о том, что развитие экономических связей является важной частью национальных интересов, однако оно вторично по сравнению с вопросами обеспечения безопасности [Янь, 2005].

Объем импорта и экспорта Китая в Индию (в млрд долл. США)

Источник: составлено автором на основе данных Национального бюро статистики Китая. Доступ: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 15.08.2023).

Сосуществование сотрудничества и конфронтации является особенностью китайско-индийских отношений. В целях дальнейшей консолидации и развития политических связей между двумя странами, содействия всеобъемлющему и углубленному прагматическому сотрудничеству в различных областях стороны осуществляли обмен визитами на уровне премьер-министров в течение 2013 г., а также опубликовали совместное заявление о видении будущего развития китайско-индийского стратегического партнерства, о его новых институционально-политических рамках. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин официально посетил Индию, а в 2015 г. индийский премьер-министр Нарендра Моди нанес ответный визит в Китай. В 2018 г. лидеры двух стран провели неформальную встречу в Ухане, а в 2019 г. — вторую неформальную встречу в Ченнаи (Индия). В результате этой политики, хотя двусторонние отношения всё еще находятся на низком уровне из-за пограничного конфликта 2020 г., объем взаимной торговли между Китаем и Индией в 2022 г. достиг 135,98 млрд долл. США, увеличившись на 8,4% в годовом исчислении³³. Быстрый рост товарооборота может легко вселить в обывателя оптимизм в отношении будущих контактов между двумя странами, но следует учитывать, что дефицит торгового баланса Индии превысил 100 млрд долл. США. По пограничному вопросу стороны провели 17 раундов переговоров на уровне командиров корпусов, последний раунд состоялся на территории КНР в местечке Мордо/Чушуде 20 декабря 2022 г. Страны договорились поддерживать дипломатический и военный диалог и достичь как можно скорее взаимоприемлемого решения по оставшимся вопросам.

В дополнение к проблеме сотрудничества и конфронтации нельзя забывать о существовании такого важного аспекта китайско-индийских отношений, как конкуренция. Население Китая и Индии составляет более 40% общемирового. По данным Фонда ООН в области народонаселения, численность его в Индии в 2023 г. составила 1,428 млрд человек, что позволяет считать ее первой по данному показателю в мире (Китай теперь занимает второе место)³⁴. Обе страны

³³ India-China trade rises to \$136 billion, trade deficit crosses \$100 billion mark for first time // NDTV Profit. 13.01.2023. Available at: <https://www.ndtv.com/business/india-china-trade-rises-to-136-billion-trade-deficit-crosses-100-billion-mark-for-first-time-3688813> (accessed: 15.08.2023).

³⁴ World Population Dashboard // United Nations Population Fund. Available at: <https://www.unfpa.org/data/world-population-dashboard> (accessed: 15.08.2023).

имеют обширные территории и огромные рыночные перспективы. С быстрым подъемом экономики в этом столетии Индия становится всё более активной на международной арене. Хотя лидеры двух стран неоднократно подчеркивали, что Китай и Индия являются партнерами, на самом деле они жестко конкурируют во многих областях.

По сути, они соперничают за положение в международной иерархии. Нынешний лидер Индии поставил цель повысить статус страны до великой державы [Акарашов, 2017]. Аналогичные устремления присутствуют и у китайского руководства [Турицын, Рау, 2019]. После глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Индия активно участвовала в механизмах сотрудничества G20 и БРИКС и стала развивающейся страной, обладающей значительным глобальным влиянием. Однако всё еще существует разрыв между стремлением Индии к статусу великой державы и его международным признанием.

Во-первых, на глобальном уровне Индия пытается достичь сопоставимого с Китаем влияния в многосторонних институтах. Пекин, например, противодействует попыткам Нью-Дели стать новым постоянным членом Совета Безопасности ООН и участником ГЯП или не оказывает ей содействия в этих вопросах.

Во-вторых, на региональном уровне страны конкурируют за влияние в Южной Азии. С точки зрения Индии, ее лидерство в данном регионе носит оборонительный характер. Когда Китай начал улучшать свои отношения с Бутаном, Индия была обеспокоена этим. Противостояние в регионе Донгланг в 2017 г. было связано не только с территориальными вопросами, но и с претензиями Индии на доминирование в Южной Азии.

В-третьих, Нью-Дели поддерживает расширение американского присутствия в АТР в целях балансирования возросшего китайского влияния. В настоящее время Индия не только является участником Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), но и занимает важное место в «Индо-Тихоокеанской стратегии» США³⁵. Последняя предполагает укрепление стратегического сотрудничества и координации по линии «Вашингтон — Нью-Дели» в ответ на действия Пекина.

³⁵ Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 15.08.2023).

Кроме того, отношение Индии к китайской инициативе «ОПОП» и проекту Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) изменилось в худшую сторону [У, 2018]. Для того чтобы противостоять влиянию КНР, Индия активно продвигает Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМТЭК) и проект «Маусам», в котором доминирует. В то же время после многих лет переговоров Индия решила не присоединяться к Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП). По мнению некоторых исследователей, в Нью-Дели обеспокоены тем, что Китай займет доминирующее положение во ВРЭП. Поскольку Индия рассматривает Южную Азию и Индийский океан как свою сферу влияния, она не хочет дальнейшего усиления позиций Китая в этом регионе [Чэнь и др., 2020]. С точки зрения КНР, Индия напрасно воспринимает двусторонние отношения как игру с нулевой суммой и игнорирует ее усилия по их улучшению [Ye, 2021].

Хотя страны и конкурируют во многих отношениях, в долгосрочной перспективе претензии Китая и Индии на новый международный статус вписываются в системную логику изменения баланса сил, и в этом плане между ними нет строгого противоречия. Китайские элиты демонстрируют преемственность в «индийском вопросе», надеясь, что сотрудничество между двумя странами будет способствовать подъему Азии среди других регионов мира. В то же время укрепление позиций Индии на международной арене в какой-то степени согласуется с предпочтениями Китая по поводу многополярного мира. Кроме того, диверсификация повестки дня при обсуждении международных вопросов, необходимость координации действий в ходе решения глобальных проблем современности в некотором смысле обесценивают конфронтационную логику. Исходя из общих интересов двух сторон, Китай и Индия согласовывают свои действия и сотрудничают в рамках многосторонних и региональных платформ, включая Всемирную торговую организацию, G20, ШОС, Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Китай и Индия являются первым и вторым по величине акционерами АБИИ соответственно³⁶. Помимо этого они

³⁶ Чжунъиньэ ле цянъ сань да гу дун я тоу хан кайци чэнли даоци ши [Китай, Индия и Россия, являясь тремя крупнейшими акционерами АБИИ, запускают «обратный отсчет» до создания банка] // Правительство КНР. 29.06.2015. Доступ: <http://>

также взаимодействуют с другими странами в регионе Индийского океана в целях укрепления межгосударственных связей и совершенствования методов сотрудничества на море для эффективного осуществления операций по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий.

В целом в китайско-индийских отношениях наблюдается больше противоречий, чем в российско-индийских и китайско-российских. Индия и КНР являются и геополитическими соперниками, и международными партнерами. Масштабы экономического сотрудничества между ними постоянно расширяются, но это не означает, что они могут без политических и репутационных издержек постоянно избегать конфликтов, связанных, в частности, с вопросами обеспечения безопасности. Представляется, что модель сосуществования сотрудничества, конфронтации, конкуренции и координации в китайско-индийских отношениях является наиболее отличительной их чертой.

Системный взгляд на треугольник «Россия — Индия — Китай»

Итак, взаимоотношения России, Индии и Китая действительно можно рассматривать в качестве особой подсистемы международных отношений, образующей полноценный стратегический треугольник. Взаимодействия внутри него отличаются особой глубиной и масштабом. Когда речь заходит о любой паре двусторонних отношений, трудно не заметить ее связь с оставшейся вершиной треугольника. Например, Китай и Индия являются стратегическими партнерами России, при этом и Пекин, и Нью-Дели вынуждены учитывать российский фактор в таких общих для них вопросах, как региональная безопасность и борьба с терроризмом. Поддерживая трехсторонние отношения, Россия также может обеспечить платформу для урегулирования китайско-индийских противоречий.

При этом, в отличие от китайско-американо-советского стратегического треугольника, в рамках РИК в целом преобладает логика сотрудничества, а не соперничества. Ярким примером является то, как после китайско-индийского территориального спора 2020 г., Россия предоставила Китаю и Индии необходимую площадку для переговоров. Сначала в июне 2020 г. Москва провела трехстороннюю

видеоконференцию министров иностранных дел, чтобы создать возможность для диалога между Китаем и Индией. Затем российская дипломатия использовала заседание ШОС, состоявшееся в Москве 5 сентября 2020 г., чтобы усадить за стол переговоров министров обороны двух стран, что и было успешно реализовано. После этой встречи обе стороны заявили, что они восстановят мир посредством диалога.

Еще одним важным форматом взаимодействия в рамках треугольника РИК являются трехсторонние встречи на уровне министров иностранных дел. Первая такая встреча состоялась в сентябре 2002 г. На 26 ноября 2021 г. было проведено 18 встреч. Этот механизм стал важной платформой для укрепления взаимопонимания, повышения уровня доверия и расширения сотрудничества.

Формат РИК играет большую роль и в процессе согласования позиций трех стран в рамках БРИКС и ШОС. Россия, Индия и Китай являются самыми крупными экономиками группы БРИКС, обладая и соответствующим геополитическим весом. Их участие в форумах объединения способствует разработке и продвижению совместных инициатив, таких как Новый банк развития и пул условных валютных резервов. Как отметил Андрей Кортунов, научный руководитель и член президиума Российского совета по международным делам, внутри БРИКС есть ядро — РИК, оно заслуживает больших политических инвестиций³⁷. Что касается ШОС, то с момента создания этой организации в июне 2001 г. Индия стремилась стать государством-наблюдателем. При поддержке Москвы и Пекина в 2017 г. она была принята в организацию в качестве полноправного члена³⁸. Будучи постоянными членами ШОС, Россия, Индия и Китай принимают активное участие в решении вопросов безопасности, мирного урегулирования споров и развития экономического сотрудничества в регионе.

В то же время треугольник РИК представляет собой внутренне противоречивую систему взаимоотношений трех стран [Панченко,

³⁷ Кортунов А. Необходимо усиливать сотрудничество РФ, Индии и КНР в рамках БРИКС // РСМД. 04.12.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/neobkhdimo-usilivat-sotrudnichestvo-rf-indii-i-knr-v-ramkakh-briks/?ysclid=lk13xh77iw790039908> (дата обращения: 26.08.2023).

³⁸ Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики // МИД России. 02.02.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1582679/ (дата обращения: 27.08.2023).

2009]. Иными словами, это не равнобедренный треугольник. Китай и Россия поддерживают тесное стратегическое сотрудничество, однако Индия и РФ проявляют недостаточную инициативу в деле укрепления взаимоотношений, а двусторонний товарооборот всё ещё очень невелик. Китайско-индийские отношения представляют наиболее сложный узел противоречий и остаются на низком уровне: дефицит взаимного доверия между двумя странами в стратегической сфере, торговые диспропорции, территориальные споры, пакистанский фактор сдерживают развитие полноценного и широкоформатного политического диалога между. В треугольнике РИК роль экономического фактора значительно возросла, однако экономическое сотрудничество зачастую ставится в зависимость от военно-политических императивов.

Можно заключить, что модель развития российско-индийско-китайских трехсторонних отношений не согласуется с теоретическими моделями М. Уайта и Л. Диттмера. Россия находится в более благоприятном положении в треугольнике и одновременно поддерживает стратегическое партнерство с Китаем и Индией. Однако китайско-индийские отношения не являются взаимоисключающими. В условиях глобализации необходимость решения множества проблем сводит на нет вероятность полномасштабного противостояния между любыми двумя игроками. Модель треугольника «СССР — Китай — США», разработанная в период холодной войны, акцентирует внимание на соперничестве между тремя странами, в то время как «треугольные отношения» между Россией, Индией и Китаем больше ориентированы на сотрудничество и согласование позиций. Следовательно, теория стратегических трехсторонних отношений между Китаем, Соединенными Штатами и Советским Союзом не совсем подходит для анализа трехсторонних отношений между Россией, Индией и КНР. Существует необходимость пересмотреть имеющуюся теоретическую модель и создать новую для анализа трехсторонних отношений в стратегическом треугольнике РИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акарашов И.С. Является ли Индия великой державой? // *Международные отношения*. 2017. № 4. С. 80–86. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24797.
2. Валуева И.А., Коновалова Ю.А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии // *Вестник*

Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 1. С. 28–37. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37.

3. Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001.

4. Воробьёва Т.А., Юнгблуд В.Т. Взаимоотношения в треугольнике США — СССР — КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1. С. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.

5. Галенович Ю.М. Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов? М.: Русская панорама, 2006.

6. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2.

7. Куприянов А.В. Сотрудничество России и Индии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях санкций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 117–135. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-06.

8. Ли Г. И чжун чжэнчан дэ чжань люэ хобань гуаньси — Э инь чжань люэ хэцзо дэ чэнсяо юй цянъцзин [Эффективность и перспективы нормального стратегического партнерства — стратегического сотрудничества России и Индии] // Э ло сы янь цзю. 2012. № 4. С. 43–66. (На кит. яз.)

9. Лукин А.Л., Губин А.В. Стратегический треугольник России, Китая и Японии: история, современность и возможное будущее // Японские исследования. 2021. № 4. С. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112.

10. Мэн Х. Дунъя чжи сюй лунь ди цюй бян дун ли лян бо и юй чжун го люэ [Теория восточноазиатского порядка: региональные изменения, силовые игры и стратегия Китая]. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2015. (На кит. яз.)

11. Панченко М.Ю. Управление АТР на примере «стратегического треугольника Россия — Индия — Китай»: межпарадигмальный подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 21. С. 1–10.

12. Песцов С.К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 51–63.

13. Погодин С.Н., Тараканова Т.С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 77–85. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85.

14. Рау И. Взлет Индии под руководством Наре[н]дры Моди // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 150–163.

15. Россия — Китай — Индия: проблемы стратегического партнерства (по материалам совместной конференции ИДВ и ИВ РАН, 29 ноября — 1 декабря 1999 г., Москва). Вып. 7 / Отв. за вып. В.С. Мясников. М., 2000.

16. Ся Л. Дан дай го цзи гуань си чжун дэ сань цзяо гуань си: чао юе цзюнь ши ли нянь [Трехсторонние отношения в современных международных отношениях: за пределами концепции равновесия] // Ши цзе цзин цзи юй чжэн чжи. 2002. № 1. С. 17–21. (На кит. яз.)

17. Турицын И.В., Рау И. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 135–159.

18. У Ч. Иньду дуй и дай и лу чанъи дэ личанъи яньхуа юй вэйлай цюйши [Эволюция и будущие тенденции в позиции Индии в отношении инициативы «Пояс и путь»] // Нань я янь цзю. 2018. № 2. С. 24–39. (На кит. яз.)

19. Уянаев С.В. Диалоговый формат «Россия — Индия — Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России // Азия и Африка сегодня. 2022. № 9. С. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2.

20. Уянаев С.В. Россия — Китай — Индия: на пути трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2004. Т. 9. № 9. С. 24–39.

21. Цзян Ч. Чжун мэй мао и мо ца юй чжун — мэй — дун мэн сань цзяо гуань си ху дун [Китайско-американские торговые трения и взаимодействия в рамках трехсторонних отношений «Китай — США — АСЕАН»] // Цюй юй юй цюань цю фа чжань. 2019. № 6. С. 130–152. (На кит. яз.)

22. Чжао Х. Лунь чжун э мэй синь сань цзяо гуань си [О новых трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Соединенными Штатами] // Э ло сы чжун я дун оу янь цзю. 2018. № 6. С. 1–25. (На кит. яз.)

23. Чэнь Л., Чжан Т., Ван Л. Иньду цзай RCEP чжун дэ бо и цзици цзяжу цяньцзин фэньси [Анализ политики Индии по отношению к ВРЭП и перспектив ее присоединения к партнерству] // Нань я дун нань я янь цзю. 2020. № 4. С. 53–76. (На кит. яз.)

24. Яковлев А.Г. Глобальные факторы: «за» и «против» стратегического треугольника // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост. и авт. предисл. С.В. Уянаев. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 121–130.

25. Янь С. Гоцзи чжэнчжи юй чжунго [Международная политика и Китай]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. (На кит. яз.)

26. Яскина Г.С. Россия — Китай — Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 28–38.

27. Ambrosio T. The third side? The multipolar strategic triangle and the Sino-Indian rapprochement // Comparative Strategy. 2005. Vol. 24. No. 5. P. 397–414. DOI: 10.1080/01495930500448863.

28. Changing transatlantic security relations: Do the US, the EU and Russia form a new strategic triangle? / Ed. by J. Hallenberg, H. Karlsson. London: Routledge, 2006.

29. Dittmer L. The Sino-Japanese-Russian triangle // *Journal of Chinese Political Science*. 2005. Vol. 10. P. 1–21. DOI: 10.1007/BF02877005.

30. Dittmer L. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis // *World Politics*. 1981. Vol. 33. No. 4. P. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.

31. Kim I.J. The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union. New York: Paragon House, 1987.

32. Mohan M. The China factor in the India-Pakistan conflict // *Parameters*. 2002. Vol. 33. No. 1. P. 35–50. DOI: 10.55540/0031-1723.2134.

33. Shambaugh D. The new strategic triangle: US and European reactions to China's rise // *The Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. No. 3. P. 5–25. DOI: 10.1162/0163660054026470.

34. Singh S. Political and strategic dimensions of India-Russia relations in present scenario // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. Vol. 6. No. 8. P. 1232–1239.

35. Wight M. *Systems of states*. Leicester: Leicester University Press, 1977.

36. Ye H. Perception of identity, perception of relationship and strategic interaction: An analysis of China-Indian border disputes from the perspective of game theories // *East Asian Affairs*. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1142/S2737557921500030.

37. Zha D. The Asian-American triangle and beyond // *International Studies Review*. 2001. Vol. 3. No. 3. P. 117–126. DOI: 10.1111/1521-9488.00247.

REFERENCES

1. Akarashov I.S. 2017. Yavlyaetsya li Indiya velikoi derzhavoi? [Is India a great power?]. *International Relations*, no. 4, pp. 80–86. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.4.24797. (In Russ.)

2. Valueva I.A., Konovalova Yu.A. 2018. Voennno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo dvukh regional'nykh derzhav: novye vyzovy dlya Rossii i Indii [Military and technical cooperation of two regional leaders: New challenges for Russia and India]. *RUDN Journal of Economics*, vol. 26, no. 1, pp. 28–37. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-28-37. (In Russ.)

3. Verchenko A.L. 2020. Prodvizhenie Kitaem idei 'soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva' [China's promotion of the idea of 'community of common destiny for mankind']. *East Asia: Facts and Analytics*, no. 1, pp. 6–18. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10001. (In Russ.)

4. Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. Vzaimootnosheniya v treugol'nike SShA — SSSR — KNR v kontse perioda razryadki mezhdunarodnoi napryazhenosti (1977–1980 gg.) [Relations within 'triangle' USA — USSR — China at the

end of détente (1977–1980)]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1, pp. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82. (In Russ.)

5. Galenovich Yu.M. 2006. *Rossiya — Kitai — Amerika. Ot sopernichestva k garmonii interesov?* [Russia — China — America. From rivalry to harmony of interests?]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)

6. Degterev D.A., Ramich M.S. 2021. Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoi politike [Strategic triangles and balancing in world politics]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2. (In Russ.)

7. Kupriyanov A.V. 2019. Sotrudnichestvo Rossii i Indii v Indo-Tikhookeanskoy regione v usloviyakh sanktsii [Russian and Indian cooperation in the Indo-Pacific region in the context of sanctions]. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 117–135. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-06. (In Russ.)

8. Li G. 2012. I chzhun chzhengan de chzhan' lyue khoban' guan'si — E in' chzhan'lyue khetszo de chensyao yui tsyan'tszin [Effectiveness and prospects of a normal strategic partnership — Strategic cooperation between Russia and India]. *E lo sy yan' tszyu*, no. 4, pp. 43–66. (In Chinese.)

9. Lukin A.L., Gubin A.V. 2021. Strategicheskii treugol'nik Rossii, Kitaya i Yaponii: istoriya, sovremennost' i vozmozhnoe budushchee [The strategic triangle of Russia, China and Japan: History, present, and possible future]. *Japanese Studies in Russia*, no. 4, pp. 94–112. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-94-112. (In Russ.)

10. Men Kh. 2015. *Du'ya chzhi syui lun' di tsyui byan' dun li lyan bo i yui chzhun go lyue* [The theory of the East Asian order: Regional changes, power games and China's strategy]. Shanghai, Shangkhaikoe narodnoe izdatel'stvo Publ. (In Chinese.)

11. Panchenko M.Yu. 2009. Upravlenie ATR na primere 'strategicheskogo treugol'nika Rossiya — Indiya — Kitai': mezhpardigmal'nyi podkhod [Management of the Asia-Pacific region on the example of the 'strategic triangle Russia — India — China': An inter-paradigm approach]. *Public Administration E-Journal*, no. 21, pp. 1–10. (In Russ.)

12. Pestsov S.K. 2017. Rossiya i Kitai: vospriyatie drug druga i perspektivy sotrudnichestva [Russia and China: The perception of each other and the prospects for cooperation]. *Russia in the Global World*, no. 11 (34), pp. 51–63. (In Russ.)

13. Pogodin S.N., Tarakanova T.S. 2021. Vneshnepoliticheskie interesy Rossiiskoi Federatsii v Tsentral'noi Azii [Foreign policy interests of the Russian Federation in Central Asia]. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 2 (36), pp. 77–85. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (In Russ.)

14. Rau I. 2019. Vzlet Indii pod rukovodstvom Nare[n]dry Modi [Rise of India under the leadership of Narendra Modi]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 5, pp. 150–163. (In Russ.)

15. Myasnikov V.S. (ed.). 2000. *Rossiya — Kitai — Indiya: problemy strategicheskogo partnerstva (po materialam sovmestnoi konferentsii IDV i IV RAN, 29 noyabrya — 1 dekabrya 1999 g., Moskva)*. Vyp. 7 [Russia — China — India: Problems of strategic partnership (based on the materials of the joint conference of IFES RAS and IOS RAS, November 29 — December 1, 1999, Moscow). Iss. 7]. Moscow. (In Russ.)

16. Sya L. 2002. Dan dai go tsi guan' si chzhun de sa' tszyao guan' si: chao yue tszyun' shi li nyan' [Trilateral relations in modern international relations: Beyond the concept of equilibrium]. *Shi tsze tszin tsi yui chzhen chzhi*, no. 1, pp. 17–21. (In Chinese.)

17. Turitsyn I.V., Rau I. 2019. 'Kitaiskaya mechta' o velikom vrozozhdenii natsii i vneshnyaya politika KNR epokhi Si Tszin'pina (2012–2018 gg.) ['Chinese dream' on the great revival of the nation and the foreign policy of the People's Republic of China of the epoch of Xi Jinping (2012–2018-ies)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 1, pp. 135–159. (In Russ.)

18. U Ch. 2018. In'du dui i dai i lu chan' i de lichen' yan'khua yui veilai tsiuishi [Evolution and future trends in India's position on the Belt and Road Initiative]. *Nan' ya yan' tszyu*, no. 2, pp. 24–39. (In Chinese.)

19. Uyanaev S.V. 2022. Dialogovyi format 'Rossiya — Indiya — Kitai': kitaiskii faktor, tekushchie perspektivy, zadachi Rossii ['Russia — India — China' dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia]. *Asia and Africa Today*, no. 9, pp. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2. (In Russ.)

20. Uyanaev S.V. 2004. Rossiya — Kitai — Indiya: na puti trekhstoronnego vzaimodeistviya [Russia — China — India: On the path towards trilateral cooperation]. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 9, no. 9, pp. 24–39. (In Russ.)

21. Tszyan Ch. 2019. Chzhun mei mao i mo tsa yui chzhun — mei — dun men san' tszyao guan' si khu dun [Sino-American trade tensions and interactions within the framework of the China — USA — ASEAN trilateral relations]. *Tsyui yui yui tsiuan' tsiu fa chzhan'*, no. 6, pp. 130–152. (In Chinese.)

22. Chzhao Kh. 2018. Lun' chzhun e mei sin' san' tszyao guan' si [New trilateral relations between China, Russia and the United States]. *E lo sy chzhun ya dun ou yan' tszyu*, no. 6, pp. 1–25. (In Chinese.)

23. Chen' L., Chzhan T., Van L. 2020. In'du tszai RCEP chzhun de bo i tszitsi tszyazhu tsiyan'tszin fen'si [Analysis of India's policy towards RCEP and its prospects for joining the partnership]. *Nan' ya dun nan' ya yan' tszyu*, no. 4, pp. 53–76. (In Chinese.)

24. Yakovlev A.G. 2004. Global'nye faktory: 'za' i 'protiv' strategicheskogo treugol'nika [Global factors: 'For' and 'against' the strategic triangle]. In: Uyanaev S.V. (ed.). *Vzaimodeistvie Rossii, Indii i Kitaya v XXI v.: problemy, perspektivy, napravleniya* [Interaction of Russia, India and China in the 21st century: Problems, prospects, trends]. Moscow, IDV RAN Publ., pp. 121–130. (In Russ.)

25. Yan' S. 2005. *Gotszi chzhenchzhi yui chzhungo* [International politics and China]. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta Publ. (In Chinese.)
26. Yaskina G.S. 2003. Rossiya — Kitai — Indiya: perspektivy trekhstoron-nego sotrudnichestva [Russia — China — India: Prospects for trilateral cooperation]. *Far Eastern Affairs*, no. 1, pp. 28–38. (In Russ.)
27. Ambrosio T. 2005. The third side? The multipolar strategic triangle and the Sino-Indian rapprochement. *Comparative Strategy*, vol. 24, no. 5, pp. 397–414. DOI: 10.1080/01495930500448863.
28. Hallenberg J., Karlsson H. (eds.). 2006. *Changing transatlantic security relations: Do the US, the EU and Russia form a new strategic triangle?* London, Routledge.
29. Dittmer L. 2005. The Sino-Japanese-Russian triangle. *Journal of Chinese Political Science*, vol. 10, pp. 1–21. DOI: 10.1007/BF02877005.
30. Dittmer L. 1981. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis. *World Politics*, vol. 33, no. 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.
31. Kim I.J. 1987. *The strategic triangle: China, the United States and the Soviet Union*. New York, Paragon House.
32. Mohan M. 2002. The China factor in the India-Pakistan conflict. *Parameters*, vol. 33, no. 1, pp. 35–50. DOI: 10.55540/0031-1723.2134.
33. Shambaugh D. 2005. The new strategic triangle: US and European reactions to China's rise. *The Washington Quarterly*, vol. 28, no. 3, pp. 5–25. DOI: 10.1162/0163660054026470.
34. Singh S. 2013. Political and strategic dimensions of India-Russia relations in present scenario. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 6, no. 8, pp. 1232–1239.
35. Wight M. 1977. *Systems of states*. Leicester, Leicester University Press.
36. Ye H. 2021. Perception of identity, perception of relationship and strategic interaction: An analysis of China-Indian border disputes from the perspective of game theories. *East Asian Affairs*, vol. 1, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.1142/S2737557921500030.
37. Zha D. 2001. The Asian-American triangle and beyond. *International Studies Review*, vol. 3, no. 3, pp. 117–126. DOI: 10.1111/1521-9488.00247.

Статья поступила в редакцию 03.01.2023; одобрена после
рецензирования 28.07.2023; принята к публикации 22.01.2024

The paper was submitted 03.01.2023; approved after reviewing 28.07.2023;
accepted for publication 22.01.2024

Ли Цянь*

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЯ В ООН: ОСОБЕННОСТИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В последние годы Китай энергично укрепляет свой международный авторитет, шаг за шагом создавая свой образ как ответственной великой державы. Одним из ярких проявлений этих усилий стало активное включение Китая в миротворческую деятельность под эгидой Организации Объединенных Наций. В настоящее время среди постоянных членов Совета Безопасности ООН КНР является крупнейшим поставщиком контингентов для операций по поддержанию мира (ОПМ) ООН и вторым крупнейшим донором по объему их финансирования. В то же время политика миротворчества Пекина сталкивается с целым рядом эндогенных и экзогенных рисков и вызовов, которые остаются еще недостаточно отраженными и нуждаются в дополнительном изучении. В первой части статьи рассмотрены ключевые этапы развития подходов КНР к вопросам миротворчества. Показано, что в то время как все прочие члены Совета Безопасности ООН постепенно сокращают численность контингентов и долю взносов на миротворческую деятельность под эгидой ООН, Китай, наоборот, последовательно наращивает объемы поддержки миротворческих операций. Во второй части статьи проанализированы современные тенденции и перспективы развития миротворческой деятельности КНР. Автор подчеркивает, что Китай не только активно встраивается в существующие миротворческие механизмы и инициативы ООН, но и предлагает собственные оригинальные концептуальные подходы к решению проблем миротворчества и миростроительства. Особого внимания в этом контексте заслуживает предложенная китайскими исследователями концепция «мира через развитие». В то же время, как показано в третьей

* Ли Цянь — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liqianaoliya@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1374-541X).

** Статья подготовлена при поддержке Стипендиального совета Китая (CSC).

части исследования, данная деятельность КНР сталкивается с целым рядом проблем и вызовов. Автор отмечает, что вклад Пекина в эту сферу и международное признание его усилий весьма асимметричны. К этому следует добавить активные попытки западных стран дискредитировать политику КНР в области миростроительства посредством продвижения нарративов об исключительной эгоистичности китайских инициатив и о стремлении Китая с помощью миротворчества добиться для себя односторонних преимуществ в тайваньском вопросе. Оценивая перспективы развития миротворческой деятельности КНР в этих условиях, автор подчеркивает необходимость углубления сотрудничества с различными региональными организациями, более активного использования инструментария публичной дипломатии и совершенствования законодательной базы миротворчества в самом Китае.

Ключевые слова: Китай, Организация Объединенных Наций, миротворческая деятельность, миростроительство, операции по поддержанию мира, мир через развитие

Для цитирования: Ли Цянь. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 4. С. 142–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172.

Li Qian

CHINA'S PEACEKEEPING ACTIVITIES WITHIN THE UN: FEATURES, CHALLENGES, AND PROSPECTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In recent years, China has been vigorously strengthening its international authority, consistently building its image as a responsible great power. One of the vivid manifestations of these efforts has been China's active involvement in peacekeeping activities under the auspices of the United Nations. Currently, among the permanent members of the UN Security Council, China is the largest supplier of contingents for UN peacekeeping operations and the second largest donor of financing for these operations. At the same time, the PRC's peacekeeping policy faces a number of endogenous and exogenous risks and challenges that remain somewhat understudied. The first section of the paper examines

the key stages in the development of the PRC's approaches to peacekeeping. It is shown that while all other members of the UN Security Council are gradually reducing the number of contingents and cutting funding to UN peacekeeping activities, China, on the contrary, is consistently increasing its support for UN peacekeeping operations. The second section identifies current trends and prospects for the development of China's peacekeeping activities. The author emphasizes that China is not only actively engaging into the existing UN peacekeeping mechanisms and initiatives, but also offers its own original conceptual approaches to address the challenges related to peacemaking and peacebuilding. The concept of 'developmental peace' proposed by Chinese researchers is of particular interest in this context. At the same time, as shown in the third section, this activity of the PRC faces a number of problems and challenges. The author notes that China's objective contribution to peacekeeping activities and international recognition of its efforts are actually very asymmetrical. To this should be added the active efforts of Western countries aimed at discrediting the peacekeeping activities of the PRC, manifested in pushing of narratives about the exceptional selfishness of Chinese initiatives and China's desire to achieve unilateral advantages in the 'Taiwan issue' by exploiting peacekeeping agenda. Assessing the prospects for the development of the PRC's peacekeeping activities in these conditions, the author emphasizes the need to deepen cooperation with various regional organizations; increase the use of public diplomacy tools and improve the legislative framework for peacekeeping in China itself.

Keywords: China, United Nations, peacekeeping, peacebuilding, peacekeeping operations, developmental peace

About the author: *Li Qian* — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liqianaoliya@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1374-541X).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a support from the China Scholarship Council (CSC).

For citation: Li Qian. 2023. China's peacekeeping activities within the UN: Features, challenges, and prospects. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 142–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172. (In Russ.)

Обеспечение мира и безопасности — важнейшая задача государств в международных отношениях, при этом ООН остается ключевым инициатором и организатором международной миро-

творческой деятельности. Первая миротворческая миссия ООН — Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП) — была учреждена уже в 1948 г. в целях установления международного контроля над соблюдением перемирия между Израилем и арабскими государствами. Китай, всегда рассматривая ООН как ядро системы международных отношений и наиболее легитимную международную организацию на земле, тем не менее, не сразу стал участвовать в международной миротворческой деятельности под ее эгидой. В 1989 г. Пекин впервые направил персонал для участия в Группе ООН по оказанию помощи в переходный период (ЮНТАГ) в целях поддержки Намибии в обретении независимости от Южной Африки [Чжао, 2006: 195]. Таким образом, история китайского миротворчества довольно непродолжительна, однако его вклад в дело поддержания мира и безопасности в последние два десятилетия очевиден.

Неудивительно, что деятельность КНР в сфере миротворчества стала объектом пристального внимания со стороны академического сообщества. Первое системное исследование, посвященное этой теме, за авторством китайского ученого Л. Чжао было опубликовано в 2010 г. В нем были рассмотрены виды и основные регионы присутствия миротворческих миссий КНР, численность и условия размещения контингентов, а также размеры финансовых взносов в бюджет ООН. Автор пришел к выводу, что участие Китая в миротворческой деятельности ООН является важным способом позиционирования страны в качестве ответственной державы, стремящейся к построению гармоничного мира [Чжао, 2010]. Впоследствии Л. Чжао совместно с С. Гао провел ретроспективный анализ участия КНР в миротворческой деятельности ООН, представил периодизацию развития китайского миротворчества под ее эгидой и изучил опыт китайских полицейских в этой области [Чжао, Гао, 2011: 226–271, 358–397]. В свою очередь японский исследователь Я. Мацуда выделил три этапа в развитии подходов Пекина к операциям ООН по поддержанию мира (ОПМ), в основе которых лежали соответственно международные интересы, «мягкие интересы» самой КНР и, наконец, ее «жесткие интересы» [Matsuda, 2016: 51–53, 59–61]. Эволюция миротворческой деятельности Китая проанализирована и в статье российского исследователя И.А. Зародова, в которой прослежена

трансформация подходов КНР в этой области с 1981 по 2012 г. [Зародов, 2013].

В некоторых исследованиях была предпринята попытка выявить и объяснить разнообразные причины, которые побуждают Китай активизировать свою деятельность в сфере миротворчества. По мнению Я.В. Лексютиной, эта политика КНР позволяет ей при минимальных затратах решать важные внешнеполитические задачи: позиционировать себя в качестве ответственной великой державы, повышать свой международный престиж, расширять глобальное влияние и активизировать участие в глобальном управлении, а также обеспечивать защиту своих интересов в регионах и странах, где находятся миротворческие миссии ООН [Лексютина, 2018: 310]. В докладе Института политики безопасности и развития в Стокгольме (ISDP) отмечено, что участие в ОПМ ООН постепенно становится одним из основных элементов стратегии «мягкой силы» Китая, а его инициативы по поддержанию мира уже позволили улучшить двусторонние и многосторонние отношения со множеством государств. Кроме того, в более широком смысле ненасильственное вмешательство и обращение к дипломатии давали Пекину возможность отчасти развеять негативные стереотипы о китайской угрозе [China's role in UN peacekeeping, 2018: 1–2]. Директор по работе с ООН Международной кризисной группы Р. Гоуэн пришел к выводу, что Пекин применяет прагматичный подход к миротворческой деятельности, а миротворчество для Китая представляет собой одну из немногочисленных областей многостороннего сотрудничества с участием США в то время, когда отношения между двумя державами в большинстве остальных сфер остаются на крайне низком уровне [Gowan, 2020].

Следует отметить, что, по мнению ряда российских исследователей, активное участие КНР в миротворческой деятельности ООН призвано способствовать повышению общей боеготовности китайских вооруженных сил, а также военно-технической модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и расширению потенциала проецирования военной мощи страны за пределами своей территории [Дубровский, Никулин, 2022: 129–130; Дубровский, Худайкулова, 2022].

На фоне роста китайской военной силы всё большее внимание исследователей стали привлекать вопросы изучения военной дипло-

матии КНР [Мосяков и др., 2023]. В 2015 г. издательство Академии национальной обороны НОАК опубликовало две монографии, в которых проводилось теоретическое осмысление концептуальных особенностей китайской политики миротворчества. В монографиях отмечено, что именно миротворческая дипломатия стала важнейшим элементом современной военной дипломатии КНР [Ду и др., 2015; Лу и др., 2015]. Миротворческая деятельность предоставляет китайским и иностранным войскам возможность сотрудничать и обмениваться опытом, придает международному сообществу дополнительный импульс к совершенствованию механизмов предотвращения геноцида, этнических чисток и агрессии, а также создает потенциал для укрепления и развития методов международного взаимодействия в совместных операциях, направленных на недопущение войн и ликвидацию последствий стихийных бедствий¹.

Некоторые исследователи специально фокусируются на изучении теоретических основ китайского миротворчества. Так, Фэн Цзичэн отметил, что включение КНР в миротворческую деятельность ООН способствовало формированию собственной уникальной идентичности Китая в роли миротворца [Фэн, 2012]. По мнению доцента учебного центра полиции КНР по миротворческой деятельности И. Хэ, модель китайского миротворчества может быть описана с помощью концепции «мир через развитие» (发展和平, *Фачжань хэпин, developmental peace*), согласно которой любая страна при условии политической и социальной стабильности и независимо от политической и экономической системы может поддерживать и сохранять мир, если приоритетом ее развития будет экономика [Хэ, 2017: 10]. И. Хэ считает, что основной причиной активного участия Китая в миротворческих делах является стремление интегрироваться в международное сообщество, в котором доминирует Запад. Автор также увязал активизацию участия КНР в миротворческой деятельности с изменениями национальной идентичности [Хэ, 2019].

В целом можно констатировать, что в последние годы интерес к миротворческой деятельности Китая со стороны академического сообщества не только не уменьшается, но, напротив, усиливается.

¹ Sahakyan M.D. China's growing role in peacekeeping: Thoughts and recommendations. // Modern diplomacy. 2017. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2017/04/19/china-s-growing-role-in-peacekeeping-thoughts-and-recommendations/> (accessed: 01.06.2023).

В то же время обзор научной литературы по теме исследования также выявил дефицит работ, посвященных изучению вызовов и перспектив развития китайского миротворчества в современных международно-политических условиях.

Ключевые этапы развития миротворчества КНР

Китайская миротворческая деятельность прошла долгий и трудный путь становления. Трансформация китайской позиции в отношении миротворчества ООН определялась двумя параллельными процессами: эволюцией подходов ООН к решению проблем в сфере миротворчества и изменением восприятия Китаем миротворчества в целом и под эгидой ООН в частности. Пекин постепенно переходил от враждебности и критики ко всё более расширенному участию, от непризнания к проявлению инициативы.

КНР с момента своего образования в 1949 г. и до 1960-х годов не принимала активного участия в работе ООН в связи с внутренними и внешними факторами. С одной стороны, вскоре после окончания Второй мировой войны наступил период холодной войны между США и СССР. Между этими сверхдержавами возникли значительные разногласия и противоречия в политической, экономической и военной областях. Противостояние развернулось и на площадке ООН, включая ее миротворческую деятельность. С другой стороны, в тот период Китай, который только начинал оправляться от 100 лет внешних и внутренних конфликтов, сосредоточился на ликвидации бедности, развитии экономики и стабилизации внутривнутриполитической ситуации. В основу внешней политики нового Китая легли пять принципов мирного сосуществования², и руководство страны было склонно рассматривать миротворчество как вмешательство во внутренние дела суверенных государств. В связи с этим взгляды китайских руководителей на деятельность международных организаций были довольно негативными [Грачиков, 2022: 12].

В 1971 г. Китай восстановил свои законные права и статус в ООН. При этом его отношение к миротворческой деятельности ООН долгое время практически не менялось. Однако в 1978 г. на третьем

² Пять принципов мирного сосуществования — взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование.

Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая был провозглашен путь к реформам и новой открытости КНР. Восстановление членства страны во Всемирном банке и Международном валютном фонде в 1980 г. ознаменовало важный шаг Китая на пути интеграции в мировую экономику. В этом контексте Пекин постепенно изменил свое отношение к миротворческой деятельности ООН и начал принимать в ней ограниченное участие.

В конце 1981 г. китайское правительство заявило о принципиальной поддержке миротворческой деятельности, соответствующей Уставу ООН [Ван, 1995: 101]. В декабре 1988 г. Китай вошел в состав Специального комитета по ОПМ ООН, в 1989 г. впервые принял участие в миротворческой миссии ЮНТАГ под эгидой ООН. Основная задача ЮНТАГ состояла в том, чтобы обеспечить проведение в Намибии свободных и справедливых выборов. Для Китая участие в этой миссии носило как прагматическое, так и символическое значение: вовлеченность Пекина в работу ЮНТАГ продемонстрировала его поддержку не только независимости африканских народов, но и легитимности миротворческих усилий ООН.

После окончания холодной войны и распада биполярной системы мир вступил в новую эру. По мере кардинального изменения международной структуры деятельность ООН также вышла на новый уровень. Количество войн между государствами сократилось, но число конфликтов внутри стран и регионов увеличилось, а сами столкновения приобрели более сложный и комплексный характер, чем во времена биполярного противостояния. По мере быстрого развития экономики Китая и общего повышения его вовлеченности в работу ООН в 1990-е годы на смену прежней политике пришли динамичное развитие китайского миротворчества и активное участие КНР в соответствующей деятельности ООН. Следует отметить, что в апреле 1992 г. китайские военнослужащие инженерных войск численностью 400 человек впервые были включены в контингент Временного органа Организации Объединенных Наций в Камбодже (ЮНТАК), что создало прецедент участия подразделений НОАК в миротворческих операциях ООН³.

³ Байнянь шуңьзянь. Чжунго диичжи «ланькуйбудуй» [Мгновение в столетии. Первые китайские «голубые каски»] // Янши Синьвэнь. 09.04.2021. Доступ: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1696515230651962916&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 01.09.2023). (На кит. яз.)

Эти тенденции получили дальнейшее развитие в XXI в., когда западная модель глобализации столкнулась с новыми вызовами [Бузан, 2014], а влияние развивающихся стран, напротив, стало возрастать [Лю, 2019: 501]. К этому моменту 20 лет проведения «политики реформ и открытости» привели к тому, что в 2007 г. Китай, обойдя Германию, стал третьей по величине экономикой мира, а в 2010 г. поднялся на второе место, которое ранее занимала Япония. В этих условиях важным инструментом международного сотрудничества и продвижения собственных интересов стали для Пекина многосторонняя дипломатия и миротворчество. В 2000 г. председатель КНР Цзян Цзэминь на Саммите тысячелетия ООН заявил, что миротворческая деятельность является важным методом поддержания мира и безопасности во всем мире⁴. Таким образом, в XXI в. китайская политика миротворчества фактически вступила в новую эру.

Действительно, масштабы участия Китая в миротворческой активности и взносы страны на ОПМ ООН значительно возросли (рис. 1). С 2009 г. КНР вышла на первое место среди пяти постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН по численности контингентов, участвующих в миротворческих операциях. При этом с 2019 г. по настоящее время Китай постоянно занимает второе место среди постоянных членов СБ ООН и по объему финансирования ОПМ⁵ (рис. 2).

Следует отметить, что речь идет именно об устойчивой тенденции. С 2000 г. по настоящее время Китай постоянно наращивает поддержку миротворческой деятельности ООН, в то время как Франция, США, Российская Федерация и Великобритания, напротив, постепенно сокращают объемы средств, выделяемых на эти цели (рис. 3).

⁴ Цзяньцзэминь цзай лянхэго цянъяньшоунаохуэйи шан фабяоцзянхуа [Цзянь Цзэминь выступил с речью на Саммите тысячелетия ООН] // CCTV.com. 07.09.2000. Доступ: <https://www.cctv.com/news/china/20000907/2.html> (дата обращения: 01.09.2023). (На кит. яз.)

⁵ Резолюции 73-й сессии (2018–2019 годы) // United Nations. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/73/docs/73res3.shtml> (accessed: 01.09.2023). Фактические ставки взносов на операции по поддержанию мира, установленные на период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г., согласно шкале взносов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в ее резолюции 73/271, и порядку распределения стран по уровням взносов, одобренному Ассамблеей в ее резолюции 73/272.

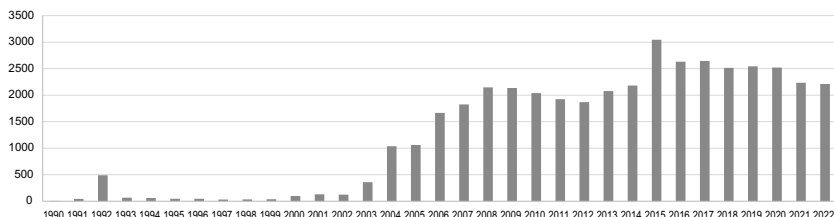

Рис. 1. Количество миротворцев, направленных Китаем в ООН с 1990 по 2022 г.⁶

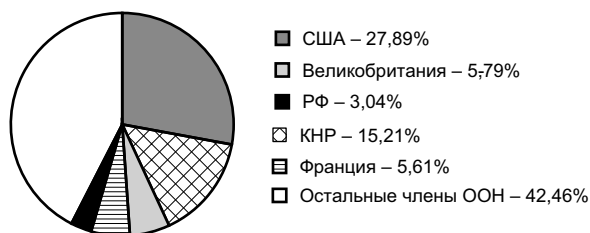

Рис. 2. Начисленные взносы постоянных членов Совета Безопасности на ОПМ ООН в 2020–2021 гг.⁷

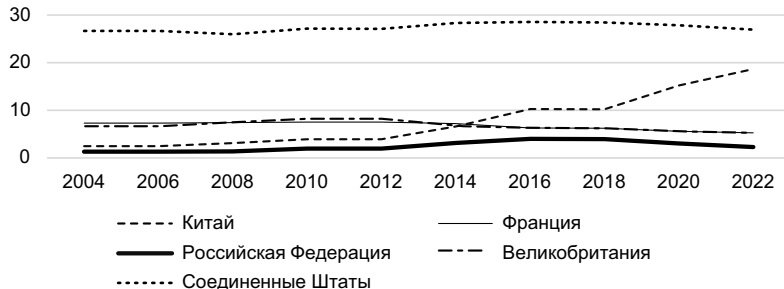

Рис. 3. Фактические ставки взносов постоянных членов Совета Безопасности на ОПМ ООН в 2004–2022 гг.⁸

⁶ Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 01.09.2023).

⁷ How we are funded // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded> (accessed: 01.09.2023).

⁸ Данные рис. 3 основаны на материалах цифровой библиотеки ООН. Доступ: <https://digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=Effective%20rates%20of%20assessment%20for%20peacekeeping%20operations&f=&c=Resource%20Type&c=UN%20Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0> (дата обращения: 01.09.2023).

В начале 2000-х годов Китай отправил полицейских-миротворцев во Временную администрацию ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ), что обозначило новую эпоху участия Пекина в ОПМ. Дело в том, что, как отмечают исследователи, целью данной операции было установление временного правительства, управляемого ООН, что в корне противоречило принципу невмешательства во внутренние дела других государств, которого ранее КНР строго придерживалась и в отношении миротворческой деятельности [China's growing role in UN peacekeeping, 2009].

В то же время китайское правительство осознало необходимость специальной организации под единым военным руководством для участия в миротворческой деятельности. В августе 2000 г. был создан учебный центр миротворческой полиции, в декабре 2001 г. — Департамент по миротворческой деятельности Министерства национальной обороны КНР в целях осуществления единой координации и управления участием НОАК в миротворческих операциях ООН. В июне 2009 г. в Пекине появился миротворческий центр Министерства национальной обороны, который стал заниматься вопросами международного обмена и подготовки кадров для НОАК⁹. Учреждение специальных профильных органов способствовало процессу легитимации китайского миротворчества внутри страны и на международной арене.

В сентябре 2015 г. на саммите ООН по миротворчеству лидер КНР Си Цзиньпин объявил о шести обязательствах страны по поддержке миротворческих операций ООН¹⁰. Тем самым Китай как постоянный член Совета Безопасности ООН заявил о своем стремлении возглавить международные усилия в данной сфере. Эти идеи нашли отражение и в Белой книге, опубликованной в 2020 г. в честь 30-летия миротворческой деятельности Китая в системе ООН.

В октябре 2022 г. Си Цзиньпин был избран на третий пятилетний срок полномочий. На XX Всекитайском съезде Коммунистической

⁹ Чжунгоцзюньдуй цаньцзя лянхэго вэйхэсиньдун 30 нянь [Вооруженные силы Китая: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН]. Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2020. С. 33. (На кит. яз.)

¹⁰ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 28.09.2015. Доступ: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/tztd/QQ13/201512/t20151202_3113379.htm (дата обращения: 01.09.2023).

партии Китая он заявил, что страна будет продолжать усиливать международное сотрудничество в сфере безопасности, активно участвовать в миротворческой деятельности ООН, стремясь играть конструктивную роль в защите мира во всем мире и обеспечении региональной стабильности¹¹. Являясь последовательным сторонником различных инициатив в рамках ООН, глава КНР неоднократно выражал свою решительную поддержку миротворческой деятельности под ее эгидой. Впрочем, в духе традиционной китайской политической практики эти выдвинутые на высшем уровне политические инициативы носили достаточно общий характер [Кашин, 2023: 35].

В целом к настоящему моменту КНР уже уверено заявила о себе как о весьма активном и влиятельном игроке в сфере миротворчества. Подчеркнутое внимание к этому направлению на официальном уровне отразилось и на динамике научных исследований в данной области. Так, в период с 1990-х годов до 2022 г. в китайскую наукометрическую базу China National Knowledge Infrastructure было внесено более 6800 научных статей, содержащих ключевое слово «миротворчество», причем 58,1% из них были опубликованы в течение последних 10 лет.

Особенности китайского миротворчества в рамках ООН на современном этапе

Миротворчество как важная часть китайской внешней политики обладает рядом уникальных особенностей, отличающих его от опыта других стран в этой области.

Прежде всего, как было отмечено, в отличие от большинства других ведущих субъектов международных отношений, Китай не сокращает, а, напротив, увеличивает масштабы финансирования миротворческой деятельности ООН и лидирует среди постоянных членов СБ ООН по численности миротворческих контингентов (рис. 4). До конца 2022 г. Пекин направил 2211 миротворцев для операций ООН, в том числе 2142 военнослужащих, 25 военных экспертов, 4 полицейских и 40 штабных офицеров¹².

¹¹ Полный текст доклада XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // Министерство иностранных дел КНР. Доступ: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjbyzyzz/> (дата обращения: 01.09.2023).

¹² Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 01.09.2023).

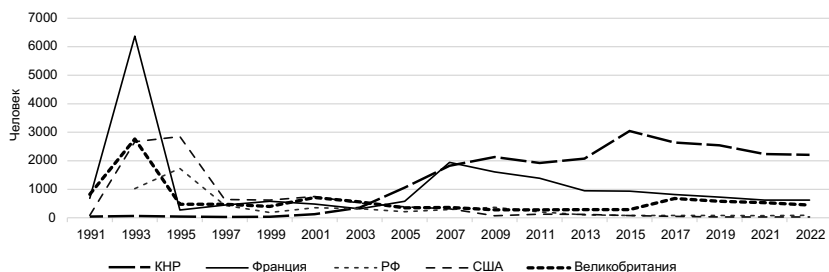

Рис. 4. Количество миротворцев, направленных в ООН постоянными членами Совета Безопасности в 1991–2022 гг.¹³

В сравнении с предыдущими периодами китайское правительство стало выделять больше средств на нужды миротворческой деятельности ООН. Фактическая доля взносов Китая в бюджет ООН на ОПМ в 2001 г. достигала всего 1,9%, а в 2019 г. — уже 15,21%¹⁴, увеличившись, таким образом, почти в семь раз. В целях поддержки африканских стран в повышении их способности к обеспечению мира и стабильности и в соответствии с соглашением с Африканским союзом (АС) о предоставлении безвозмездной военной помощи в размере 100 млн долл. США КНР направила АС партию военной техники и материалов, а также группу военных экспертов для обучения африканского персонала¹⁵.

Эта практика во многом характерна для развивающихся стран в целом, которые из-за ограниченных экономических возможностей оказывают поддержку миротворческим операциям ООН прежде всего посредством предоставления контингентов, в то время как развитые страны основной упор делают на финансовые инструменты. Если в 1990-х годах около 40% миротворческих контингентов были предоставлены развитыми странами, преимущественно ев-

¹³ Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 20.01.2024).

¹⁴ How we are funded // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/260/24/PDF/N1526024.pdf?OpenElement> (accessed: 01.09.2023).

¹⁵ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 28.09.2015. Доступ: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/QQ13/201512/t20151202_3113379.htm (дата обращения: 01.09.2023).

ропейскими, то после событий в Боснии, Руанде и Сомали США, Россия, Великобритания и Франция сократили свое прямое участие в ОПМ ООН¹⁶. В настоящее время эти государства склонны участвовать в миротворческой деятельности вне рамок ООН, например, западные страны во главе с США в основном действуют под эгидой Организации Североатлантического договора (НАТО) или Европейского союза (ЕС), а Россия — в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Основную долю китайских контингентов составляют подразделения материально-технического обеспечения, инженерные, транспортные и медицинские части. Миротворческая деятельность постоянно расширяется от миротворчества к миростроительству. К концу 2020 г. в операциях ООН приняли участие в общей сложности более 40 000 китайских миротворцев, а группа тылового обеспечения построила и отремонтировала 17 000 км дорог, более 300 мостов, перевезла более 6 млн тонн материалов и вылечила более 246 000 больных и раненых¹⁷.

В целях выполнения обещаний китайского руководства, данных в 2015 г. на саммите ООН по миротворчеству, в сентябре 2017 г. в ООН были созданы резервные силы по поддержанию мира численностью 8000 человек; за 5 лет (с 2015 до 2020 г.) было организовано 20 программ профессиональной подготовки по защите гражданского населения с привлечением старших офицеров и инструкторов по миротворческим операциям, военных специалистов миротворческих сил и женщин-миротворцев; подготовлено более 1500 миротворцев из более чем 60 стран мира. В частности, китайские военные подготовили более 300 саперов для Камбоджи, Лаоса, Эфиопии, Судана, Замбии, Зимбабве и других государств. Кроме того, Министерство общественной безопасности Китая обучило более 1000 полицейских из разных стран¹⁸.

¹⁶ Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 11.11.2023).

¹⁷ Чжунгоцзюньдуй цаньцзя лянхэго вэйхэсиньдун 30 нянь [Вооруженные силы Китая: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН]. Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2020. С. 1, 12–13. (На кит. яз.)

¹⁸ Там же. С. 1, 18.

Следует также отметить существенную активизацию политической поддержки со стороны КНР миротворческой и гуманитарной деятельности ООН. В 2007 г. ООН и международное сообщество в целом надеялись организовать миротворческую операцию в Дарфуре (Судан), но столкнулись с возражениями суданского правительства. У западных держав не было эффективных каналов влияния на лидеров Судана из-за ранее введенных санкций. Благодаря общению и консультациям с различными местными силами Китай смог убедить суданское правительство согласиться на проведение Смешанной операции Африканского союза — ООН в Дарфуре (ЮНАМИД) [Хэ, 2017: 14]. На фоне пандемии COVID-19 в 2021 г. китайское правительство объявило, что передаст миротворцам ООН 300 000 доз инаktivированной вакцины против новой коронавирусной инфекции, в первую очередь для использования в районах миссий в Африке¹⁹. Такой шаг призван был показать не только заботу о миротворцах, но и готовность КНР поддерживать миротворческие операции ООН даже в чрезвычайных условиях. Этот вклад Пекина в деятельность ООН высоко оценил председатель 77-й Генеральной Ассамблеи Чаба Кёрёши в ходе своего визита в КНР в феврале 2023 г.²⁰

В этом контексте особенно важно подчеркнуть, что по мере роста своих экономических возможностей и повышения роли в глобальном управлении Китай переходит от пассивного принятия западных подходов и стандартов к активной разработке собственной модели миротворчества. Контурь этой программы попытался обрисовать упоминавшийся ранее китайский исследователь И. Хэ, в 2017 г. предложивший использовать для ее описания концепцию, которую можно перевести как «мир через развитие». Образ «мира через развитие» опирается на два принципа: 1) придерживаться вестфальских норм и не вмешиваться во внутренние дела суверен-

¹⁹ Официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. 22.09.2021. Доступ: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202109/t20210922_9585038.shtml (дата обращения: 01.09.2023).

²⁰ Шай и шай: чжунго чжичи лянхэгошие дэ «чэнцзидань» [Давайте поделимся отчетами о поддержке Китаем дела Организации Объединенных Наций] // Xinhuanet. com 02.02.2023. Доступ: http://www.news.cn/world/2023-02/02/c_1211724568.htm (дата обращения: 25.09.2023). (На кит. яз.)

ных государств; 2) сделать экономическое строительство центром национальной стратегии развития и стимулировать экономику через инвестиции, включая иностранные. Как отметил И. Хэ, страны, в которых проводятся миротворческие операции, часто были ареной затяжных внутренних конфликтов и войн и потому особенно остро нуждаются в помощи внешних сил для восстановления прочного мира [Хэ, 2017: 17].

Если исторически в международных институтах доминировали принципы миротворчества, разработанные западными странами и отражающие их видение мира, то концепция «мира через развитие» является проекцией китайских подходов. В ее основе — энергичные усилия для укрепления экономики и активизации инфраструктурного строительства в целях обеспечения стабильности политического режима и повышения благополучия народа. В свою очередь устойчивое экономическое развитие выступает залогом политической стабильности страны. Таким образом, образуется позитивная связь между национальной стабильностью и экономическим развитием. Концепция «мира через развитие» еще не получила формального признания в теории и практике миротворческой деятельности ООН, однако она постепенно приобретает всё большее влияние по мере укрепления международных политических и экономических позиций Китая.

При этом нельзя не учитывать тот факт, что данная концепция не является панацеей от всех проблем и должна применяться в соответствии с особенностями конкретного конфликта. Как таковой подход Китая к миротворчеству также имеет свои ограничения и сталкивается с целым рядом вызовов.

Китайское миротворчество в ООН: риски и вызовы

Как отмечает доцент МГИМО МИД РФ А.В. Худайкулова, современная активная миротворческая стратегия Китая оказывает растущее влияние на миротворчество ООН в целом. Предоставление в значительных объемах людских контингентов и финансовых средств, а также политическая поддержка миротворческих операций ООН формируют прочную основу для того, чтобы Китай стал новым лидером в этой области, показав на практике, что США — не

единственный и, возможно, не лучший гарант международной стабильности [Khudaykulova, 2019: 429]. Эти обстоятельства объясняют повышенный интерес со стороны исследователей к изучению мотивов и особенностей китайской политики миротворчества. Однако эти же факторы указывают на необходимость и более подробного освещения вызовов и рисков, с которыми сталкивается миротворческая деятельность КНР на современном этапе.

Во-первых, следует отметить серьезные концептуальные расхождения между китайской и западной моделями миротворчества. В последней доминирующее место занимают вопросы ценностей, более того, вокруг них сформирована относительно законченная система миротворческой деятельности. Китай же, как было отмечено, подчеркивает важность уважения политического выбора принимающей страны, делает акцент на проблемах экономического и социального развития как залога укрепления мира и безопасности [Ли, 2012]. По вопросу разрешения конфликтов традиционный подход Пекина заключается в поддержании национального единства и территориальной целостности принимающих государств, в то время как страны Запада предпочитают добиваться снижения уровня насилия посредством разведения противоборствующих сторон [Давид, 2011: 274]. Фактически, выдвигая лозунг «свободы и мира», страны Запада выступают за радикальные изменения и требуют от государств-реципиентов полностью преобразовать свои политические и экономические системы; китайская же концепция «мира через развитие» не предполагает радикальных изменений и иностранного вмешательства, оставляя за каждой страной право самостоятельно определять темпы преобразований в соответствии со своими национальными условиями [Хэ, 2017: 19]. Как отметил российский исследователь М.В. Братерский, западный подход строится на том, что страны-доноры якобы лучше знают, как решать местные проблемы, развивающиеся же страны придерживаются менее догматического взгляда и признают за всеми участниками процесса право на ошибки, а целью миротворчества и разрешения конфликта видят укрепление местной государственности, с тем чтобы власть сама могла обеспечить закон и порядок на своей территории [Братерский, 2018: 157]. С этой точки зрения можно заключить, что китайский подход нацелен на решение вопросов и миротворчества, и миростроительства, однако нуждается в дальнейшей концептуальной проработке и уточнении.

Во-вторых, отдельно следует отметить, что КНР сталкивается с новыми вызовами, в том числе в области миротворчества, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В последние годы обстановка в АТР стала более сложной и изменчивой, что привело к возникновению серьезных проблем в области создания механизмов безопасности. Эти проблемы включают конкуренцию между государствами или коалициями, наличие острых региональных конфликтов и появление новых вызовов международной стабильности.

В связи с этим в 2017 г. Министерство иностранных дел КНР опубликовало специальный программный документ под названием «Политика сотрудничества Китая в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», где подчеркивается значение диалога в процессе построения нового типа международных отношений²¹. В 2023 г. было опубликовано «Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». В нем подчеркивается, что Россия и Китай привержены строительству равноправной, открытой и инклюзивной, не направленной против третьих стран системы безопасности в АТР в целях поддержания мира, стабильности и благополучия в регионе²². Миротворчество как политическое средство играет важную роль в урегулировании и разрешении конфликтов и в обеспечении регионального мира и стабильности. Будучи крупной страной и лидером экономического роста в АТР, Китай должен продемонстрировать ответственную позицию в осуществлении международной миротворческой деятельности и расширить сферу охвата международных миротворческих операций.

В этом отношении особенно перспективным представляется расширение сотрудничества в области миротворчества с различными региональными и субрегиональными организациями. В последние

²¹ Чжунго дэ ятайаньцюань чжэнцэ [Политика сотрудничества Китая в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе] // Министерство иностранных дел КНР. Доступ: http://newyork.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zfxgk_674865/gknrlb/tywj/zcwj/201701/t20170111_9869230.shtml (дата обращения: 12.10.2023).

²² Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Российская газета. 21.03.2023. Доступ: <https://rg.ru/2023/03/21/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr-ob-uglublenii-otnoshenij-vseobemliushchego-partnerstva-i-strategicheskogo-vzaimodejstviia-vstupaiushchih-v-novuiu-epohu.html> (дата обращения: 12.10.2023).

десятилетия АС, СНГ, ОДКБ, Западноафриканское сообщество (ЗАС) и другие объединения решительно поддерживали миротворческие операции ООН. Региональные организации обладают множеством преимуществ в урегулировании и разрешении конфликтов: географическая близость, тесные экономические, политические, исторические и культурные связи на местах, быстрая реакция в случае кризиса, возможность воздействовать на конфликтующие стороны с помощью политических средств. Всё это отвечает потребностям развития международных миротворческих усилий на современном этапе в целом и способствует снижению нагрузки на ООН в условиях увеличения количества региональных конфликтов. Это особенно важно для деятельности КНР в АТР, поскольку открывает новые возможности для развития каждой отдельной страны.

Сотрудничество Китая с региональными организациями включает финансовую поддержку их миротворческой деятельности, обучение миротворцев вместе с ЕС и другие меры. Вместе с тем в современных условиях на повестку дня выходят вопросы качественного углубления этого взаимодействия, подключения к нему новых акторов, таких как, например, Китайский фонд Красного Креста (КФКК) и Китайский фонд борьбы с бедностью (КФББ).

В-третьих, следует отметить противоречие между завышенными ожиданиями ООН от Китая и сохраняющимися и даже нарастающими подозрениями и критическими высказываниями в его адрес.

Так, миротворческие миссии ООН сталкиваются с проблемами с финансированием из-за несвоевременной выплаты и сокращения взносов стран-членов [Mir, 2019]. На этом фоне, как было отмечено, только Китай последовательно наращивает поддержку миротворческой деятельности ООН. Причем помимо добросовестного выполнения прямых миротворческих задач, поставленных ООН, китайские миротворцы также оказывают жителям принимающих стран посильную дополнительную помощь, тем самым улучшая взаимодействие с местным населением.

Однако в условиях продолжающегося роста мощи и укрепления международного статуса КНР некоторые государства рассматривают его как потенциальную угрозу и активно критикуют все его внешнеполитические инициативы. Китайское миротворчество не стало исключением. Западные страны и СМИ приуменьшают вклад Пекина в деятельность ООН по поддержанию мира и видят в миро-

творческих операциях Китая исключительно корыстные мотивы. В основном критика сосредотачивается на следующих сюжетах.

Стремление к эгоистичному отстаиванию «зарубежных интересов». Одной из основных проблем, с которой КНР сейчас сталкивается, является, безусловно, защита своих экономических интересов за рубежом. Китай покупает большую часть своих энергоресурсов на Ближнем Востоке и в Африке, что во многом и объясняет его активное участие в миротворческих операциях в этих регионах²³. Китайская стратегия действительно во многом основана на прагматизме в обеспечении своих интересов [Khudaykulova, 2019].

Миротворчество как одно из важных направлений внешней политики и военной дипломатии подчинено общей национальной стратегии и может приносить как политические, так и сугубо практические дивиденды. Однако изучение политики Пекина в отношении миротворческой деятельности ООН требует всестороннего анализа его дипломатической стратегии в контексте глобализации и растущего международного авторитета страны, а также изменяющейся внутри- и внешнеполитической среды. Действительно, только при условии обеспечения безопасности и стабильности в зоне конфликта можно говорить о национальных экономических интересах. При этом называть стремление к получению экономических выгод единственной причиной участия КНР в ОПМ ООН было бы всё-таки неправильно.

Китай развернул значительное количество миротворческих контингентов в конфликтных регионах, бедных природными ресурсами, таких как Дарфур, Ливан и др. Это свидетельствует о том, что отношение Пекина к миротворчеству выходит за рамки узко понимаемого прагматичного подхода [Khudaykulova, 2019: 426]. В Южном Судане китайские миротворческие силы обучают местное население сельскохозяйственным технологиям и раздают сельхозинструменты и семена, чтобы помочь улучшить сельскохозяйственное производство; в Демократической Республике Конго они установили отношения сотрудничества с «Международной детской деревней» в городе Букаву, местные дети называют китайских женщин-миро-

²³ Sahakyan M.D. China's growing role in peacekeeping: Thoughts and recommendations // Modern diplomacy. 2017. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2017/04/19/china-s-growing-role-in-peacekeeping-thoughts-and-recommendations/> (accessed: 01.06.2023).

творцев «китайскими матерями». Кроме того, в целях углубления дружественных отношений с местным населением миротворцы из десяти стран, включая Китай, Италию, Ирландию, Польшу и Южную Корею, провели мероприятия по культурному обмену в городе Туге Ливана²⁴.

Следует отметить, что возросшая поддержка Китаем миротворческих операций ООН в Африке отчасти объясняется относительным безразличием стран Запада к этому вопросу [Хэ, 2017]. Например, на 30 ноября 2023 г. под руководством Департамента миротворческих операций проводится 11 миссий, а Соединенные Штаты направляют для участия в них лишь 27 человек²⁵. Безусловно, этого недостаточно. При этом более широкая вовлеченность Китая в миротворческие операции в Африке отвечает общему курсу ООН, направленному на сосредоточение внимания на проблемах этого региона. В настоящий момент подавляющее большинство миротворческих миссий ООН развернуты именно в Африке²⁶: по официальным данным, на них приходится 90,3% всех средств ООН, выделенных на эти нужды²⁷.

«Тайваньский вопрос». Западные страны усматривают в миротворческих усилиях КНР стремление добиться для себя односторонних преимуществ в решении «тайваньского вопроса». Действительно, миротворческая деятельность Китая мотивирована разнообразными интересами, включающими как создание благоприятного имиджа страны и проведение подлинно многосторонней политики, так и поиск ответов на традиционные вызовы, среди которых особое место занимает проблема Тайваня. Однако в последние годы КНР придерживается в этом вопросе последователь-

²⁴ Ляньхэго вэйхэсиндун 75 чжоунянь. Вайцзяюу: чжунго цзянъи шицзисин-лун вэй шицзе хэинъ юй фацжанъ гунсянь гэндалилян [75-я годовщина операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. Министерство иностранных дел КНР: Китай практическими действиями будет вносить больший вклад в мир и развитие во всем мире] // Sohu.com 13.10.2023. Доступ: https://www.sohu.com/a/728152418_115239 (дата обращения: 12.10.2023). (На кит. яз.)

²⁵ Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 17.10.2023).

²⁶ Where we operate // United National Peacekeeping. 28.06.2023 Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (accessed: 28.09.2023).

²⁷ Шкала взносов для распределения расходов на операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира: A/73/350/Add.1 // Система официальной документации ООН. 24.12.2018. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/461/93/PDF/N1846193.pdf?OpenElement> (accessed: 20.01.2024).

закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» был опубликован еще в июне 1995 г.²⁹ В Китае аналогичный или схожий по предмету регулирования документ пока отсутствует.

Еще одной проблемой можно назвать недостаточную освещенность миротворческой деятельности КНР, в том числе внутри страны.

Наконец, существует заметная асимметрия между масштабами участия Китая в миротворческой деятельности и дивидендами от нее. Страна внесла и продолжает вносить большой вклад в миротворческие операции ООН, но ее представители, за редким исключением, не занимают важных должностей в соответствующих структурах ООН. В настоящее время ключевые позиции в них контролируются западными державами.

Перспективные направления развития миротворческой деятельности КНР

Несмотря на то что Китай сравнительно недавно присоединился к миротворческой деятельности ООН, он уже стал важным актором в этой сфере. Однако до сих пор его активность в миротворческих делах включала в основном политическую поддержку и ограниченное предоставление людских и материальных ресурсов. В вопросах определения международной повестки миростроительства и продвижения ее китайской модели страна еще не продемонстрировала свой потенциал в полной мере. Это говорит о необходимости более активного продвижения китайской миротворческой деятельности посредством инструментов публичной дипломатии. В этом контексте КНР может использовать по-настоящему широкий спектр каналов и средств, включая PR-дипломатию (*public relation diplomacy*), находящуюся под непосредственным контролем правительства; медийную дипломатию, осуществляемую СМИ, а также гуманитарную дипломатию, находящуюся в ведении Департамента образования

²⁹ Федеральный закон от 23.06.1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8002> (дата обращения: 12.10.2023).

и культуры [Хань, 2012: 161]. Все эти каналы при правильном использовании позволят укрепить и развить потенциал миротворчества в качестве инструмента «мягкой силы» КНР, показывая ее активную роль в миротворческой деятельности и рассказывая о ее успехах международной аудитории. Это особенно важно в контексте противостояния недружественным нарративам, которые исходят от западных стран и компрометируют миротворческие инициативы КНР, и оперативного реагирования на распространение дезинформации о китайском миротворчестве.

Решение этих задач невозможно без соответствующего усовершенствования правовой базы миротворческой деятельности. Встает вопрос о необходимости разработать специальные законы о миротворчестве для разъяснения его целей, принципов и механизмов, с тем чтобы обеспечить четкую юридическую основу участия Китая в международных миротворческих инициативах и при этом защитить права и интересы миротворцев.

Говоря о взаимодействии с региональными организациями, отдельно стоит обратить внимание на потенциал Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Ее механизмы пока не включают в повестку дня участие в миротворческих операциях ООН, однако это не исключает возможности расширения диалога в области решения региональных проблем, таких как борьба с «тремя силами зла» в Центральной Азии [Малышев, 2021: 92]. Россия и Китай как постоянные члены СБ ООН, обладающие солидными финансовыми, военными и военно-техническими ресурсами, могли бы способствовать превращению ШОС в полноценное региональное сообщество поддержания мира и безопасности [Барский, 2015] и расширению функциональных возможностей организации в сфере миротворчества.

Для КНР укрепление сотрудничества с ШОС за счет совершенствования миротворческих механизмов в условиях возрастающей роли регионализма в международных отношениях и усиления взаимозависимости глобальной и региональной систем безопасности открыло бы новые возможности для стабилизации обстановки в ключевых для развития страны регионах. Со вступлением в ШОС Ирана и Белоруссии географический охват и сфера компетенций данной организации распространятся не только на Азию, но также на Ближний Восток и Восточную Европу. Именно Китай с его за-

интересованностью в расширении своего участия в миротворческой деятельности может предоставлять финансовую, техническую, материальную, кадровую и экспертную поддержку для создания механизма миротворчества в рамках ШОС.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в сфере миростроительства Китай сталкивается в настоящий момент с достаточно сложной дилеммой. С одной стороны, ему по-прежнему необходимо придерживаться основных принципов миротворческой деятельности ООН и в полной мере использовать свои преимущества в традиционных областях. С другой стороны, всё более очевидной становится необходимость выйти за пределы нынешней модели участия в миротворчестве, которая не позволяет реализовать все возможности, конкурентные преимущества и амбиции КНР. Это тем более важно, что в свете изменяющейся глобальной политической обстановки миротворчество как средство ООН по поддержанию мира и безопасности будет приобретать всё большую значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барский К.М. Перспективы участия ШОС в миротворческой деятельности, предотвращении и урегулировании конфликтов // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 94–101. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-94-101.
2. Братерский М.В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. № 1. С. 157–170. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-09.
3. Бузан Б. Хуашидай биань чжун дэ дагогуаньси [Отношения крупных государств в эпоху радикальных перемен] // Шицзе чжэнцжи яньцзю. 2014. № 1. С. 20–23. (На кит. яз.)
4. Ван Ц. Ляньхэго цзаофэн тяочжань [Организация Объединенных Наций сталкивается с трудностями]. Пекин: Чжунъян бяньи чубань шэ, 1995. (На кит. яз.)
5. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41.
6. Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-01.
7. Давид Ш.Ф. Аньцюань юй чжаньлюэ: чжаньчжэнть юй хэпин дэ сяньшидай цзе цзюэфанъянь [Безопасность и стратегия: проблемы войны

и мира в современную эпоху]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь субаньшэ, 2011. (На кит. яз.)

8. Ду Н., Лу Ц. Вэйхэ синдун гайлунь [Введение в миротворческую деятельность]. Пекин: Цзюньши ивэнь, 2004. (На кит. яз.)

9. Ду Н., Чжоу Х., Ян К. Синьчжунго цзюньшивайцзяо юй гоцзивэйхэ яньцзю [Военная дипломатия нового Китая и исследования международного миротворчества]. Пекин: Гофан дасюэ чубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)

10. Дубровский И.Р., Никулин М.А. Возможности развития экспедиционного потенциала НОАК в контексте военной модернизации // Военная мысль. 2022. № 5. С. 118–141.

11. Дубровский И.Р., Худайкулова А.В. Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // Проблемы национальной стратегии. 2022. Т. 71. № 2. С. 102–125. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_2_102.

12. Зародов И.А. Трансформация подхода Китая к участию в миротворческих операциях ООН (1981–2012 гг.) // Сравнительная политика. 2013. № 4. С. 98–102. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-1(11)-98-102.

13. Кашин В.Б. XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // Российское китаеведение. 2023. № 1. С. 35–45. DOI: 10.48647/ISSA.2023.79.99.002.

14. Лексютина Я.В. Вклад современного Китая в миротворческую деятельность ООН // Общество и государство в Китае. 2018. № 4. С. 305–311.

15. Ли Д. Чжунго цаньйюй лянхэго вэйхэцзяньхэ дэ цянъзинь юй луцзин [Перспективы и пути участия Китая в миротворчестве и миростроительстве ООН] // Вайцзяо пинлунь. 2012. № 3. С. 6–8. (На кит. яз.)

16. Лу Ц., Ван Т. и др. Гоцзи вэйхэсюэ [Исследование международных операций по поддержанию мира]. Пекин: Гофан дасюэ чубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)

17. Лю Д. Гоцзигуаньсиши [История международных отношений]. Пекин: Гаодэн цзяо юй чубаньшэ, 2019. (На кит. яз.)

18. Люй Ж. Чжунго лянхэго вэйхэсиндун 25 нянь: личэн, вэньти юй цянъжэнь [25 лет миротворческих операций Китая ООН: история, проблемы и перспективы] // Гоцзигуаньси яньцзю. 2015. № 3. С. 56–57. (На кит. яз.)

19. Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 4. С. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104.

20. Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник

РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 358–371. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371.

21. Фэн Ц. Чжунго дуй лянхэхэ вэйхэ синдун дэ жэньтунь яньбиань: хуаюй шицзянь дэ шицзяо [Эволюция идентичности Китая и операции ООН по поддержанию мира: взгляд с точки зрения дискурсивной практики] // Гоцзи луньбянь. 2012. № 5. С. 52–56. (На кит. яз.)

22. Хань Ф. Гунгунвайцзяо гайлунь [Введение в публичную дипломатию]. Пекин: бэйцзин дачюэ чубаньшэ, 2012. (На кит. яз.)

23. Хэ И. Фачжаньхэпин: лянхэхэ вэйхэцзяньхэчжун дэ чжунгофачжань [Мир через развитие: инициативы Китая в миротворчестве и миростроительстве ООН] // Шицзе чжэнцжи яньцзю. 2017. № 4. С. 10–26. (На кит. яз.)

24. Хэ И. Чжунго дэ вэйхэвайцзяо: цзюй гоцзяшэньфэнь дэ шицзяо фэньси [Миротворческая дипломатия Китая: анализ с точки зрения национальной идентичности] // Сия фэйчжоу. 2019. № 4. С. 29–43. (На кит. яз.)

25. Чжао Л. Гоуцзянь хэсешицзе дэ чжунъяо шицзянь — чжунго каньюй лянхэхэ вэйчи хэпинсиндун яньцзю [Важная практика построения гармоничного мира — исследование участия Китая в миротворческих операциях ООН]. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньгэ, 2010. (На кит. яз.)

26. Чжао Л., Гао С. Чжунго каньюй лянхэхэ вэйчихэпинсиндун дэ цянъяньвэньти [Новейшие вопросы участия Китая в миротворческих операциях ООН]. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2011. (На кит. яз.)

27. Чжао Н. Дандай гоцзи вэйхэсиньдун [Современные международные операции по поддержанию мира]. Пекин: Цзюньши ивэнь, 2006. (На кит. яз.)

28. Ян С. Цзюньши вайцзяо гайлунь [Теории военной дипломатии]. Пекин: Цзюньши ивэнь, 1999. (На кит. яз.)

29. China's expanding role in UN peacekeeping // Stockholm International Peace Research Institute. 25.11.2009. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRIPP25.pdf> (accessed: 20.12.2023).

30. China's growing role in UN peacekeeping // International Crisis Group. 17.04.2009. Asia Report No. 166. Available at: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/166-china-s-growing-role-in-un-peacekeeping.pdf> (accessed: 01.09.2023).

31. China's role in UN peacekeeping // The Institute for Security and Development Policy. March 2018. Available at: <https://isdpr.eu/content/uploads/2018/03/PRC-Peacekeeping-Background.pdf> (accessed: 01.12.2023).

32. Gowan R. China's pragmatic approach to UN peacekeeping // The Brookings Institution. 14.09.2020. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-pragmatic-approach-to-un-peacekeeping/> (accessed: 01.09.2023).

33. He Y. China's changing policy on UN peacekeeping operations // Institute for Security and Development Policy. July 2007. Available at: <https://isdpr.eu/>

content/uploads/publications/2007_he_chinas-changing-policy.pdf (accessed: 01.09.2023).

34. Kashin V.B. China's power projection potential // Russian in Global Affairs. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 197–205.

35. Khudaykulova A.V. China as an emerging actor in conflict management: From non-interference in internal affairs to 'constructive' engagement // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 420–431. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431.

36. Matsuda Y. China's UN peacekeeping operations policy: Analysis of the factors behind the policy shift toward active engagement // International Circumstances in the Asia-Pacific Series (China). Japan Digital Library. March 2016. Available at: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/digital_library/china/160331_Yasuhiro_Matsuda.pdf (accessed: 01.09.2023).

37. Mir W. Financing UN peacekeeping: Avoiding another crisis // International Peace Institute. April 2019. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/04/1904_Financing-UN-Peacekeeping.pdf (accessed: 07.10.2023).

REFERENCES

1. Barskii K.M. 2015. Perspektivy uchastiya ShOS v mirotvorcheskoi deyatel'nosti, predotvrashchenii i uregulirovaniy konfliktov [Participation of the SCO in peacekeeping activities, prevention and settlement of conflicts]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, pp. 94–101. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-94-101. (In Russ.)

2. Bratskii M.V. 2018. Rossiya i mirotvorcheskie operatsii: kontseptual'nye i prakticheskie sostavlyayushchie rossiiskoi politiki [Russia and peacekeeping operations: Conceptual and practical components of Russia's policy]. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 157–170. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-09. (In Russ. and Eng.)

3. Buzan B. 2014. Khuashidai bian' chzhun de dagoguan'si [Relations among great powers during a time of sweeping change]. *Shijie zhengzhi yanjiu*, no. 1, pp. 20–23. (In Chinese.)

4. Van Ts. 1995. *Lyan'khego tsaofen tyaochzhan'* [The United Nations in the face of challenges]. Beijing, Zhongyang bianyi chubanshe Publ. (In Chinese.)

5. Grachikov E.N. 2021. Diplomatiya KNR: kontekst akademicheskogo diskursa [Chinese diplomacy: Context of academic discourse]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 3, pp. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41. (In Russ.)

6. Grachikov E.N., Syui Kh. 2022. KNR i mezhdunarodnaya sistema: formirovanie sobstvennoi modeli miroustroistva [China and the international system: The formation of a Chinese model of world order]. *International Or-*

ganisations Research Journal, vol. 17, no. 1, pp. 7–24. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-01. (In Russ.)

7. David Sh.F. 2011. *An'tsyuan' yui chzhan'lyue: chzhan'chzhen" yui khepin de syan'shidai tsze tszyuefan"an'* [Security and strategy: Problems of war and peace in the modern era]. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe Publ. (In Chinese.)

8. Du N., Lu Ts. 2004. *Veikhe sindun gailun'* [Introduction in peacekeeping activities]. Beijing, Tszyun'shi iven' Publ. (In Chinese.)

9. Du N., Chzhou Kh., Yan K. 2015. *Sin'chzhungo tszyun'shivaitszyao yui gotsziveikhe yan'tszyu* [Military diplomacy of the new China and studies of international peacekeeping]. Beijing, Guofang daxue chubanshe Publ. (In Chinese.)

10. Dubrovskii I.R., Nikulin M.A. 2022. *Vozmozhnosti razvitiya ekspeditsionnogo potentsiala NOAK v kontekste voennoi modernizatsii* [The development scope of the Chinese Peoples' Liberation Army expedition potential]. *Voennaya mysl'*, no. 5, pp. 118–141. (In Russ.)

11. Dubrovskii I.R., Khudaikulova A.V. 2022. *Mirotvorcheskaya deyatel'nost' kak instrument razvitiya potentsiala Narodno-osvoboditel'noi armii Kitaya* [Peacekeeping activity as a mean of enhancing the potential of the People's Liberation Army of China]. *Problemy natsional'noi strategii*, vol. 71, no. 2, pp. 102–125. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_2_102. (In Russ.)

12. Zarodov I.A. 2013. *Transformatsiya podkhoda Kitaya k uchastiyu v mirotvorcheskikh operatsiyakh OON (1981–2012 gg.)* [Comparative analysis of foreign policy approaches: Chinese participation in the UN peacekeeping operations (1981–2012)]. *Sravnitel'naya politika*, no. 4, pp. 98–102. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-1(11)-98-102. (In Russ.)

13. Kashin V.B. 2023. *XX s'ezd KPK i ego vliyanie na politiku KNR v sfere oborony* [The 20th congress of the CCP and its impact on China's defense policy]. *Rossiiskoe kitaevedenie*, no. 1, pp. 35–45. DOI: 10.48647/ICCA.2023.79.99.002. (In Russ.)

14. Leksyutina Ya.V. 2018. *Vklad sovremennogo Kitaya v mirotvorcheskuyu deyatel'nost' OON* [Contemporary China's contribution to UN peacekeeping]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, no. 4, pp. 305–311. (In Russ.)

15. Li D. 2012. *Chzhungo tsan'yui lyan'khego veikhetszyan'khe de tsyan'zin" yui lutszin* [Prospects for China's participation in the UN peacekeeping and peacebuilding]. *Waijiao pinglun*, no. 3, pp. 6–8. (In Chinese.)

16. Lu Ts., Van T. et al. 2015. *Gotszi veikhesyue* [Study of international peacekeeping operations]. Beijing, Guofang daxue chubanshe Publ. (In Chinese.)

17. Lyu D. 2019. *Gotsziguan'sishi* [History of international relations]. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe Publ. (In Chinese.)

18. Lyui R. 2015. *Zhongguo lianheguo weihe xingdong 25 nian: licheng, wenti yu qianzhan*. [25 years of China's UN peacekeeping operations: History, problems and prospects]. *Journal of International Relations*, no. 3, pp. 56–57. (In Chinese.)

19. Malyshev D.V. 2021. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i ee rol' v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii (k 20-letiyu sozdaniya ShOS) [Shanghai Cooperation Organization and its role in the contemporary system of international relations (On the 20th anniversary of the SCO)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 81–104. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104. (In Russ.)

20. Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Pon'ka T.I. 2023. Rol' voennoi diplomatii vo vneshnei politike KNR v Yuzhno-Kitaiskom more [Role of military diplomacy in the PRC's foreign policy in the South China Sea.]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 23, no. 2, pp. 358–371. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371. (In Russ.)

21. Fen Ts. 2012. Chzhungo dui lyan'khego veikhe sindun de zhen'tun' yan'bian': khuayui shitszyan' de shitszyao [China's identity evolution and the UN peacekeeping operations: A discursive perspective]. *Guoji luntan*, no. 5, pp. 52–56. (In Chinese.)

22. Khan F. 2012. *Gungunvaitszyao gailun'* [Introduction to public diplomacy]. Beijing, Beijing daxue chubanshe Publ. (In Chinese.)

23. Khe I. 2017. Fachzhan'khepin: lyan'khego veikhetszyan'khechzhun de chzhungofachzhan' [Developmental peace: China's initiatives in the UN peacekeeping and peacebuilding]. *Shijie zhengzhi yanjiu*, no. 4, pp. 10–26. (In Chinese.)

24. Khe I. 2019. Chzhungo de veikhevaitszyao: tsziyui gotszyashen'fen' de shitszyao fen'si [Peacekeeping diplomacy of China: National identity perspective]. *Xiya beifei*, no. 4, pp. 29–43. (In Chinese.)

25. Chzhao L. 2010. *Goutszyan'kheseshitsze de chzhun'yao shitszyan' — chzhungo tsan'yui lyan'khego veichi khepinsindun yan'tszyu* [An important practice in building a harmonic peace: A study of China's participation in the UN peacekeeping operations]. Beijing, Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe Publ. (In Chinese.)

26. Chzhao L., Gao S. 2011. *Chzhungo tsan'yui lyan'khego veichikhepinsindun de tsyan'yan'ven'ti* [Current issues of China's participation in the UN peacekeeping operations]. Beijing, Shishi chubanshe Publ. (In Chinese.)

27. Chzhao N. 2006. *Dandai gotszi veikhesin'dun* [Contemporary peacekeeping operations]. Beijing, Tszyun'shi iven' Publ. (In Chinese.)

28. Yan S. 1999. *Tszyun'shi vaitszyao gailun'* [Theories of military diplomacy]. Beijing, Tszyun'shi iven' Publ. (In Chinese.)

29. China's expanding role in UN peacekeeping. 2009. *Stockholm International Peace Research Institute*. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRI25.pdf> (accessed: 20.12.2023).

30. China's growing role in UN peacekeeping. 2009. *International Crisis Group*. Asia Report No. 166. Available at: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/166-china-s-growing-role-in-un-peacekeeping.pdf> (accessed: 01.09.2023).

31. China's role in UN peacekeeping. 2018. *The Institute for Security and Development Policy*. Available at: <https://isdpeu.org/content/uploads/2018/03/PRC-Peacekeeping-Background.pdf>. (accessed: 01.12.2023).

32. Gowan R. 2020. China's pragmatic approach to UN peacekeeping. *The Brookings Institution*. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-pragmatic-approach-to-un-peacekeeping/> (accessed: 01.09.2023).

33. He Y. 2007. China's changing policy on UN peacekeeping operations. *Institute for Security and Development Policy*. Available at: https://isdpeu.org/content/uploads/publications/2007_he_chinas-changing-policy.pdf (accessed: 01.09.2023).

34. Kashin V.B. 2016. China's power projection potential. *Russian in Global Affairs*, vol. 14, no. 2, pp. 197–205.

35. Khudaykulova A.V. 2019. China as an emerging actor in conflict management: From non-interference in internal affairs to 'constructive' engagement. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 420–431. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431.

36. Matsuda Y. 2016. China's UN peacekeeping operations policy: Analysis of the factors behind the policy shift toward active engagement. *International Circumstances in the Asia-Pacific Series (China)*. Japan Digital Library. Available at: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/digital_library/china/160331_Yasuhiro_Matsuda.pdf (accessed: 01.09.2023).

37. Mir W. 2019. Financing UN peacekeeping: Avoiding another crisis. *International Peace Institute*. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/04/1904_Financing-UN-Peacekeeping.pdf (accessed: 07.10.2023).

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после
рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 14.02.2024

The paper was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 14.02.2024

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 25: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В 2023 г.

Статьи	№	С.
20 лет факультету мировой политики		
Веселов В.А. Несовершенная биполярность: фактор третьей силы в советско-американских отношениях в ядерной сфере в 1958–1968 гг.	1	16–69
Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение	1	70–92
Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного	1	93–132
Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем	1	133–163
Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривнутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы	1	164–187
Лебедева Т.Ю., Минаева Л.В. Теория и практика цифровой политической культуры: взгляд французской школы коммуникативистики	1	188–208
Национальные государства, транснациональный капитал и вызовы (де)глобализации		
Фишман Л.Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития?	2	12–34
Зайцев С.Ю. Деятельность ТНК в политической сфере: современные тенденции и влияние на концепты власти, легитимности и суверенитета	2	35–64
Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия	2	65–93
Юдин Н.О. Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» транснациональных корпораций	2	94–115
Оганисян Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений	2	116–152
Батюк В.И. Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена)	2	153–183
Доктрина Монро и парадоксы колониализма		
Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX – начале XX в.	3	11–55

Статьи	№	С.
Буранок С.О. Доктрина Монро: оценки республиканцев в период формирования Версальско-Вашингтонской системы	3	56–86
Малкин С.Г. Доктрина малых войн Корпуса морской пехоты США и колониальный опыт европейских держав	3	87–124
Сергеев Е.Ю. Британский вариант доктрины Монро versus «коммунистический милитаризм»: коллизии отношений СССР и Соединенного Королевства в странах Востока (середина 1920-х годов)	3	125–159
Хахалкина Е.В. От «Большой» к «Глобальной Британии»: новое и старое во внешнеполитических установках Соединенного Королевства	3	160–184
История международных отношений и внешней политики		
Вершинин А.А., Тупикин П.А. Дипломатическая деятельность М.М. Литвинова в США в период Великой Отечественной войны (1941–1943)	4	7–32
Теория международных отношений		
Юдин Н.В. О чем говорят и о чем молчат учебники по теории международных отношений (и что с этим делать)	4	33–60
Кучеров М.А., Харкевич М.В. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности	4	61–83
Левченко А.В. Неоклассический реализм: в поисках своего «Я» в теории международных отношений	4	84–106
Международные организации и мировые политические процессы		
Чжу Сюй. Стратегический треугольник «Россия — Индия — Китай»: структура и проблемы взаимодействия	4	107–141
Ли Цянь. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы	4	142–172
Научные обзоры и рецензии		
Нефёдов А.В. Африка между Востоком и Западом: поиск собственного пути. <i>Рецензия на книгу Ф.К.Н. Эдзимби «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи»</i>	2	184–200
Сергиенко-Солер В. Конец «старой» Франции. <i>Рецензия на монографию А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки»</i>	3	185–192

COMPLETE LIST OF PAPERS PUBLISHED IN «LOMONOSOV WORLD POLITICS JOURNAL» IN 2023

Papers	№	P.
School of World Politics: 20th Anniversary		
Veselov V.A. Imperfect Bipolarity: The 'Third Power' Factor in Soviet-American Relations in the Nuclear Field (1958–1968)	1	16–69
Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. Global and Regional Trends of the Century+ in the Middle East: A New Interpretation	1	70–92
Ponamareva A.M. Mnemonic Diplomacy in Russian-Serbian Relations: The Limits of the Possible	1	93–132
Bartenev V.I. International Development Cooperation and Political Risks for Transnational Business: Linking Research Topics	1	133–163
Sharikov P.A. Evolution of US Public Diplomacy: Domestic Political Determinants, Priorities and New Challenges	1	164–187
Lebedeva T.Yu., Minaeva L.V. Theory and Practice of Digital Political Culture: The Views of the French School of Communicativistics	1	188–208
Nation States, Transnational Capital, and Challenges of (De)Globalization		
Fishman L.G. 'Superfluous People' at the Turn of the Era: Culture of Utilization or Culture of Development?	2	12–34
Zaitsev S.Yu. Political Implications of the Activities of TNCs: Current Trends and Impact on the Concepts of Power, Legitimacy and Sovereignty	2	35–64
Pyatakov A.N. Transnational Organized Crime in Latin America: Current Trends and Prospects for Military Crime-Fighting Operations	2	65–93
Yudin N.O. Humanitarian Activity as a 'Soft Power' Instrument of Transnational Corporations	2	94–115
Oganisyan L.D. Humanitarian Aid under Sanctions: From the Problem Statement to the Search for Solutions	2	116–152
Batyuk V.I. US Deterrence against Russia and China (Based on Strategic Documents of J. Biden Administration)	2	153–183
The Monroe Doctrine and the Paradoxes of Colonialism		
Istomin I.A. Justification for Interference? The Role of the Monroe Doctrine in the Stigmatization and Legitimation of Intervention in the US Foreign Policy in the 19th and Early 20th Centuries	3	11–55
Buranok S.O. The Monroe Doctrine: Republicans' Perspective in the Formation Years of the Versailles-Washington System	3	56–86
Malkin S.G. The Small Wars Doctrine of the US Marine Corps and Colonial Experience of the European Powers	3	87–124

Papers	№	P.
Sergeev E.Yu. British Edition of the Monroe Doctrine versus 'Communist Militarism': Collisions between the USSR and the UK in Eastern Countries in the mid-1920s	3	125–159
Khakhalkina E.V. From 'Greater' to 'Global Britain': The New and the Old in the Foreign Policy of the United Kingdom	3	160–184
History of International Relations and Foreign Politics		
Vershinin A.A., Tupikin P.A. Diplomatic Activities of M.M. Litvinov in the USA During the Great Patriotic War (1941–1943)	4	7–32
Theory of International Relations		
Yudin N.V. Textbooks on the International Relations Theory: What They Talk About, What They Keep Silent About, and What to Do About It	4	33–60
Kucherov M.A., Kharkevich M.V. 'Bottom-Up Securitization': A Visual Turn in Security Studies	4	61–83
Levchenko A.V. Neoclassical Realism in International Relations Theory: Searching for Its Own Path	4	84–106
International Organizations and World Political Processes		
Zhu Xu. Strategic Triangle 'Russia — India — China': Structure and Problems of Interaction	4	107–141
Li Qian. China's Peacekeeping Activities within the UN: Features, Challenges, and Prospects	4	142–172
Review Essays and Book Reviews		
Nefedov A.V. Africa between East and West: Searching for Its Own Path. <i>Book Review of 'La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité' by F.X.N. Edzimbi</i>	2	184–200
Sergienko-Soler V. The End of the Old France. <i>Book Review of 'From Triumph to Disaster: Political and Military Defeat of France in 1940 and Its Origins' by A.A. Vershinin and N.N. Naumova</i>	3	185–192